

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ**

2017 Том 16 № 4

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СЕРИИ Козьменко Владимир Матвеевич, доктор ист. наук, профессор, РУДН, Россия E-mail: kozmenko_vm@rudn.university	ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА Мосейкина Марина Николаевна, доктор ист. наук, профессор, РУДН, Россия E-mail: moseikina_mn@rudn.university	ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ СЕРИИ Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, кандидат ист. наук, доцент, РУДН, Россия E-mail: kornoukhova_gg@rudn.university
---	---	---

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Арсланов Рафаэль Амирович, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, РФ

Владимирски Ирена, доктор исторических наук, профессор, Академический колледж Ахва, Биир-Тувиа, Израиль

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, РФ

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, Уральский Федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, РФ

Кемпер Михаэль, доктор наук, профессор, Амстердамский университет, Амстердам, Голландия

Козн Стивен, доктор наук, профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Мартин Александр, доктор наук, профессор, Нотрдамский университет, Нотр Дам, США

Юнусова Айслу Билаловна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, Уфа, РФ

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка *Ю.А. Заикина*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

ул. Орджоникидзе, 3, Москва, Россия, 115419

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «История России»:

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ**

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

4 выпуска в год.

<http://journals.rudn.ru/russian-history/index>.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цель и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам публикаций.

Цель журнала – способствовать сотрудничеству и научному обмену в области исторического знания, публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых по широкому кругу актуальных проблем российской истории, касающихся политики, экономики, культуры Российского государства, центральное место среди которых отводится истории народов России и проблемам российской регионалистики.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими достижениями отечественной и зарубежной исторической науки, дискуссионными проблемами российской истории, современными методологией и методами в области исторических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением.

Основные рубрики журнала: социально-экономическая, политическая и социокультурная история народов России; российская общественно-политическая мысль; история национальной политики и межконфессиональных отношений в России; исторический опыт народов в периоды войн и конфликтов; контакты и связи народов России с народами мира; Русский мир; история эмиграции народов России и миграционная политика РФ; проблемы археологии, этнографии и антропологии народов России; российская регионалистика.

Кроме научных статей публикуются рецензии и историографические обзоры.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Подписано в печать 07.11.2017. Выход в свет 20.11.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 26,0. Тираж 500 экз. Заказ № 1591. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY

2017 Volume 16 № 4

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

Scientific journal

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir Kozmenko,

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail:

kozmenko_vm@rudn.university

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Marina Moseikina,

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail:

moseikina_mn@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya Kornoukhova,

RUDN University,

Moscow, Russia

E-mail:

kornoukhova_gg@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Rafael Arslanov, RUDN University, Moscow, Russia

Stephen Cohen, New York University, New York, USA

Vladimir Datsyshen, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Michael Kemper, University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands

Alexander M. Martin, University of Notre Dame, Notre Dame, USA

Olga Porshneva, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Irena Vladimirski, Academic College of Ahva, Biiir-Tuvia, Israel

Aislu Yunusova, Chief Scientific Officer, Federal State Institution of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev, Ufa, Russia

Copy Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *Yu.A. Zaikina*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia

3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board of RUDN Journal of Russian History:

10/2 Miklukho-Makhlaya St., Moscow, Russia, 117198

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.university

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8690 (online); 2312-8674 (print)

Published four times a year.

<http://journals.rudn.ru/russian-history/index>.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a peer-reviewed international academic journal publishing historical researches. It is international with regard to both its editorial board and contributing authors.

The goal of the *Journal* is to improve the research work efficiency in the field of historical knowledge, to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international researchers in the study of a wide range of issues (politics, economy and culture of the Ancient Russia – the Russian Empire – the Soviet Union – the Russian Federation), where the central place is given to the history of the peoples of Russia and Russian's regions.

General Journal Sections are the following: socio-economic, political and socio-cultural history of the peoples of Russia; history of national policies and inter-confessional relations in Russia; the historical experience of peoples during wars and conflicts; contacts and links of the peoples of Russia with the peoples of the world; the Russian world and the history of the emigration of peoples of Russia; migration policy of Russia; problems of archeology, ethnography and anthropology; Russian regionalistic.

In addition to research articles the journal also publishes book reviews and historiographical overviews.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Printing run 500 copies. Open price
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, Russia, 115419
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university
© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ	501
ИНОСТРАНЦЫ В РОССИИ	
Ермакова О.К. Контрактование иностранцев в начальный период реализации политики по переселению колонистов в Россию (1760-е гг.)	505
Ганчар А.И. Положение римско-католических братств в Российской империи (на примере Царства Польского и Северо-Западного края)	519
Ерохина О.В. Немецкое влияние на культурно-экономическое развитие Донского края XIX – начала XX в.	543
Слепцова Т.В., Георгиева Н.Г. Подготовка кадров к военной и гражданской службе в середине XIX в.: годы учебы историка, генерал-лейтенанта Н.К. Шильдера	559
Аксенова Г.В. Иностранцы – московские книгопечатники последней трети XIX – начала XX века	577
Линькова Е.В. Шарль Андре Поццо ди Борго – корсиканец на русской службе, «решивший судьбы Франции»	602
Давидович И.Ф. Жизненный опыт датчанки в СССР в контексте советско-датских отношений 1920–1950-х гг.	617
СТАТЬИ	
Василенко В.А. «Урянхайский вопрос» во внешней политике России начала XX в. и проблема участия в нем иностранных государств	641
Гаража Н.А. Понятийное измерение контекста трудоустройства советских граждан в экономике нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны	656
Рябкова Е.С. Женщины и женский быт в СССР 1950–1960-х гг. в советской и современной российской историографии	670
РЕЦЕНЗИИ	
Афанасьева Т.К. Рецензия на книгу: Гитлин С.И. Воспоминания историка о жизни в СССР и Израиле. М.: Собрание, 2016. 768 с.	686
Кузнецов А.А. Рецензия на книгу: Котеленец Е.А. Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО – XXI, 2017. 256 с.	692

CONTENTS

IN THIS ISSUE	501
FOREIGNERS IN RUSSIA	
Olga K. Ermakova , Contracting of foreigners during launching the project of colonists' resettlement to Russia (1760s)	505
Andry I. Hanchar , Position of Roman Catholic Brotherhoods in the Russian Empire	519
Olga V. Erokhina , German influence on cultural and economic development of Don Cossack Host in the 19 th – early 20 th century	543
Tatiana V. Sleptsova, Nataliya G. Georgieva , Staff training for military and civil service in the middle of the 19 th century: academic years of historian, General-Lieutenant N.K. Schilder	559
Galina V. Aksenova , Moscow printers-foreigners in the last third of the 19 th – early 20 th century	577
Elena V. Linkova , Carlo Andrea Pozzo di Borgo – a Corsican in Russian service, who “shaped destiny of France”	602
Inna F. Davidovich , Life experience of a Danish woman in the USSR in the context of Soviet-Danish relations of the 1920–1950s	617
ARTICLES	
Victoria A. Vasilenko , “Uriankhai issue” in foreign policy of Russia in the early 20 th century and the problem of foreign states' participation in it	641
Nataliia A. Garazha , Conceptual dimension of context of using Soviet citizens' labour in the Nazi Germany economy (1941–1945)	656
Ekaterina S. Ryabkova , Women and their way of life in USSR in 1950–1960s in Soviet and modern Russian historiography	670
BOOK REVIEWS	
Tatiana K. Afanas'eva , Book review: Gitlin S.I. <i>Historian's memoirs about his life in the USSR and in Israel</i> . Moscow: Collection Publ., 2016. 768 p.	686
Andrey A. Kuznetsov , Book review: Kotelenets E.A. <i>Bitva za Lenina. Noveishie issledovaniya i diskussii</i> [Battle for Lenin. Recent researches and discussions]. Moscow: Airo – XXI Publ., 2017. 256 p.	692

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Вниманию читателей представлен 4-й номер журнала *«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России»* / *“RUDN Journal of Russian History”*, основная часть публикаций которого посвящена жизни и деятельности иностранцев в России. Наряду с академическим интересом исследование данной многогранной проблемы приобрело современное звучание. Особую актуальность ей придает необходимость получения в условиях обострения отношений России с государствами Запада достоверных сведений о жизни иностранцев в стране, их взаимоотношениях с местным населением.

Разработка темы, опирающаяся на архивные материалы, позволяет не только реконструировать реальную роль иностранцев в экономическом и культурном развитии России, но и определить их вклад в цивилизационный прогресс, в создание гражданского общества. С другой стороны, изучение процесса адаптации иностранцев дает возможность пересмотреть устоявшиеся суждения о ксенофобии русского человека, изоляционистской политике государства, пытавшегося якобы оградить страну от пагубных чужеземных влияний. Во всяком случае, начиная с XVIII в. в условиях проходящей в стране модернизации и значительного расширения связей с зарубежными странами количество иностранцев, приезжавших в страну, нарастало. Многие из них преданно служили «второй родине» в армии и государственном аппарате, вносили неоценимый вклад в развитие науки и культуры, участвовали в создании передовых отраслей экономики. Осуществляя «прививку» западной культуры к русской почве, они, адаптируясь к местным условиям, воспринимали часть ее традиций и норм жизни, воплощая на деле синтез европейских и национальных ценностей.

Можно только представить возможный вектор развития страны, если бы масштабы и направления этого синтеза охватили бы основные слои русского общества, и прежде всего крестьянскую массу.

Практическое значение темы определяется и той ролью, которую играют современные миграционные процессы, адаптация иностранных граждан к новым общественным условиям в развитии России начала XXI в.

Исследование темы может служить показателем уровня научных интерпретаций взаимоотношений России и стран Запада, восприятия иностранцев в общественном сознании страны. Плюрализм мнений, основанный на прин-

ципах объективизма и историзма, присущих «Вестнику РУДН», дает возможность без какой-либо предвзятости рассмотреть те аспекты взаимодействия двух культур, которые ранее не привлекали внимания ученых. Следует заметить, что темы статей предложили сами авторы, исходя из собственных научных интересов и пристрастий.

В статье Г.В. Аксеновой «Иностранцы – московские книгопечатники последней трети XIX – начала XX века» на примере московских книгопечатников Э.-К.А. Лисснера и А.А. Левенсона, предки которых прибыли в Россию из Австрии и Германии, раскрывается роль иностранцев в организации издательского дела в Москве в конце XIX – начале XX в. Автор проанализировал этапы развития основанного ими типографского дела, специфику освоения книжного рынка. Особое внимание в рукописи обращено на то, что иностранцы, рискуя потерять прибыль, издавали произведения молодых талантливых авторов, и, открывая новые имена в литературе и искусстве, вносили тем самым неоценимый вклад в развитие культуры.

О.К. Ермакова в своей статье «Контрактование иностранцев в начальный период реализации политики по переселению колонистов в Россию (1760-е гг.)» провела сравнительный анализ контрактов, заключавшихся между иностранцами и российским государством в эпоху правления Екатерины II. Прежде всего автор показал содержание проводимой императрицей под влиянием популяционистской теории политики привлечения колонистов в Россию. Екатерина II надеялась с помощью иностранцев не только освоить новые территории, но и добиться роста производства при сохранении крепостнических порядков. В статье раскрыт процесс формирования договорных отношений между государством и иностранцами в Российской империи. Автор подчеркнул, что именно иностранные подданные стали первыми в истории страны частными лицами, с которыми государство заключало соглашения. С другой стороны, контракты стали одним из рычагов управления такой разросшейся во второй половине XVIII в. категорией российского общества, как иностранные колонисты.

В статье А.И. Ганчара «Положение римско-католических братств в Российской империи (на примере Царства Польского и Северо-Западного края)» на основе архивных материалов исследуется положение римско-католических братств на территории Царства Польского и Северо-Западного края Российской империи. Установлено, что возникшие под разными наименованиями братства представляли своеобразные, в большинстве своем законом не признанные организации, активность которых во многом стала ответом на конфессиональную и национальную политику правительства России.

Следует заметить, что автор не только обратился к теме, которая не получила должного освещения в историографии, но и аргументированно опроверг выводы ряда своих предшественников, например, о практическом отсутствии братств в начале XX в. на белорусских землях.

В статье *О.В. Ерохиной «Немецкое влияние на культурно-экономическое развитие Донского края XIX – начала XX в.»* выявлено и рассмотрено влияние представителей немецкой национальности на социально-экономическое и культурное развитие Области Войска Донского в XIX – начале XX в. Используя архивные материалы, автор проанализировал деятельность немцев на чиновничьих постах. Особое внимание исследователь уделил участию иностранцев в сельскохозяйственном и промышленном производстве в изолированном с националистически настроенным населением регионе. Автор опроверг сложившиеся стереотипы, показав, что колонисты, несмотря на свое немецкое происхождение, считали себя российскими подданными, прилагая все свои усилия для процветания края. Становясь иногда более русскими, чем сами русские, они вызывали искреннее уважение местного населения.

Вместе с тем автор затронул и проблему борьбы с «немецким засильем» в 1914–1916 гг., считая, что по своей сути она оказалась борьбой с собственным народом, который считал Россию своей родиной.

В статье *Е.В. Линьковой «Шарль Андре Поццо ди Борго – корсиканец на русской службе, “решивший судьбы Франции”»* рассматриваются взгляды и деятельность Шарля Андре Поццо ди Борго – российского дипломата корсиканского происхождения, кровного врага, а по некоторым оценкам алтер эго Наполеона Бонапарта.

Автор рассматривает влияние Поццо ди Борго не только на внешнеполитический курс России начала XIX в., но и на эволюцию отечественной общественной мысли, в частности, ее консервативного направления. В статье проводится анализ самого феномена французской эмиграции в России в конце XVIII – начале XIX в. На материале, почерпнутом в том числе и в работах Поццо ди Борго, выявляется роль французов в культурном развитии страны, ее внешней политике. Немаловажным аспектом статьи стало рассмотрение автором российско-корсиканских отношений в XVIII в. (т.е. в тот период, когда Корсика еще не являлась частью Франции). Вероятно, следовало бы подчеркнуть, что это один из первых случаев поддержки русским правительством в интересах империи национального сепаратизма. Автор пришел к обоснованному выводу, что, заботясь о сохранении Франции, о восстановлении монархического режима, Поццо ди Борго руководствовался и интересами России, которой, по его мнению, было необходимо спокойствие в Европе, отсутствие войн, революций и потрясений.

В статье *Н.Г. Георгиевой и Т.В. Слепцовой «Подготовка кадров к военной и гражданской службе в середине XIX в.: годы учебы историка, генерал-лейтенанта Н.К. Шильдера»* исследуются молодые годы жизни известного российского историка, имевшего немецкие корни – Николая Карловича Шильдера (1842–1902). На основе сведений, выявленных в архивных и опубликованных исторических источниках, рассмотрено становление как его профессиональных качеств, так и общественно-политических взглядов, ядром которых стал патриотизм. Авторы пришли к обоснованному выводу,

что, получив знания, необходимые военному инженеру, Н.К. Шильдер использовал приобретенные навыки к самостоятельному и творческому труду и в своей научно-исследовательской деятельности в области истории. Вероятно, свою роль в становлении таких качеств, как скрупулезность, внимание к факту, научная честность, сыграли и немецкие корни ученого.

И.Ф. Давидович в своей статье «*Жизненный опыт датчанки в СССР в контексте советско-датских отношений 1920–1950-х гг.*» исследовала трансформацию восприятия советского общества датчанкой, обусловленную опытом ее жизни в СССР. Автор выявил влияние внешних факторов – изменений международной обстановки, политического и идеологического курса правящей партии и пр. – на личную судьбу иностранки. Под давлением мощного исторического пресса, тех испытаний, которые обрушились на страну и на нее лично в годы «великого скачка», она утратила веру в идеалы коммунизма и приобрела черты советского человека с его способностью адаптироваться к тяжелым внешним условиям жизни. Именно анализ процесса социокультурной адаптации, ведущий к смене национальной идентичности, и вызывает особый интерес к статье.

*Редактор рубрики
«Иностранцы в России»
Р.А. Арсланов*

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-505-518

КОНТРАКТОВАНИЕ ИНОСТРАНЦЕВ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПО ПЕРЕСЕЛЕНИЮ КОЛОНИСТОВ В РОССИЮ (1760-е гг.)

О.К. Ермакова

Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
ermakovaok@mail.ru

В статье представлен сравнительный анализ разных видов контрактов, заключавшихся в ходе переселения иностранных колонистов в Россию в 1760-е гг. Договоры классифицированы и охарактеризованы с точки зрения формуляра, содержательной структуры и состава контрагентов. Смысловое наполнение соглашений соотнесено с нормами законодательства и другими источниками, повлиявшими на создание данного вида документа. Показана включенность контрактов с колонистами в эволюцию договорных отношений государства и иностранцев.

Ключевые слова: контракт, иностранные колонисты, переселение, договор, Канцелярия опекунства иностранных

Введение

Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 гг., разрешавший иностранцам селиться в Российской империи и, по сути, призывавший их к переезду, вызвал широкий отклик среди выходцев из европейских государств. Число желающих переселиться в Россию оказалось существенно выше, чем могли ожидать организаторы данной инициативы. Вместе с тем такая реакция иностранцев, стремившихся записаться в колонисты, обеспечивалась не только распространением самого манифеста, но и целым комплексом мероприятий, в которых были задействованы как российские дипломатические представители, так и частные лица из зарубежных стран.

Как любой крупномасштабный процесс, кампания по привлечению иностранных колонистов требовала регламентации и документирования. Исходной основой для этого явились специально разработанные законодательные и нормативные акты, к которым относятся манифесты от 4 декабря 1762 г. («О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за

границу»)¹ и от 22 июля 1763 г. («О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах»)², а также указ об учреждении Канцелярии опекунства иностранных колонистов и Инструкция, утвержденная для данной Канцелярии 22 июля 1763 г.³ В ходе практической реализации переселения колонистов правительство вводило в действие новые уточняющие циркуляры и рескрипты, а наряду с этим закономерно возникла необходимость создания документов, регулирующих взаимоотношения между российским государством и конкретными иностранцами. В результате появлялись специальные виды контрактов и рождались новые формы договорных отношений между названными контрагентами.

В рамках совокупности соглашений, относящихся к «колонистским делам», можно выделить три разновидности контрактов, отличающихся по составу участвующих сторон. К первой принадлежат договоры, заключенные российским правительством в лице его полномочных представителей с иностранными фабрикантами; ко второй – контракты между российским государством и «вызывателями» колонистов (иностранцами, занимавшимися поиском и отправлением переселенцев из-за рубежа); наконец, третий уровень – договоры с колонистами-земледельцами, в которых контрагентами выступали колонист с одной стороны и «вызыватель» либо Канцелярия опекунства иностранных – с другой.

Общая проблематика переселения иностранцев в Россию в эпоху Екатерины II актуальна как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке. При этом и российские, и западноевропейские исследователи новейшего времени опираются в своих изысканиях на важнейшие труды по данной тематике, созданные в период дореволюционной российской историографии, в частности, Г.Г. Писаревским. Его фундаментальная работа «Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. . . .» построена на богатейшем источниковом материале и разносторонне раскрывает многие аспекты процесса переселения колонистов [1–3]. В настоящее время исследуются тенденции государственной политики в отношении иностранных колонистов, общий ход заселения и организации жизни в колониях [4; 5], издан сборник документов по истории немецких колоний в Поволжье в эпоху Екатерины II [6]. Коллективные и обобщающие труды о иностранцах в России также содержат материалы о колонистах [7–10]. В зарубежной историографии переселенцам периода второй половины XVIII – начала XIX в. посвящена монография Р. Бартлетта [11], специфике немецких школ в России, в том числе основанных колонистами XVIII в., – исследование В. Зюсса [12], британцам в Петербурге

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 1. Т. 16. № 11720.

² Там же. № 11880.

³ Там же. № 11879, 11881.

XVIII в. – книга Э. Кросса [13], а биографические сведения о французских колонистах содержатся в фундаментальном справочнике «Французы в России в век Просвещения» под редакцией А. Мезен и В. Ржеуцкого [14].

Контракты с иностранными фабрикантами

Первая группа «колониистских» договоров – контракты с иностранными фабрикантами – отличается наибольшей вариативностью формы и содержания. Соглашения представляют собой своеобразное сплетение воедино нескольких направлений договорных отношений. Истоки такого контракта лежат и в опытах регулирования торгово-финансовых взаимодействий, и в юридических прецедентах, связанных с наймом иностранных специалистов, и во вновь разработанных нормативных актах о положении колонистов.

Предваряя характеристику договоров, следует отметить, что для заселения неосвоенных территорий предполагалось приглашать не только «землепахотных», но и «художных», «рукодельных» людей¹. Приезжавшие иностранцы выступали в роли хлебопашцев, но в то же время могли заниматься организацией собственных фабрик. Кроме того, в данный период в ведомстве Канцелярии опекунов иностранных оказывались дела о устройстве фабрик не только на мало освоенных территориях, но и в Санкт-Петербурге², хотя согласно циркулярному рескрипту от 28 октября 1763 г. фабрики позволялось заводить не ближе шестидесяти верст от столичных городов [1, с. 57].

Упомянутый выше циркуляр отсылает к процедуре выработки условий и заключения контрактов с «фабрикантами и мануфактурщиками». По силе данного рескрипта, подписанию договора предшествовало тщательное согласование «кондиций», на которых иностранцы собираются приехать в Россию и организовать свои фабрики. Требовалось выяснить, на каком основании и за чей счет иностранец планирует устройство фабрики (на собственный кошт или же с вспоможением от казны), сколько нужно привезти мастеров и каковы будут затраты на их переезд, нужно ли выписывать специальные инструменты, что именно будет изготавливаться на фабрике и сможет ли иностранец-контрагент обучить русских учеников своему искусству. Рескрипт предписывал сформулировать кондиции предельно точно и ясно, чтобы «никакого изъяснения больше не требовали». Только после этого допускалось заключение договора³.

Структура контрактов с фабрикантами включала ряд обязательных разделов. После преамбулы, в которой указывались стороны, подписавшие дого-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 283. Оп. 1. Д. 16. Л. 54 об., 71.

² Там же. Л. 3–4, 41–43.

³ Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 51. СПб., 1886. № 739. С. 69–70.

вор, место и дата его подписания, следовал пункт, содержащий предмет соглашения, а именно: какую фабрику обязывался организовать иностранец и что конкретно должно на ней производиться. Далее непременно прописывались условия, касающиеся подготовки русских учеников. В ряде случаев за обучение каждого из них фабриканту полагалась отдельная плата¹.

Иностранцы несли ответственность за содержание своих учеников, обеспечение их пропитанием, одеждой². В контракте с табачным фабрикантом Иоганном Теофилом Буше особенно подробно представлены соответствующие требования: «каждого ученика снабдить пристойною одеждою, обувью и бельем <...>; всякому из них дать особую кровать с тюфяком, подушкою, простынею и одеялом; определить к тем ученикам женщину для содержания как самих учеников так и белья, платья и покоя, где жить будут в чистоте и для перестилания постелей их; другую женщину ради приготовления для них пищи с наблюдением постных дней»; «не только содержать особливые покои для больных но и лекарство для них покупать и докторам и лекарям платить ему от себя; во все праздничные и воскресные дни а в великой пост и кроме помянутых дней <...> отводимы б они были в ближайшую церковь; каждый день кроме воскресных и праздничных дней обучать их двум учителям немецкому и французскому языкам по два часа, а по изучении оных или одного которого-нибудь языка <...> обучать их арифметике и географии»³.

На содержание каждого ученика И. Буше получал по 60 руб. в год. Помимо этого договор предполагал выдачу фабриканту 12 000 руб. непосредственно на обучение, т.е. закупку необходимых инструментов и выписку искусных табачных мастеров для подготовки данных иностранцу учеников. Данная сумма оставалась долгом на фабриканте до тех пор, пока его подопечные не продемонстрируют успехи в учении. Залогом считалась «фабрика и инструменты, переделанной табак и все то, что ко оной принадлежит, не исключая и самого его [Буше – *Е.О.*] с его семейством»⁴.

Договор с шляпными фабрикантами Якобом Палисом и Франсуа Сосье предусматривал иную схему. Иностранцы принимали к себе трех учеников, которые первые два года из десятилетнего срока контракта содержались за счет казны, а в оставшееся время должны были получать одежду и пищу от самих фабрикантов⁵.

Следующий смысловой блок контракта – «вспоможение» фабриканту. В данном случае речь идет об отведении земли, предоставлении казенных квартир либо ссуды на строительство домов и помещений для фабрик. Кроме

¹ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 16. Л. 3 об., 7 об.

² РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.

³ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 16. Л. 8 об. – 10.

⁴ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 16. Л. 9.

⁵ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 22. Л. 13, 18 об.

этого прописывалась сумма, дававшаяся фабриканту в заем, с указанием сроков и условий ее возвращения в казну.

Вообще финансовые вопросы раскрывались довольно подробно и касались ссудных денег на разные нужды (устройство фабрики, содержание учеников), оплаты путевых издержек иностранца-контрагента, а также его семейства, помощников и мастеров, в которых может возникнуть необходимость в будущем. Льготы и преимущества фабрикантов в обеспечении казенными средствами определялись «против прочих колонистов», согласно Манифесту 1763 г.¹ В числе привилегий, следуя законодательству, закреплялось освобождение иностранцев от податей и повинностей на десять лет, а также колонисты и их дети не были обязаны вступать в военную службу².

В договорах с фабрикантами особое внимание уделялось требованиям к качеству производимой продукции и правилам продажи товаров. Так, например, Жан-Пьер Адор, учредивший галантерейную фабрику в Санкт-Петербурге в 1764 г., при изготовлении изделий из золота и серебра обязывался соблюдать чистоту сплава не ниже определенного уровня³. Табачному фабриканту Иоганну Буше предписывалось «для продажи оптом и в розницу передуваемого на его фабрике табаку иметь лавки только в Санкт-Петербурге и Москве под российским императорским гербом и штемпелем и платить за оные равные подати против других тех городов купцов по нынешнему и предбудущему учреждениям». Его контрактом также устанавливалась цена табака и количество, которое необходимо производить, и определялась допустимая доля товара, отпускаемого за границу⁴. Иностранцы обязывались регулярно (раз в месяц или каждые полгода) отчитываться о результатах производства и продажи, успехах учеников и потраченных казенных средствах. От результатов таких отчетов зависело решение Канцелярии опекунов иностранных о продолжении или прекращении выдачи ссудных денег и предоставлении других льгот.

В соглашениях оговаривались условия выезда иностранных фабрикантов из России, что не воспрещалось после выполнения всех пунктов контракта, особенно связанных с подготовкой учеников (в случае, если не все из них демонстрировали хорошие результаты, иностранцу приходилось остаться еще на некоторое время) и выплатой денег, взятых в ссуду у государства. Условием к выезду иностранца из России являлось обязательство оставить десятую часть «нажитого имения». Однако это требование, исходившее из законодательства, встречалось не во всех договорах⁵.

¹ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 16. Л. 3 об., 13 об.; Д. 22. Л. 18–18 об.

² РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.

³ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 16. Л. 3 об., 42.

⁴ Там же. Л. 10 об. – 12 об.

⁵ Там же. Л. 4, 16 об. – 17, 19.

Предельно развернутый контракт с упомянутым ранее Иоганном Теофилом Буше содержит ряд пунктов, связанных с действиями в случае гибели фабриканта. Речь идет как о правах его семейства распоряжаться фабрикой и имуществом, так и о обязанности иностранца подготовить одного или нескольких таких помощников, которые могли бы занять после него место директора. На этот счет с выбранными учениками следовало заранее заключить соответствующие договоры, которые, однако, вступали в действие только после утверждения Канцелярией опекунства иностранных. Решение зависело от «совершенного знания искусства преемника или преемников и от доброго их состояния и поведения»¹.

Договоры с «вызывателями» колонистов

В отличие от договоров с фабрикантами-колонистами контракты с «вызывателями» более унифицированы. Первые из них основаны на положениях Манифеста 1763 г. и Инструкции, данной Канцелярии опекунства иностранных. Чуть больше года спустя после выхода Манифеста, ввиду возникших спорных ситуаций и неоднозначной трактовки некоторых законодательных предписаний, была разработана специальная форма соглашения с «вызывателями»². Ее учреждение состоялось 17 ноября 1764 г.³ Договоры данного вида в большинстве своем строго последовательны и соответствуют принятому формуляру. Прежде всего они определяли территорию, где «вызывателям» предоставлялась пахотная земля для распределения между будущими колонистами. Далее следовали обязательства, касающиеся необходимого количества семей на каждого вербовщика. Стандартным минимумом считалось сто фамилий, за которые контрактующий в случае успеха получал в ссуду 4 000 рублей и иные выгоды (например, дополнительные средства на собственное домостроительство «вызовщика»). Договоры отличались между собой тем, что в части из них устанавливалось конкретное число семейств колонистов: так, итальянец Ж.-Б. Вандини обязывался вызвать 200 семей⁴, а барон де Борегард – 3000 фамилий⁵. Иные же соглашения предусматривали, что за каждые 100 семейств «вызыватель» будет получать указанную сумму денег, но сколько именно людей он должен привезти, не уточнялось.

Контракты определяли статус самих «вызывателей» во вновь образуемых колониях. Изначально такие вербовщики принадлежали к категории частных лиц. «Приватные наборщики» – называл их российский дипломатиче-

¹ Там же. Л. 17 об.

² РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 17. Л. 112–113.

³ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 16. № 12283.

⁴ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 16. Л. 61–64; 73–74 об.

⁵ Там же. Л. 73–74 об.; Д. 56. Л. 309 об.

ский представитель в Регенсбурге И.М. Симолин¹, а «вызыватель» барон де Борегард сетовал на трудности, с которыми сталкивается «партикулярный человек»² в миссии столь трудной, как набор большого количества переселенцев. Согласно контракту «вызыватель» становился директором будущей колонии. В договоре разъяснялись полномочия контрактующих относительно распределения земель, общего управления и юрисдикции подвластных им поселений. В целом, все внутренние вопросы, равно как и наделение жителей колонии пахотной землей, решались директором. В обязанности «вызывателя» по контракту входило поддержание постоянного количества проживающих на его территории семей колонистов за счет приглашения на «выбылые места» новых переселенцев, но не переманивания их из других колоний³.

Разделы контракта, связанные с определением времени и условий выдачи прогонных денег «вызовщикам» и колонистам, могли содержать сведения о пунктах сбора и путях следования иностранцев⁴. Вопросы, относящиеся к финансовому обеспечению перевозки колонистов, прописывались подробно, согласно установленной форме. Уточнялось, за чей счет производится пересылка (на кошт «вызывателя» или казенным иждивением), как и когда выдавать деньги на путевые издержки, каким образом обеспечивать поручительство и предоставлять отчет об использовании средств, полученных иностранцами из казны.

Показательно, что контракты с «вызывателями» регламентировали порядок и ограничения при заключении договоров между вербовщиками и колонистами, по сути содержали в себе форму такого договора, которая в ходе переговоров будущих контрагентов могла быть дополнена иными условиями, не выходящими за заданные рамки⁵. Дополнением к «вызывательским» контрактам могли служить условия о таких обязательствах, как, например, разведение шелковицы самими «вызовщиками»⁶.

Несмотря на общее однообразие контрактов с «вызывателями», среди них встречаются и исключения. Например, договор с «уволненным от службы Ея императорского величества венгерской нации полковником Иваном Филиповичем» отличался тем, что «до учреждения их [колонистов – Е.О.] домостроительства и препровождения на место поселения ему Филиповичу дела нет»⁷. Возможно это было связано с тем, что данному «вызывателю» предписывалось собирать иностранцев в Киеве, а местом их поселения определить

¹ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 61. Л. 97 об.

² РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 56. Л. 317–318.

³ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 16. № 12283; РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 16. Л. 47, 56, 6–61 об., 69; Д. 56. Л. 309 об.

⁴ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 16. Л. 47 об.

⁵ Там же. Л. 56 об., 63–64; Д. 56. Л. 311 об.

⁶ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 16. Л. 64.

⁷ Там же. Л. 71–72.

Валуийский уезд Белгородской губернии «по той причине что оное вызываемым им народам известно и способно как в рассуждении климата, так и недалежного от Киева расстояния»¹.

Гораздо существеннее оказалась доработка контракта с бароном де Борегардом, который представил на рассмотрение Канцелярии опекунства иностранных ряд условий, призванных, на его взгляд, обеспечить больший успех предпринимаемого дела. В результате согласования сделанных «вызывателем» предложений в его контракт было внесено девять сепаратных пунктов, окончательно утвержденных «высочайшей конфирмацией Ея императорского величества»². По словам Борегарда, он разработал эти дополнения «дабы чрез то больше ободрять [своих] помощников и побуждать в колонистах больше доверенности»³. «Вызыватель» посчитал нужным первым пунктом утвердить, что все привилегии и вольности, обещанные высочайшим императорским манифестом, а равно и условия его контракта «Канцелярия опекунства иностранных иначе толковать не будет и не может как по точной силе и содержанию оных»⁴. Данное условие вошло в договор, хотя в установленном законом формуляре уже содержалось обязательство обеих сторон ненарушимо соблюдать контракт. Другой пункт, направленный на мотивирование помощников «вызовщика» к лучшему исполнению миссии, гарантировал, что по приезду в Россию за его товарищами сохранялись чины, заслуженные ими на родине⁵.

Барон де Борегард внес важные, по его мнению, практические поправки в договор. Они касались административной организации и управления колонией. В частности, «вызыватель» инициировал разделение поселенцев «по швейцарскому обряду» на полки, роты и капральства для «содержания своих колонистов в послушании». Для поддержания порядка допускалось назначать на офицерские должности иностранцев из тех же колоний. Кроме того, Борегард обезопасил себя и помощников-«вызывателей» от возможных убытков в случае потери части колонистов в пути («если война, или корабль пропадет»), а также «для показания колонистам» он должен был получить копии решений Канцелярии о количестве земли и ссудных денег, предоставляемых при переселении. Борегард внес некоторые изменения в порядок наделения правом беспощинной торговли колонистскими товарами: разрешалось начать отчет десяти лет беспощинной продажи сразу, как только колонисты изъявят готовность выплачивать в казну свой долг (а не средние десять лет из тридцати, как значилось в других контрактах). Сепаратные пункты договора гласили, что по прибытии первого транспорта с колонистами «вызывателям» будет отведена вся земля, предназначенная для 3000 семей, с тем, чтобы тут же осуществить

¹ Там же. Л. 71 об.

² РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 16. Л. 75–76; Д. 56. Л. 309, 312.

³ РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 56. Л. 312.

⁴ Там же. Л. 312 об.

⁵ Там же.

генеральное распоряжение, каким образом делить ее на форштегерства (административные единицы колоний). Наконец, мелкие уточнения касались расходов на путевые издержки в случае, если «вызыватели» посчитают удобным отправлять колонистов прямо в Санкт-Петербург, минуя заграничные города общего сбора переселенцев¹.

Контрактование поселенцев-землепашцев

Контракты с колонистами-землепашцами соответствовали условиям Манифеста 1763 г. Если помимо заведения собственного хозяйства переселенец заявлял о возможности организовать какое-либо сельскохозяйственное производство, то договор содержал информацию о оговоренных размерах предоставляемой земли и займов, а также, аналогично контрактам с фабрикантами, условия обучения русских работников. Практиковались различные варианты выдачи ссудных денег. Например, контракт Канцелярии опекунства иностранных с французом Антуаном Вердые, обязавшимся развести шелковицу, «а по разводе оной делать из того шелку и чулки добротой противу французских»², предполагал производить выплаты обещанной ему суммы в шесть тысяч рублей «не вдруг, но смотря по успехам»: две тысячи в первый год (пятьсот при отправлении его, а полторы тысячи – от комиссионера уже в колонии, при этом Вердые должен всякий раз обосновывать, на какие нужды требуются деньги), а остальные четыре тысячи рублей в случае успеха его дела должны были выдаваться равными частями в последующие два года³.

Основа контрактов между колонистами-землепашцами и частными «вызывателями» была закреплена в договорах с последними и состояла из следующих обязательных условий. Прежде всего, Канцелярия опекунства иностранных предписывала, что переселенцам «ничего предосудительного и лишнего сверх государственных узаконений обещать не должно»⁴. Ведь интерес «вызывателей» состоял в наборе как можно большего числа людей, а ради этого они расписывали будущую жизнь иностранцев в России в самых радужных красках, не соответствовавших действительности.

Контракт запрещал выезд колонистов из Российской империи до тех пор, пока они не выплатят в казну все истраченные на них деньги. Подтверждалась возможность беспошлинной торговли в течение десяти лет. Обязательно в договорах прописывалось, что колонисты подчиняются всем действующим российским законам. Относительно решения внутренних вопросов колоний, собственных доходов «вызывателя» и взаимных обязательств между колони-

¹ Там же. Л. 313.

² РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 16. Л. 7.

³ Там же. Л. 7–7 об.

⁴ Там же. Л. 56 об.

стами и директорами контрагентам следовало договариваться на их усмотрение¹.

Предоставление «вызовщикам» свободы в урегулировании взаимоотношений с жителями колоний привело впоследствии к недовольству поселенцев своим положением. Так, в отличие от «коронных» колоний, набранных агентами правительства, в колониях «вызывательских» действовало правило, по которому переселенцы обязывались платить директорам десятину урожая, что вызывало волнения [2, с. 17].

Выводы

Контрактование иностранных колонистов явилось важным этапом в развитии договорных отношений между государством и иностранцами в Российской империи. В исследованных контрактах несомненна общая основа – она определена самим положением иностранных колонистов, их социально-правовым статусом, но акценты меняются в зависимости от подкатегории контрагента. Очевидно сходство фабрикантских договоров с «условиями о службе» иностранных специалистов, временно работавших в России. Представляется, что опыт составления контрактов с колонистами-фабрикантами повлиял на складывание формуляра и выработку унифицированной структуры договоров, заключавшихся российским государством с наемными иностранными кадрами. Однако если в ходе найма иностранных специалистов на временную службу в Россию последние имели больше шансов для улучшения условий соглашений в свою пользу, то в случае с колонистами иностранцы чаще всего просто принимали предложенные правительством кондиции. В целом, прослеживается эволюция такой отрасли договорного права, где, с одной стороны, действующим контрагентом выступает государство, а с другой – частное лицо – иностранный подданный.

Контракты с колонистами демонстрируют разную степень свободы иностранцев в возможности влиять на условия соглашений. В таких договорах одна сторона всегда оказывается сильнее и диктует основное содержание контракта. Это либо государство, либо «вызыватель» – в случае, когда последний заключает договор с землепашцами. При этом даже если государство напрямую не участвовало в контракте, оно заранее определяло ряд норм и ограничений для сторон. Таким образом, контракты стали одним из рычагов управления такой разросшейся во второй половине XVIII в. категорией российского общества, как иностранные колонисты.

© Ермакова О.К., 2017

¹ Там же. Л. 63 об.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Литература

- [1] *Писаревский Г.Г.* Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1909.
- [2] *Писаревский Г.Г.* Внутренний распорядок в колониях Поволжья при Екатерине II // *Варшавские университетские известия*. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа. 1913 – VII (Октябрь), с. 1–16, 1913 – VIII (Ноябрь), с. 17–47.
- [3] *Писаревский Г.Г.* Очерки по истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам) // *Русский вестник*. Т. 253. 1898. Январь. С. 100–124.
- [4] *Плеве И.Р.* Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII в. М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008.
- [5] *Калинина О.С.* Некоторые правонарушения в повседневной жизни немецкого населения Саратовского правобережья и борьба с ними (1768–1917 гг.) // *Известия Саратовского университета*. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения, вып. 1. С. 56–58.
- [6] *Немцы-колонисты в Век Екатерины* / Сост. Е.Е. Лыкова, М.И. Осекина. М.: «Древлехранилище», Общественная академия российских немцев, 2004.
- [7] *Немцы России: Энциклопедия в 3-х т.* / Отв. ред. О. Кубицкая. М.: Общественная Академия наук российских немцев, 1999–2006.
- [8] *Курило О.В.* Лютеране в России. XVI–XX вв. М.: Фонд «Лютеранское Наследие», 2002.
- [9] *Степанов А.И.* Швейцарцы в России и русские в Швейцарии // *Новая и новейшая история*. 2006. № 1. С. 120–152.
- [10] *Смирнова Е.С.* Регулирование правового статуса иностранцев в России до начала XIX в. // *Журнал российского права*, 2004. № 9. С. 142–151.
- [11] *Bartlett R.P.* Human Capital. The Settlement of Foreigners in Russia. 1762–1804. New York: Cambridge University Press, 1979.
- [12] *Зюсс В.Э.* Чему и как учили в немецких школах России (начало XVIII столетия – 1917 год) / Пер. с немецкого Э.А. Анненкова. СПб: Росток, 2007.
- [13] *Cross A.G.* “By the banks of the Neva”: chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1997.
- [14] *Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul I* / Sous la direction de Anne Mézin et Vladislav Rjéoutski. Paris: Centre international d'études du XVIII siècle, Ferney-Voltaire, 2011.

2. Документы и материалы

- [15] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 1. Т. 16. № 11720.
- [16] ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 16. № 11879.
- [17] ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 16. № 11880.
- [18] ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 16. № 11881.
- [19] ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 16. № 12283.

- [20] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 283. Оп. 1. Д. 16.
[21] РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 17.
[22] РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 22.
[23] РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 56.
[24] РГАДА. Ф. 283. Оп. 1. Д. 61.
[25] Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 51. СПб., 1886. № 739.

Рукопись поступила в редакцию: 24 апреля 2017 г.

Для цитирования: *Ермакова О.К.* Контрактование иностранцев в начальный период реализации политики по переселению колонистов в Россию (1760-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. № 4. С. 505–518. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-505-518.

Информация об авторе: *Ермакова Ольга Константиновна* – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора социальной истории Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, РФ).

CONTRACTING OF FOREIGNERS DURING LAUNCHING THE PROJECT OF COLONISTS'RESETTLEMENT TO RUSSIA (1760s)

Olga K. Ermakova

Institute of History and Archaeology
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
16 S. Kovalevskaya St., Yekaterinburg, Russia, 620990
ermakovaok@mail.ru

The article presents a comparative analysis of different kinds of contracts concluded during the resettlement of foreign colonists to Russia in the 1760s. The agreements are classified and characterized in terms of form, structure of content and composition of counterparts. The content of the contracts is correlated with the legislative norms as well as with other sources, which influenced the creation of such a kind of document. The paper studies the agreements with different subcategories of foreign colonists: manufacturers, recruiters (“vyzyvateli”), plowmen.

The author demonstrates the process of the rights and obligations establishment in the contracts as well as how the working-out and discussion of conditions were conducted, finally – in what degree the foreigners could influence the results. If, for example, the foreign specialists, who were hired to the Russian service temporarily, had more chances to change and improve the terms of contracts, in the case of foreign colonists, the latter ones more often just had to accept the conditions offered by the government. The author concludes that the agree-

ments with manufacturers in many ways were similar to those with hired foreign specialists; contracts with “vyzyvateli” were the most unified and, with rare exceptions, strictly corresponded to the form determined by the law.

The paper reveals the specifics of the content of contracts, in particular, chapters concerning the subject of agreement (the main task of a foreigner was to cultivate land, to organize a factory or to attract colonists-farmers), obligation of transferring knowledge and experience to Russian pupils, financial issues, conditions of trade, possibilities of leaving Russia and actions in the case of foreigner’s death.

The author shows the involvement of agreements with colonists in the general development of contractual relationships between the state and foreigners as members of the Russian society.

Keywords: contract, foreign colonists, resettlement, agreement, Chancellery of Guardianship of foreigners

REFERENCES

- [1] Pisarevskii GG. *Iz istorii inostrannoi kolonizatsii v Rossii v XVIII v. (po neizdannym arkhivnym dokumentam)* [From the history of foreign colonization in Russia in the 18th century (on the unpublished archival documents)]. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoi Publ.; 1909 (in Russian).
- [2] Pisarevskii GG. *Vnutrennii rasporyadok v koloniyakh Povolzh’ya pri Ekaterine II* [Internal order in the colonies of the Volga region during the reign of Catherine II]. *Varshavskie universitetskie izvestiya*. Varshava: Tipografiya Varshavskogo Uchebnogo Okruga, 1913; VII (Oktyabr’): 1 – 16; VIII (Noyabr’): 17–47 (in Russian).
- [3] Pisarevskii GG. *Ocherki po istorii inostrannoi kolonizatsii v Rossii v XVIII v. (po neizdannym arkhivnym dokumentam)* [Essays on the history of foreign colonization in Russia (on the unpublished archival documents)]. *Russkii vestnik*. 1898; 253: 100–124 (in Russian).
- [4] Plevе IR. *Nemetskie kolonii na Volge vo vtoroi polovine XVIII v.* [German colonies on Volga in the second half of the 18th century]. Moscow: Mezhdunarodnyi soyuz nemetskoй kul’tury Publ.; 2008 (in Russian).
- [5] Kalinina OS. *Nekotorye pravonarusheniya v povsednevnoi zhizni nemetskogo naseleeniya Saratovskogo pravoberezh’ya i bor’ba s nimi (1768–1917 gg.)* [Some offences in the everyday life of the German population of Saratov right bank and the fight against them (1768 – 1917)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*; 2010; 10 (1): 56–58 (in Russian).
- [6] Lykova EE., Osekina MI., eds. *Nemtsy-kolonisty v Vek Ekateriny* [The Germans-colonists in the century of Catherine]. Moscow: «Drevlekhranilishche», Obshchestvennaya akademiya rossiiskikh nemtsev Publ.; 2004 (in Russian).
- [7] Kubitskaya O., ed. *Nemtsy Rossii: Entsiklopediya v 3-kh t.* [The Germans of Russia: encyclopedia in 3 volumes]. Moscow: Obshchestvennaya Akademiya nauk rossiiskikh nemtsev Publ.; 1999–2006 (in Russian).
- [8] Kurilo OV. *Lyuterane v Rossii. XVI–XX vv.* [Lutherans in Russia. 16–20th centuries]. Moscow: Lyuteranskoe Nasledie Publ; 2002 (in Russian).

- [9] Stepanov AI. Shveitsartsy v Rossii i russkie v Shveitsarii [The Swiss in Russia and the Russians in Switzerland]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2006; 1: 120–152 (in Russian).
- [10] Smirnova ES. Regulirovanie pravovogo statusa inostrantsev v Rossii do nachala XIX v. [The regulation of legal status of foreigners in Russia till the early 19th century]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2004; (9): 142–151 (in Russian).
- [11] Bartlett RP. *Human Capital. The Settlement of Foreigners in Russia. 1762–1804*. New York: Cambridge University Press; 1979.
- [12] Zyuss VE. *Chemu i kak uchili v nemetskikh shkolakh Rossii (nachalo XVIII stoletiya – 1917 god)* [What and how was taught in German schools of Russia (early 18th century – 1917)]. St-Petersburg: Rostok; 2007 (in Russian).
- [13] Cross AG. *“By the banks of the Neva” : chapters from the lives and careers of the British in eighteenth-century Russia*. Cambridge: New York: Cambridge University Press; 1997.
- [14] Anne Mézin et VladislavRjéoutski, eds. *Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul I*. Paris: Centre international d'études du XVIII siècle, Ferney-Voltaire; 2011 (in French).

Article received: 24 April 2017

For citation: Olga K. Ermakova, Contracting of foreigners during launching the project of colonists' resettlement to Russia (1760s). *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 505–518. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-505-518.

About the author: Olga K. Ermakova, PhD (in History), Researcher of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-519-542

**ПОЛОЖЕНИЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ БРАТСТВ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО
И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ)**

А.И. Ганчар

Гродненский государственный аграрный университет
230008, Беларусь, Гродно, ул. Терешковой, 28
gancharandre1@yandex.ru

В статье на основе архивных материалов исследуется положение римско-католических братств на территории Царства Польского и Северо-Западного края Российской империи. Установлено, что римско-католические братства на этих территориях существовали почти при каждой римско-католической церкви. Возникшие одновременно под разными наименованиями, братства преследовали различные цели, руководствовались различными уставами. Братства эти представляли собой своеобразные, в большинстве своем законом не признанные организации, активно участвовавшие в жизни паствы. Деятельность римско-католических братств явилась не только данью традиции, но и ответом Римско-католической церкви, всех верующих на конфессиональную и национальную политику правительства Российской империи.

Ключевые слова: римско-католические братства, Российская империя, Римско-Католическая церковь, Царство Польское, Северо-Западный край

Введение

Во время мессы – 5 мая 2013 г. – с участием членов римско-католических (р.-к.) братств, которые прибыли в Рим из разных стран мира, Папа подчеркнул, что братства являются традиционной реальностью Римско-Католической церкви (РКЦ): «У вас специфическая и важная миссия – поддерживать живыми отношения между верой и культурами народов, к которым они принадлежат, и делайте это через народное благочестие».¹

В исторической литературе по проблеме функционирования р.-к. братств на территории Российской империи содержатся лишь некоторые фрагментар-

¹ Папа Франциск призывает католические братства быть кузницами святости. URL: www.katolik.ru/vatikan/114887-papa-frantsisk-prizyvaet-katolicheskie-bratstva-byt-kuznitsami-svyatosti.html (Дата обращения: 04.05.2017).

ные сведения [1–8; 10–12]. Пожалуй, это объясняется как сложностью выявления архивных документов, так и отсутствием должного интереса к избранной автором данной статьи теме. Стоит также отметить, что некоторые выводы, например, содержащиеся в исследовании А.Ю. Бендина, об упразднении всех р.-к. братств при костелах в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.), Р.В. Зенюк, о практическом отсутствии в начале XX в. на белорусских землях, входивших в состав Российской империи, р.-к. братств, находятся в прямом противоречии с материалами данной статьи [13, с. 6; 14, с. 118]. М.Д. Долбилов оценил политику по закрытию р.-к. братств как проявление католикофобии среди чиновников Российской империи, а существование самих братств оценивал как способ самоорганизации католического населения. Данный вывод автора основывался на фактическом материале по губерниям Царства Польского [15, с. 122, 151].

В данной статье впервые в отечественной и зарубежной историографии рассматриваются причины, мотивы, факторы деятельности р.-к. братств в Российской империи (на примере Царства Польского и Северо-Западного края). Особое внимание уделено регламентации имущественных отношений, а также денежным капиталам, принадлежавшим р.-к. братствам.

Рассмотрение вопроса о р.-к. братствах в Комитете министров

Высочайше утвержденным 17 апреля 1905 г. особым журналом Комитета министров Российской империи на особое совещание было возложено обсуждение вопроса о разрешении духовным и светским лицам инославных исповеданий основывать церковные общины и братства. Обсуждая этот вопрос, Комитет обратил внимание на неполноту действовавшего законодательства и на невозможность применить к р.-к. братствам и монашеским общинам, открытым лицами инославных исповеданий, статью, определявшую признаки обществ противозаконными. Подобными сообществами признавались: во-первых, все тайные общества, с какой бы целью они не были учреждены; во-вторых, все преследовавшие «вредную» цель общества, собрания, сходбища, товарищества, кружки, артели и проч., под каким бы наименованием они не существовали, образовавшиеся или действовавшие по соглашению между собой нескольких лиц; в-третьих, все те общества, которые, по получении надлежащего разрешения, уклонялись от цели их учреждения или прикрывали благовидными действиями антиправительственное направление (ст. 118 т. XIV, изд. 1890 г. Уст. о пред. и пресеч. прест.)¹.

¹ Дело о существовании тайных религиозных обществ под названием «терциари» (26 марта 1898 г. – 23 декабря 1901 г.) // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 525. Л. 121–121 об.

Комитет министров признавал необходимым выяснить отношения правительства к членам иностранных братств и конгрегаций, которые могли бы обнаружить стремление к перенесению своей деятельности в пределы Российской империи.

Обращаясь к рассмотрению вопроса о братствах и монашеских общинах, принадлежащих РКЦ, прежде всего, было установлено различие между ними. Под р.-к. братствами следовало понимать общества из лиц обоего пола, состоявшие обыкновенно при костелах под непосредственным руководством р.-к. духовенства. Целью братства признавалось единение верующих в молитве, участие в богослужении и осуществление некоторых мер благотворения и взаимопомощи. Лица, входившие в состав этих братств, хотя и принимали на себя некоторые обязательства, от своего имени не отрекались и официально числились в прежнем сословии. Под монашескими общинами обыкновенно понимались союзы лиц, посвятившие себя молитве, связанные обетами, отрекшиеся от мира, утратившие свою волю, всецело подчинившие себя известным правилам и уставам. В общине отдельная воля ступшевывалась, а личный интерес поглощался идеей полного подчинения высшему иерархическому началу.

Из сведений о р.-к. церковных братствах, доставленных Департаментом духовных дел иностранных исповеданий (ДДИИ) Министерства внутренних дел (МВД), усматривалось, что возникновение церковных братств при р.-к. церквях относилось к самым отдаленным временам католицизма и имело назначением общение между собой лиц обоего пола, разных званий и состояний, как для религиозных, так и для благотворительных дел. Окончательное определение, в качестве церковных учреждений, р.-к. братства получили на Тридентском соборе (1545–1563 гг.), на XXII заседании которого (*Decretum de reformatione, cap. VIII*) было определено, что епископам принадлежит право утверждать церковные братства светских лиц.

Названия свои р.-к. братства заимствовали, по большей части, от имени патрона той церкви, при которой они образовывались, а также выдающегося церковного события. Ближайшими целями братств являлись: совместное присутствие их членов на богослужениях, пение известных гимнов, участие в разных церковных церемониях, попечение о благосостоянии церкви, оказание взаимной помощи в случае болезни и смерти сочленов, участие в издержках на их погребение, подача милостыни неимущим и др. Члены р.-к. братств, по званию своему, пользовались известным почетом в приходе: во время богослужения в церкви они со свечами занимали ближайшие к алтарю места, помогали священнику при богослужении, при церковных процессиях несли иконы и хоругви, в церквях же пользовались правом содержать собственные алтари и образа, в некоторых местностях, кроме того, на братчиков возлагалась почетная обязанность производить в приходе денежные сборы на церковные нужды. Наконец, в случае смерти братчики погребались на счет братства и все члены последнего сопутствовали покойному с зажженными свечами.

Материальные средства р.-к. братств составляли единовременные пожертвования частных лиц, а также от записей и духовных завещаний, или же из ежегодных приношений членов и имели своим назначением украшение и освещение церквей, содержание в исправности присвоенных братствам икон и алтарей, предоставление вспомоществования бедным и, кроме того, в некоторых братствах, частью предназначались на уплату духовенству за совершаемые для братства богослужения и другие религиозные обряды¹.

Первые сведения о р.-к. братствах на территории, входившей в состав Царства Польского, относятся к XIII в.: в 1244 г. учреждено было рожанцевое братство при Сохачевской р.-к. церкви, в 1260 г. и 1276 гг. таковые же братства при р.-к. церквях в Серадзе и Брест-Куявском и в 1265 г. шкаплерное братство при Варшавском кармелитском монастыре. До нач. XIX в. польские светские власти не подчиняли церковные братства никакому особенному правовому порядку и вообще не обращали на них внимания. Лишь со времени введения в бывшем герцогстве Варшавском кодекса Наполеона правительство начало, применительно к ст. 910 этого кодекса, утверждать делаемые в пользу братств записи и отказы и таким образом юридически присвоило им значение общественных учреждений.

6 ноября 1821 г., вскоре после вхождения части Польши в состав Российской империи, состоялось постановление наместника в Царстве Польском, применительно к ст. 277 и ст. 278 действовавшего в то время уголовного уложения 1818 г., которым было запрещено существование тайных обществ. Тайными же признавались все общества, учрежденные без особого разрешения правительства. В силу этого постановления был отменен установленный Тридентским собором порядок, по которому р.-к. братства утверждались епархиальным епископом. Варшавским генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского военного округа генерал-фельдмаршалом И.В. Гурко был поднят общий вопрос о положении р.-к. братств в Царстве Польском, и для его разрешения он предложил начальникам епархий представить ведомости существовавших р.-к. братств и их уставы. Из ведомостей этих оказалось, что число реально существовавших братств было значительно больше перечисленных в ведомости 1840 г. По одной лишь Плоцкой р.-к. епархии их действовало 174, в то время как по ведомости было указано 42. Но дальнейшего движения общий вопрос о церковных братствах в Царстве Польском в то время не получил, и в делах МВД содержалась лишь переписка по частным вопросам, касавшихся р.-к. братств².

¹ Материалы «Особого совещания для организации действующих узаконений с указом 17 апр. 1905 г. по делам веры» (31 мая 1906 г. – 10 февраля 1911 г.) // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Лл. 155–156.

² Материалы «Особого совещания для организации действующих узаконений с указом 17 апр. 1905 г. по делам веры» (31 мая 1906 г. – 10 февраля 1911 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 156–158.

В 1874 г., с высочайшего соизволения, последовало закрытие в Царстве Польском братства «Сердца Иисуса Христа» (чаще употреблялось название «Сердца Иисусова»). Мера эта была вызвана следующими обстоятельствами.

В нач. 70-х гг. XIX в. в католических государствах западной Европы, главным образом в Австрии и Франции, значительное распространение получили братства «Сердца Иисусова», нашедшие ранее для себя готовую почву на территории Царства Польского. Было замечено, что в тех же костелах, при которых имелись братства «Сердца Иисусова», священниками произносились проповеди определенного ультрамонтантского и противоправительственного характера. Проповедники возбуждали в слушателях понятия о преследованиях и гонениях, будто бы претерпеваемых РКЦ и ее духовенством со стороны иноверцев и вообще мирян, внушали им ненависть и вражду к мнимым врагам религии, намеревавшимся поработить католическую веру, призывали прихожан к особым молитвам за Папу, а также вступать в братства «Сердца Иисусова», служившие источниками благодати для всего христианского мира. Усматривая в характере этих проповедей несомненную связь с деятельностью в Российской империи иезуитских и миссионерских орденов, правительство, во избежание «фанатизирования» населения посредством этих братств, признало необходимым запретить дальнейшее существование последних¹.

Развитие шкаплерного движения

В 1877 г. III Отделением собственной его величества канцелярии частным образом из Флоренции было получено известие, что кардинал Симеони издал секретный циркуляр об образовании крестовых обществ в Пруссии, Австрии и в особенности в России и о развитии шкаплерного легиона.

Вследствие этого было высочайше велено обратить особенное внимание на появление в Царстве Польском и в Западном крае Российской империи шкаплерных знаков и на принятие мер к воспрепятствованию формирования крестовых или шкаплерных обществ. О шкаплерных знаках и обществах в делах МВД Российской империи имелись следующие сведения, сообщенные местными властями Царства Польского, Северо- и Юго-Западного края Российской империи.

Шкаплерные общества в РКЦ возникли в самые отдаленные времена, и первые известия о них относятся к XIII в. Генерал кармелитского ордена Симеон Шторк, по случаю бывших в то время мора и других общественных бедствий, установил для лиц, желавших отдаться под особенное покровительство Пресвятой Богородицы, ношение на груди шкаплера

¹ Материалы «Особого совещания для организации действующих узаконений с указом 17 апр. 1905 г. по делам веры» (31 мая 1906 г. – 10 февраля 1911 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 158.

(scapularium) – четырехугольного лоскута сукна с вышитыми на нем монограммами Иисуса Христа и Пресвятой Девы Марии. Носившие этот знак обязывались к особенной чистоте нравов и благочестивой жизни, при чем при возложении шкаплерного знака, кроме краткой молитвы, никаких особенных обрядов не полагалось.

В местностях Российской империи, с преобладающим р.-к. населением, обычай ношения шкаплеров также появился в самые отдаленные времена, и шкаплерные общества принадлежали к числу наиболее распространенных р.-к. церковных братств. В ведомости р.-к. церковных братств Царства Польского, составленной в 1840 г., шкаплерных братств насчитывалось 60, но фактически они существовали почти при всех р.-к. церквях.

Почти все р.-к. простонародье обоих полов носило шкаплеры, не связывая с этим никаких представлений о какой-либо не только политической, но даже религиозной организации. Надевавший на себя шкаплер записывался предварительно в особую книгу при р.-к. церкви и обязывался затем соблюдать известные посты и читать определенные молитвы.

Местные власти со своей стороны никогда не считали шкаплерные общества предосудительными или же опасными в политическом отношении, тем более что даже многие православные крестьяне в Западном крае Российской империи носили шкаплеры на одной цепочке с крестом или образком, и продажа, а также изготовление шкаплерных знаков всегда, даже во время восстания 1863 г., производилась совершенно открыто. В виду таких обстоятельств главные начальники Царства Польского, Северо- и Юго-Западного края Российской империи, по получении в 1877 г. высочайшего повеления о недопущении впредь развития шкаплерных обществ, единогласно высказались против принятия каких-либо насильственных мер в этом отношении, так как они вызвали бы только брожение и неудовольствие. Фактически ношение шкаплеров в Российской империи было распространено повсеместно и продажа шкаплерных знаков производилась совершенно открыто¹.

Регламентация имущественных и иных прав р.-к. братств

В 1872 г. управление Варшавского жандармского округа просило III Отделение собственной его величества канцелярии разъяснить, возможно ли дозволить печатать патенты на звание членов р.-к. церковных братств. В результате переписки с ДДДИИ III Отделение уведомило Варшавский жандармский округ, что, впредь до разрешения общего вопроса о братствах печатание патентов не должно быть допускаемо. В этом смысле бывшим наместником

¹ Материалы «Особого совещания для организации действующих узаконений с указом 17 апр. 1905 г. по делам верь» (31 мая 1906 г. – 10 февраля 1911 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 159.

Царства Польского и было сделано общее по Царству распоряжение. В 1874 г. Варшавский генерал-губернатор граф Коцебу донес до сведения МВД, что им даны Варшавскому цензурному комитету в руководство следующие указания: безусловно воспретить печатание каких-либо статей и газетных объявлений, относящихся ко всем р.-к. братствам, покуда не состоится особое правительственное распоряжение по этому вопросу.

В том же 1874 г. Варшавский генерал-губернатор, по поводу запрета им обращения в Царстве Польском пяти религиозных книг, относившихся к р.-к. братствам, разъяснил начальникам губерний, что распоряжение это должно быть понимаемо исключительно в смысле отобрания указанных книг у продавцов, с запрещением дальнейшего распространения их, и ни в каком случае не могли быть производимы обыски у частных лиц, имевших книгу для личного своего употребления. В 1882 г. МВД разъяснило Варшавскому цензурному комитету (отзыв 11 мая 1882 г. за № 1659), что вообще «все печатное, относящееся до р.-к. братств терпимых, но не разрешенных правительством, не должно быть одобрено к печатанию»¹.

В 1885 г., по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, высочайше повелено было освободить имущества р.-к. религиозных братств Царства Польского от поступления в казну и оставить их в ведомстве МВД для употребления доходов от них на нужды братств. Обстоятельства, предшествовавшие этому высочайшему повелению, заключались в следующем.

С изданием в 1864 г. и 1865 г. высочайших указов об устройстве р.-к. монашеского и светского духовенства в Царстве Польском, все имущества р.-к. духовных учреждений поступили в ведение казны, за исключением имущества духовных братств, о которых в указах не было упомянуто. Вследствие этого при упразднении в 1866 г. некоторых братств (рожанцевого при р.-к. церкви в Липовцах Плоцкой губернии и св. Анны при бернардинской р.-к. церкви в Радоме), в наказание за обнаруженную ими во время беспорядков в крае политическую неблагонадежность, принадлежавшие этим р.-к. братствам капиталы не были обращены в казну, но причислены к строительным суммам костелов, при которых состояли братства.

Капиталы всех остальных р.-к. братств, составлявшие в 60-х гг. XIX в. около 70 000 руб. и числившиеся в инвентарных описях подлежащих р.-к. церквей, были помещены на хранение в Польский банк, и проценты от них, согласно изданному в 1867 г. распоряжению наместника Царства Польского графа Берга, впредь до решения общего вопроса о духовных братствах должны были быть выдаваемы р.-к. братствам на их нужды.

В первой половине 1870-х гг. между МВД и Министерством финансов (далее – МФ) возникла переписка по вопросу о капиталах р.-к. братств. МФ,

¹ Материалы «Особого совещания для организации действующих узаконений с указом 17 апр. 1905 г. по делам веры» (31 мая 1906 г. – 10 февраля 1911 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 160.

основываясь на том, что капиталы эти числились по инвентарным описям р.-к. церквей и предназначались частью на вознаграждение р.-к. духовенства за совершаемые им требы, настаивало на передаче их в казну. МВД, согласно с заключением варшавских генерал-губернаторов, напротив того, держалось того взгляда, что высочайшие указы 1864 г. и 1865 г. имели в виду только духовные учреждения, церковные же братства, состоявшие из одних светских лиц, не могли быть причислены к духовным учреждениям и капиталы их числились по инвентарным описям р.-к. церквей только потому, что братства возникали всегда при какой-либо р.-к. церкви. В виду этого, а также принимая во внимание, что капиталы р.-к. братств расходовались исключительно для удовлетворения потребностей самих братств, и последние ни по характеру, ни по цели не являлись религиозными учреждениями, МВД полагало оставить капиталы р.-к. братств в ведении министерства, для употребления доходов от них по назначению. Это предложение МВД 29 февраля 1885 г. удостоилось высочайшего одобрения.

Вслед за тем между МВД и МФ, по частному случаю, возникло разногласие относительно применения высочайшего повеления 29 февраля 1885 г. к таким имуществам братств, которые до издания этого повеления уже были переданы в казну. Дело это дошло до Правительствующего Сената, который решением 8 апреля 1893 г. постановил, что указанное высочайшее повеление распространяется на все вообще имущества р.-к. братств и, в случае принятия части их в казну, таковые подлежат возвращению р.-к. братствам. Наконец, в 1888 г. МВД, по поводу представленного Варшавским генерал-губернатором на утверждение отказа недвижимости в пользу одного из церковных братств, возбудило вопрос о допустимости вообще увеличения материальных средств братств. Генерал-фельдмаршал Гурко в принципе высказался отрицательно, но не считал возможным принимать какие-либо ограничительные в этом отношении меры, впредь до разрешения общего вопроса о р.-к. братствах в Царстве Польском¹.

Положение р.-к. братств в Северо-Западном крае

В 1865 г. Виленский генерал-губернатор граф М.Н. Муравьев просил МВД сообщить, имеются ли в министерстве какие-либо сведения о существовавших в Северо-Западном крае Российской империи р.-к. братствах, которых в одной лишь Виленской губернии официально насчитывалось 104, и возбудил при этом вопрос о целесообразности дальнейшего существования р.-к. братств, по его мнению, представлявшегося вредным с точки зрения распространения латино-польской пропаганды. Вследствие этого МВД циркулярно предложи-

¹ Материалы «Особого совещания для организации действующих узаконений с указом 17 апр. 1905 г. по делам веры» (31 мая 1906 г. – 10 февраля 1911 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 160 об. – 161.

ло начальникам р.-к. епархий доставить подробные сведения о всех р.-к. братствах, существовавших при костелах каждой епархии.

В течение 1866 г. р.-к. епископы, за исключением Тельшевского, оставившего предложение МВД без ответа, доставили в министерство списки р.-к. братств, на основании которых во всех р.-к. епархиях, за исключением Тельшевской, оказалось всего 81 братство. Из этих братств, за исключением 5 в Могилевской р.-к. архиепархии, ни одно не имело никаких патентов или булл и существовали исключительно в силу давности. Управляющий Могилевской р.-к. архиепархией М. Станевский кроме того присовокупил, что вообще р.-к. братства находятся в состоянии крайнего упадка, не имеют ни определенного внешнего устройства, ни каких-либо правил и уставов и ограничивают свою деятельность некоторой помощью священнику при совершении им богослужения и наблюдением за исполнением христианских обязанностей.

Из материалов, собранных при исследовании вопроса о р.-к. братствах, выяснилось, что до присоединения литовско-белорусских губерний к Российской империи Римские Папы по ходатайствам духовенства и частных лиц давали разрешения на учреждение этих братств. По присоединении этих губерний к Российской империи р.-к. братства учреждались с разрешения епархиальных епископов, которым право это предоставлялось папскими буллами о посвящении их в епископский сан. Каждое из р.-к. братств было тесно связано с монашескими орденами (рожанцевое с доминиканским, шкаплерное с кармелитским и т.д.), являясь их низшей ступенью. Члены братств пребывали в верности РКЦ, Папе и данным ими при вступлении в братство обетам. Несмотря на неоднократные требования местных властей о предоставлении уставов р.-к. братств для признания законности их существования, р.-к. духовные консистории не сообщили ни одного из этих уставов.

Наиболее распространенными в Северо-Западном крае Российской империи р.-к. братствами являлись:

1) во имя Пресвятой Богородицы Шкаплерной (*Confraternitas S. Scapulariissub invocatione S.S.V. Mariae*), учрежденное по патенту генерального магистра ордена кармелитов в Риме 24 июня 1769 г., введенному в действие Виленским р.-к. епископом 5 июля 1771 г. впервые при Абельской приходской р.-к. церкви, впоследствии принадлежавшим к Тельшевской р.-к. епархии;

2) во имя Провидения Божьего (*Confraternitas sub titulo Divinae Providentiae*), на основании буллы Папы Климента XIII, от 18 июня 1767 г.;

3) во имя пресвятой Богородицы Рожанцевой или Четок (*Confraternitas sub tit. S.S. Rosari de S.S. Nominis Jesu*), на основании буллы Папы Климента XIII 18 июля 1767 г., а позднее на основании патентов, выданных в Риме генеральным магистром ордена доминиканов в 1786 г.;

4) во имя Прествятой Девы Марии кармелитской (*Confraternitas sub titulo V.V. Mariae Virginis de monte Carmelo*), на основании буллы того же Папы, от 2 октября 1723 г.;

- 5) во имя св. мученицы Варвары (*Confraternitas sub titulo S. Barbarae V. Mar.*), на основании папской буллы 1757 г.;
- 6) во имя св. Анны (*Confraternitas S. Annae*) по патенту управления Варшавского архибратства, от 4 июля 1748 г., основанному на булле Папы Сикста V;
- 7) во имя св. Троицы (*Confr. sub inv. S.S. Trinitatis*) по папской булле 1829 г.;
- 8) во имя Преображения Девы Марии Рожанцевой (*Confr. Psalterinae Rosarii sub inv. S.S. Mariae Virginis*) по патенту генерального магистра ордена доминиканов в Риме от 1 июня 1746 г., основанному на булле Папы Павла V от 20 сентября 1608 г. и Иннокентия XI, от 31 июля 1619 г.;
- 9) во имя Покрова Преображения Девы Марии во искупление пленных и узников (*Confr. sub titulo S.S. Mariae Virginis de merce redemptionis captivorum*) на основании буллы Бенедикта XIV, от 3 декабря 1745 г.;
- 10) во имя Сердца Иисуса Христа (*Confr. sub titulo Sanctissimi Cordis Jesu*) на основании буллы Папы Пия VI от 10 марта 1783 г.;
- 11) во имя Розового Венца Пречистой Девы Марии (*Confr. sub titulo S.S. Mariae Virginis de Rasario*) на основании патента провинциала доминиканского ордена, от 5 июля 1852 г.;
- 12) во имя св. Иосифа (*Confr. sub invocatione Josephi*) по булле Папы Бенедикта XIII, от 5 июля 1725 г.;
- 13) во имя Непорочного Зачатия Пречистой Девы Марии (*Confr. sub titulo immaculatae conceptionis S.S. Mariae Virginis*) и во имя Беспорочного Зачатия Девы Марии (*Confr. consolationis S.S. Mariae Virginis*), на основании буллы Папы Пия VI, от 8 ноября 1789 г.;
- 14) во имя св. Изидора Хлебопашца (*Confr. sub invocatione S. Isidori Agricolae*), на основании буллы Папы Бенедикта XIV, от 12 ноября 1750 г.;
- 15) во имя св. Иоанна Непомука (*Confr. sub invoc. S. Joannis Nepomuceni*), по булле Папы Климента XIII, от 9 февраля 1767 г.;
- 16) во имя пречистой Девы Марии на горе Кармель (*Confr. sub invocatione Clarissimae Dei Genetricis semperque V. Mariae de monte Carmelo*), по патенту генерального магистра ордена кармелитов древних нравов, от 21 мая 1763 г.;
- 17) во имя св. Евхаристии (*Confr. sub tit. S. Eucharistiae*), введено в 1755 г. Виленским р.-к. епископом Зенковичем;
- 18) во имя св. ап. Петра и Павла (*Confr. sub invoc. S.S. Apostolorum Petri et Pauli*), с разрешения Виленского р.-к. епископа Иоанна Цивинского в 1842 г.;
- 19) во имя Розового Венца Пречистой Девы Марии (*Confr. sub titulo S.S. Rasarii*), введено в 1773 г.;
- 20) во имя св. Семейства (*Confr. sub titulo Jesus Mariae et S. Josephi sacrae familiae*), на основании буллы Папы Бенедикта XIV, от 24 июля 1743 г.;
- 21) во имя Розового Венца Преображения Девы Марии и имени Иисуса (*Confr. S.S. Rasarii B. V. Mariae et Sanctissimi Nominis*), на основании патента провинциала доминиканского ордена, от 5 июля 1852 г.;

22) во имя Христа Спасителя (Confr. sub inv. Domini Nostri Iesu Christi), существовало с 1765 г.;

23) во имя св. Ангелов Хранителей, на основании буллы Папы Урбана VIII в 1635 г.;

24) во имя Сердца Пресвятой Девы Марии (Confr. sub titulo sacri cordis Beatae Mariae Virginis), по булле Папы Бенедикта XIV, от 5 февраля 1744 г.;

25) во имя Семи Скорбей пресвятой Богородицы (Confr. sub titulo V. Mariae Virginis Dolorosae), на основании буллы Папы Климента XIV, от 28 января 1774 г.;

26) во имя св. Михаила Архангела (Confr. sub inv. S. Michaeli Archangeli), по булле Папы Бенедикта XIV, от 2 июня 1750 г.;

27) во имя Тела Христова (Confr. sub titulo Sanctissimi Corporis Christi), на основании буллы Папы Пия VI, от 21 июля 1782 г.¹

Виленский генерал-губернатор фон-Кауфман, озабоченный вопросом о выяснении положения р.-к. братств, предписал учрежденной в г. Вильно комиссии разобрать вопрос о р.-к. братствах. Комиссия, по всестороннему рассмотрению всего имевшегося в ее распоряжении материала, высказалась за немедленное упразднение всех р.-к. братств, существовавших без прямого разрешения правительства.

Помимо чисто религиозной и благотворительной деятельности р.-к. братств правительству была известна и другая сторона их деятельности: участие, которое принимали члены р.-к. братств в восстании 1863 г., и то противодействие, которое они оказывали в деле присоединения народа к православию. Братчики, воспитываемые в приверженности к РКЦ, составляли как бы дружину р.-к. священника, который мог воспользоваться ей сообразно своим целям, доказательством чего служили события минувшего восстания. Братства, по мнению комиссии, как продукт старых, изживших свое время р.-к. церковных порядков, непременно должны были представлять собой оппозицию всякой реформе, какую бы ни предприняло правительство в быте и управлении р.-к. духовенства. Принимая во внимание, что р.-к. братства держали р.-к. священников в некоторой от себя зависимости и своими действиями импонировали последним, существование р.-к. братств составляло, без сомнения, немалую тягость и для тех лиц р.-к. духовенства, которые решились бы искренно и твердо следовать по пути, указанному правительством Российской империи.

Вследствие такого заключения комиссии, по распоряжению Виленского генерал-губернатора А.Л. Потапова, пришедшего на смену Э.Т. Баранову 2 марта 1868 г., к концу 1869 г. в Виленской и Гродненской губерниях были официально закрыты все р.-к. братства, как существовавшие без разрешения пра-

¹ Материалы «Особого совещания для организации действующих узаконений с указом 17 апр. 1905 г. по делам веры» (31 мая 1906 г. – 10 февраля 1911 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 161–162.

вительства, а имущества их были переданы в ведение Римско-католической духовной коллегии.

Единственное исключение сделано было в этом отношении для р.-к. братства св. Мартина при р.-к. церкви св. Анны в г. Вильно. Братство это было учреждено в 1636 г. для поддержки проживавших в г. Вильно бедных ремесленников из немцев-католиков, их вдов и сирот, и с 1797 г., по высочайшему повелению, получало из казны ежегодное пособие в 90 руб. Ввиду исключительно благотворительного характера этого братства 26 ноября 1875 г. министр внутренних дел Тимашев уведомил Виленского генерал-губернатора, что дальнейшее существование этого братства допущено, с тем, однако, условием, чтобы членами братства были только немцы-католики из иностранцев¹. Наблюдение за этим, согласно утвержденному в 1875 г. МВД уставу братства, было возложено на Виленского губернатора, которому председатель братства должен был сообщать о поступающих и выбывающих членах братства. Прелат А. Копцегович в представлении от 22 августа 1875 г. к министру внутренних дел называл себя председателем братства св. Мартина, выбранным этим же братством. 7 февраля 1878 г., на основании ст. 2 п. 1 Устава братства св. Мартина, р.-к. священник Реутта был избран председателем этого общества². По состоянию на конец 1878 г. в братство св. Мартина входило 167 мужчин и 161 женщина, как правило, это были члены семей: муж, жена, дети, братья, сестры³.

В 1885 г. на вышеизложенных основаниях последовало закрытие р.-к. братств и в Ковенской губернии. 22 апреля 1887 г. Киевский генерал-губернатор предложил начальникам Юго-Западных губерний Российской империи собрать сведения о р.-к. братствах, которые не имели доказательств законного существования с разрешения правительства, имущества же их следовало временно передать настоятелям р.-к. церквей под расписку.

В 1876 г. в Виленской и Ковенской губерниях было замечено возникновение, под влиянием заграничной пропаганды, братств «Апостольство Сердца Иисуса» и вместе с тем появление брошюр, призывавших католиков вступать в это братство и молиться за восстановление светской власти Папы и независимости Польши. В результате переписки Главного начальника Северо-Западного края с МВД выяснилось, что братства «Апостольства Сердца Иисуса» по целям своим, вполне соответствовали существовавшим в Царстве Польском братствам «Сердца Иисусова», а потому не могли быть допущены к существованию на законном основании.

¹ Материалы «Особого совещания для организации действующих узаконений с указом 17 апр. 1905 г. по делам веры» (31 мая 1906 г. – 10 февраля 1911 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 162–163.

² Дело о братстве при Виленском костеле св. Анны (1879 г.) // Lietuvos mokslų akademijos biblioteka (LMAV). F. 322–1482. Л. 7, 9–12.

³ Список членам входящим в состав братства св. Мартина в г. Вильне [...] (1878 г.) // LMAV. F. 318–5580. Л. 4.

Развитие терциарских р.-к. братств, р.-к. рабочие союзы

В 1899 г. в Гродненской губернии было замечено появление при некоторых р.-к. церквях терциарских религиозных обществ, имевших вполне стройную и прочную местную организацию и в порядке высшего управления подчиненных генералу францисканского ордена в г. Риме. Уведомляя об этом ДДДИИ, Департамент полиции просил доставить сведения, которые характеризовали бы цели и направление названных обществ, а равно заключение, могли ли быть таковые отнесены к категории тайных обществ, предусмотренных ст. 318–320 Уложения о наказаниях¹.

Согласно традициям РКЦ терциарий (от лат. *tertius* – третий) – мирянин, вступивший в «третий орден». «Третий орден» (лат. *terlius ordo*) мирян – сообщество мирян, члены которого (терциарии) после прохождения новициата дают обещание стремиться к евангельскому совершенству в миру (возможно, даже состоя в браке) под руководством соответствующего первого (мужского) монашеского ордена, следуя традициям его духовности и соблюдая приспособленный к мирской жизни устав, утвержденный Св. Престолом. В отличие от членов первого (мужского) и второго (женского) орденов, терциарии не дают монашеских обетов и не ведут общинный образ жизни. Тем не менее они имеют право носить монашескую одежду, в т. ч. подпоясываться веревкой, но без трех узлов, символизирующих монашеские обеты (у францисканцев).

Впервые «третий орден» (изначально его члены назывались «*fratres de paenitentia* и «*sorores de paenitentia*» – «братьями покаяния» и «сестрами покаяния», или «кающимися братьями и сестрами») был создан Франциском Ассизским в 1221 г. Устав «третьего ордена» францисканцев был утвержден Папой Гонорием III. Папа Николай IV реорганизовал «третий орден» францисканцев, в 1289 г. предписав ему в булле «*Supra tonnem*» соблюдение нового устава. С XIV в. в некоторых «третьих орденах» стала проявляться тенденция к жизни в общине и к созданию конгрегации с собственными монашескими правилами. Это привело к возникновению Третьего регулярного ордена св. Франциска (с торжественными монашескими обетами), устав которого был введен Папой Львом X в 1521 г. в булле «*Inter caetera nostro regimini*». При этом сохранялся и «третий орден» мирян, члены которого жили согласно прежнему уставу. Обновленный устав для них был введен Папой – Львом XIII в 1883 г. апостольской конституцией «*Misericors Deus*». Св. Престол утвердил также «третий орден» доминиканцев (1406 г.), августинцев (1409 г.), сервитов (1425 г.), кармелитов (1452 г.), минимитов (1508 г.), тринитариев и премонстратов (1751 г.) [17, стб. 1317, 1438, 1439].

¹ Материалы «Особого совещания для организации действующих узаконений с указом 17 апр. 1905 г. по делам веры» (31 мая 1906 г. – 10 февраля 1911 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 163 об. – 164.

ДДДИИ уведомил Департамент полиции, что целью ордена терциариев являлось предоставление возможности светским лицам, не вступая в монашество в тесном значении этого слова и исполняя все обязательства, налагаемые общественной жизнью, путем нравственного самоусовершенствования и выполнения правил, предписываемых орденом, достигнуть вечного спасения. Правила этого ордена излагались в 20 главах. Условиями для вступления в орден считались: католическая вера, повиновение церкви, безукоризненное поведение, примирение с врагами. Еретики или подозреваемые в ереси ни в каком случае не могли быть принимаемы в орден. Желаящий быть принятым должен был отказаться от имущества, приобретенного предосудительным путем, он должен был подвергнуться годичному испытанию и дать обещание выполнять требования религии. Допущенный однажды, он не мог по собственной воле оставлять орден. Женщины принимались лишь с согласия их мужей. Мужчины и женщины должны были носить простую одежду без драгоценных украшений.

Члены ордена должны были воздерживаться от празднеств, зрелищ, танцев и т.п., не употреблять четыре раза в неделю мясной пищи. Им предписывалось произносить известные молитвы в определенные часы. Они обязаны были исповедоваться и причащаться трижды в год. Присяга дозволялась им лишь в крайних случаях, равным образом возбранялась клятва в разговорах. Им предписывалось, по возможности, ежедневно присутствовать на богослужении. Они обязывались посещать больных, провожать мертвых и молиться за их души. Члены собирались раз в год или, если это было необходимо, и чаще в определенном месте, где супериорами-священниками на провинившихся в течение года налагалось наказание. Неисправимые лица исключались из ордена.

Орден терциариев в средние века имел чрезвычайно широкое распространение. В числе своих членов он насчитывал лиц высокого положения, даже королей и королев (Карл IV, Людовик и мать его Бланка Кастильская, Елизавета Португальская и др.). В деле миссионерства это орден играл выдающуюся роль. По словам Папы Пия II, терциары составляли войско для священной войны, нося повсюду знамя Христа, повсюду оказывая помощь нуждающимся, отражая врагов, будучи постоянно вооружены силой веры, постоянно наготове, чтобы их можно было найти повсюду, где распространена вера Христова. С течением времени орден этот подвергся преобразованиям: образовалась корпорация лиц, которые вели совместную жизнь и приняли на себя ряд обетов. Таким образом, орден до некоторой степени усвоил монастырский строй жизни и мог считаться, как и другие братства, низшей ступенью монашеских орденов.

По мнению ДДДИИ, общества терциариев, представляя собой чистый тип негласной монастырской организации, должны быть отнесены к категории

тайных обществ, предусмотренных ст. 318–320 Уложения о наказаниях, и подлежали закрытию¹.

Кроме этих братств в Северо-Западном крае Российской империи имелись также, в особенности в Виленской и Ковенской губерниях, р.-к. духовные рабочие союзы, перенесенные сюда из-за границы в период времени с 1894 г. по 1896 г. РКЦ, представители которой главным образом и основывали на западе христианские профессиональные союзы, выросла в мощную силу именно благодаря тому, что она всегда старалась и очень часто успевала приспособляться к потребностям практической жизни.

Сознавая, что современное социальное движение представляет в высшей степени важный общественный фактор, РКЦ и решила попытаться подчинить его своим интересам. Среди верующих рабочих масс руководители церкви пользовались значительным влиянием, которым также объясняется количественный рост вызванных ими к жизни профессиональных организаций. Союзы эти, судя по их статутам, опасности для правительства не представляли, так как они резко подчеркивали свое отрицательное отношение к социал-демократической партии, запрещая принимать в свои общества членов этого кружка, но они свидетельствовали о силе влияния РКЦ, с которой правительству Российской империи приходилось считаться.

Кружки эти сохранили свои старые цеховые отличия, имели свои алтари в разных р.-к. церквях, где и собирались в определенные часы и дни для выслушивания богослужений и проповеди. Центральным пунктом их деятельности, стремлений и интересов, даже когда речь шла об экономических вопросах, являлась религиозная точка зрения, т.е. рассмотрение стремлений с точки зрения соображений, указываемых принципами р.-к. религии и нравственности. Но в какую форму эти союзы могли вылиться впоследствии, было трудно предугадать. Во всяком случае, в МВД приходили к тому заключению, что «засвидетельствованное историей стремление католицизма к мировому господству над умами не только в деле религии, как совокупности верований, но в частности, в отношении Северо-Западного края Российской империи, и к искусственной полонизации населения, заставляло относиться с крайней осторожностью к предоставлению полной бесконтрольной свободы развития духовных братств при р.-к. церквях, ибо всегда можно было опасаться, что даже заслужившие полной симпатии по своим целям р.-к. братство в руках фанатика ксендза явится средством лишь националистической и антиправительственной пропаганды»².

¹ Материалы «Особого совещания для организации действующих узаконений с указом 17 апр. 1905 г. по делам веры» (31 мая 1906 г. – 10 февраля 1911 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 164–164 об.

² Там же. Л. 165.

Регламентация деятельности р.-к. братств в начале XX в.

По состоянию на август 1905 г. официальное существование в Царстве Польском было признано за 737 р.-к. братствами, помещенными в ведомости 1840 г. (4 братства Сердца Иисусова были запрещены). Большинство этих братств приходилось на долю рожанцевого братства (308), св. Анны (80), шкаплерного (60) и св. Троицы (53). Количество р.-к. братств остальных наименований колебалось от 4 до 27. Фактически, безусловно, количество братств в Царстве Польском было значительно больше. МВД полагало, что братская организация существует при каждой р.-к. церкви, которых насчитывалось в Царстве Польском 1872, причем наряду с шкаплерными братствами наиболее были распространены братства терциаров.

Деятельность всех этих р.-к. братств, о которых светская администрация не имела никаких сведений, ограничивалась участием в костельных службах, исполнением определенных религиозных обрядов и делами частной благотворительности. Ввиду отсутствия каких-либо официальных проявлений этих р.-к. братств правительственные власти игнорировали их существование.

В Северо и Юго-Западном крае Российской империи официально не существовало ни одного р.-к. братства, кроме братства св. Мартина в г. Вильно. Фактически, однако, шкаплерные и терциарские общества были распространены в этих местностях не меньше, чем в Царстве Польском, и местные власти признавали активную борьбу с ними невозможной и нежелательной. Кроме того, при большинстве р.-к. церквей состояли братчики, не имевшие никакой определенной организации и ограничивавшие свою деятельность помощью ксендзу при богослужении, наблюдением за поступлением костельных доходов и сопутствованием покойников в р.-к. церковь и на кладбище¹.

При невозможности прямого воздействия на подобные братства и безусловной необходимости, для надлежащего ограждения государственных и национальных интересов, упорядочить организацию р.-к. братств, надлежало в законодательном порядке определить значение братств, преследуемые ими цели, порядок их открытия и надзор за их деятельностью.

В Государственном Совете Российской империи предполагалось, что в основание р.-к. братств могли бы быть положены следующие общие начала:

1) р.-к. братства состоят при р.-к. церквях для удовлетворения религиозных потребностей и оказания различного рода помощи нуждающимся в ней прихожанам; цель братства – религиозная и благотворительная, но отнюдь не политическая;

¹ Материалы «Особого совещания для организации действующих узаконений с указом 17 апр. 1905 г. по делам веры» (31 мая 1906 г. – 10 февраля 1911 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 165 об.

2) деятельность р.-к. братства четко ограничить пределами прихода, а ответственность за их деятельность возложить на духовное лицо, заведующее приходом;

3) уставы р.-к. братства местным епископам представлять на утверждение губернаторам, на которых возложить наблюдение за законной деятельностью р.-к. братств и принятие, по соглашению с местным р.-к. епархиальным начальством, мер к устранению замеченных беспорядков;

4) р.-к. братства разделить на три группы: к первой следует причислить р.-к. братства, признанные правительством в Царстве Польском – таковых 731 (список их был сообщен МВД Варшавскому генерал-губернатору 30 октября 1874 г. за № 3474), и братства, одновременно утвержденные подлежащими властями; ко второй группе – братства, одновременно открытые и не имеющие уставов, утвержденных правительством; к третьей группе – братства, запрещенные правительством за их вредное направление;

5) право закрывать р.-к. братства, в случае их противозаконной деятельности или явного нарушения уставов, предоставить МВД, по представлениям губернаторов, по предварительному согласованию с местным р.-к. епископом.

В отношении п. 4 особое совещание при Комитете министров полагало, что р.-к. братства, отнесенные Государственным Советом к первой категории, могли бы быть признаны правительством Российской империи законно существующими, при условии возложения на них обязанности представить в годичный срок на утверждение их устав, если они до этого времени такового не имели, или ходатайствовать о применении к ним примерного устава пособия бедным, утвержденного МВД 10 июня 1897 г. в порядке, указанном в циркуляре МВД 16 июня 1897 г. за № 5398. По отношению к братствам второй категории совещание высказалось за представление им в годичный срок права ходатайствовать или об утверждении их уставов, или о применении к ним вышеназванного примерного устава пособия бедным. Что же касается р.-к. братств, признанных гражданской властью «вредными», а равно и р.-к. братств второй категории, не ходатайствовавших в установленный срок об утверждении их уставов, то их надлежало признать противозаконными сообщениями, подходившими под действие ст. 118 Уст. о пред. и пресеч. прест. Подобным р.-к. братствам, конечно, не могло быть предоставлено пользование правами и преимуществами, усвоенными р.-к. братством, имевшим законное существование. К числу этих прав относилось право § 58 примерного устава, в силу которого общество имело право приобретать законом разрешенными способами недвижимое имущество и отчуждать оное, заключать всякого рода договора и сделки, а равно защищать свои интересы на суде через уполномоченных. В случае возможных в будущем ходатайств об открытии подобными р.-к. братствами школ или благотворительных учреждений, то следовало отклонять все подобные ходатайства. Братство, не имевшее законно утвержденного устава, не могло иметь и легального существования. Особым совещанием предполагалось, что при подобной постановке дела некоторые из р.-к.

братств третьей категории поймут всю невыгоду своего положения и, осознав собственную пользу, пойдут по стезе законного бытия. Подобная попытка их вразумления, если и не повлекла бы за собой упразднение всех нелегальных братств, то во всяком случае была бы полезнее бесплодной попытки фактического их закрытия.

В соответствии с этими общими предначертаниями надлежало, по мнению МВД, дополнить ст. 118 Уст. о прек. и пресеч. прест., изд. 1890 г., особым постановлением о признании противозаконными сообществами те р.-к. братства, которые бы продолжали свою деятельность после решения подлежащей власти о их закрытии, а равно и р.-к. братства, не представившие в установленный срок ходатайства об утверждении их уставов. По отношению к вопросу о разрешении открывать р.-к. братства лицам, принадлежавшим к другим, кроме р.-к., инославным исповеданиям, МВД представлялось достаточным предоставить губернаторам право утверждать уставы подобных братств, если просители не пожелали воспользоваться примерным уставом обществ пособия бедным, утвержденным МВД 10 июня 1897 г.¹

Данные предложения вполне согласовывались с высочайше утвержденным 8 мая 1864 г. положением Комитета министров «О правилах для учреждения православных церковных братств», опубликованным 10 июня 1864 г.:

1) православными церковными братствами именуются общества, состоящие из православных лиц разного звания и состояния, для служения нуждам и пользам Православной Церкви, для противодействия посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников, для созидания и украшения православных храмов, для дел христианской благотворительности и для распространения и утверждения духовного просвещения;

2) братства учреждаются при церквях и монастырях с благословения и утверждения епархиального архиерея;

3) каждое братство имеет свой устав и могло действовать не иначе, как на основании и в пределах этого устава;

4) при учреждении братств в составляемых для них уставах могут быть сохраняемы употреблявшиеся в древних церковных братствах наименования, правила и внешние местные обычаи;

5) в уставах братств не допускается причисление к предметам ведомства или занятий братств таких дел, которые выходили бы из круга деятельности, определенного ст. 1 настоящих правил;

6) желающие основать или восстановить братство обращаются с просьбой о том к епархиальному архиерею и представляют проект устава; преосвященный, если найдет предположение правильным, сообщает проект устава,

¹ Материалы «Особого совещания для организации действующих узаконений с указом 17 апр. 1905 г. по делам веры» (31 мая 1906 г. – 10 февраля 1911 г.) // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593. Л. 166–167.

для соображения, в гражданском отношении, начальнику губернии, и, по получении его отзыва, утверждает устав и разрешает открытие братства;

7) уставы тех братств, которые были открыты до издания настоящих правил, должны быть епархиальными начальствами сообщены для сведения начальникам губерний;

8) не допускается никаких отступлений от утвержденных для братств правил; если бы оказалось нужным что-либо изменить или дополнить в утвержденном уставе, то на изменение и дополнение испрашивается разрешение тем же порядком, как на самый устав¹.

Постановлением Временного правительства от 12 апреля 1917 г. было предоставлено право свободного возникновения и деятельности в Российской империи всякого рода обществам и союзам, причем обязательная регистрация была установлена только для тех обществ и союзов, которые желали получить права юридического лица. Имея это постановление в виду, комиссия по пересмотру законодательства, определявшего положение РКЦ в Российской империи, подвергла обсуждению вопрос о том, подводить ли под действие его также и религиозные общества, братства, духовные конгрегации и монашеские ордена, или же установить для такого рода организаций особый порядок возникновения и деятельности. В пользу принятия последнего решения приводились, между прочим, доводы, направленные к возвышению в глазах католического населения авторитета религиозных организаций, как преследующих определенные религиозно-нравственные цели, которые не могли не создавать для них особо привилегированного положения. После обмена мнениями Комиссия признала соответственным подчинить упомянутые религиозные организации в отношении их возникновения и регистрации общему порядку, установленному постановлением Временного правительства, от 12 апреля 1917 г., тем более что при разработке и проведении в жизнь особых о религиозных организациях правил не исключалась бы возможность возникновения тех или иных осложнений. 26 июля 1917 г. за подписью заместителя министра-председателя Н. Некрасова и министра внутренних дел Н. Авксентьева Временное правительство приняло постановление № 1287 «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России». В разделе 5 данного постановления оговаривалось, что действие законоположения по делам РКЦ в России распространяется на церковное управление этой церкви всех обрядов, с теми изъятиями, которые будут особо установлены для управления каждого их этих обрядов в законодательном порядке².

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том XXXIX. Отделение первое. 1864. Отъ № 40457–41318. Ч. 1. СПб., 1867. С. 409–410. № 40863.

² Об изменении законодательства по делам р.-к. церкви в России (5 мая 1917 г. – 5 октября 1917 г.) // РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 1741. Л. 106 об. – 107 об., 149.

Выводы

Таким образом, р.-к. братства существовали почти при каждой р.-к. церкви в Царстве Польском и Северо-Западном крае Российской империи. Возникшие одновременно под разными наименованиями, р.-к. братства преследовали различные цели, руководствуясь различными уставами, в большинстве случаев совершенно неизвестными правительству Российской империи. Братства эти представляли собой своеобразную законом не признанную организацию.

Конечно, внешнее проявление деятельности р.-к. братств в значительной степени обуславливалось и личным характером их руководителей (р.-к. священниками), и уставами, налагавшими на членов те или иные обязанности. В некоторых местностях члены братств проявляли свою деятельность исключительно только участием в торжественных богослужениях, в процессиях, в погребальных шествиях. В иных местах р.-к. братства являлись только благотворительными учреждениями, но чаще всего члены их группировались около р.-к. священника как дружная рать, готовая беспрекословно исполнить все приказания своего духовного руководителя, направленные не только к ограждению интересов РКЦ, но и к осуществлению заветных идеалов польской народности.

В местностях со смешанным населением, где православные проживали совместно с римско-католиками и особенно в приходах, присоединенных из унии, р.-к. братства проявляли особую деятельность. «Девотки», мирские члены терциарского ордена, вызывали особенное беспокойство светской администрации, полагавшей, что они, создавая семьи с лицом православного исповедания, настоятельными уговорами убеждая православных членов семьи переходить в католичество, поселяют семейные раздоры и нарушают мир среди населения. Закрывание же этих братств терциарок, равно как и братства «Сердца Иисусова», преследовавшего более политические, чем церковные цели, имело скорее значение на бумаге, чем в действительности. Закрывание официально, они в действительности жили, безусловно приводя в исполнение все предназначения своих руководителей.

Р.-к. братства, близко примыкая к монашеским орденам, представляли из себя влиятельную организацию, одушевленную повиновением верховной власти римского первосвященника. Непосредственная борьба с подобными организациями представляла большие трудности для правительства. Правительство, например, делало распоряжение о закрытии какого-либо р.-к. братства. Распоряжение об этом сообщалось духовным властям и р.-к. священнику. Братство считалось закрытым. Но возможность проконтролировать, чтобы члены р.-к. братства перестали исполнять обеты, добровольные ими взятые, отсутствовала. Зачастую представителям светской власти не были известны даже имена всех членов.

Велики были затруднения французского правительства при приведении в исполнение закона 1 июля 1901 г. о конгрегациях. Нередко при помощи вооруженной силы приходилось выселять из монастырей монахов, не пожелавших подчиниться требованию закона о представлении на утверждение устава своего ордена. Войска были вводимы в здание и очищали его от непослушной братии.

Требования закона, хотя и трудно, но можно было привести в исполнение. Осуществить же подобное мероприятие по отношению к терциаркам или братьям «Сердца Иисусова» было совершенно невозможно. И много ли их, и сколько их, властям было неизвестно, и как и куда их выселять. Всякое направленное против них мероприятие могло легко получить значение жестокого распоряжения, нарушавшего веротерпимость. Те или другие наказания за принадлежность к братству легко могли бы быть истолкованы как тяжкие меры преследования, несправедливо налагаемые за ревность к вере. Терциарки, таким образом, могли бы легко быть причислены к сонму мучениц.

Деятельность римско-католических братств явилась не только данью традиции, но и ответом РКЦ, всех верующих на конфессиональную и национальную политику правительства Российской империи. РКЦ, явно не выступая организатором этих обществ, активно поддерживал их, прежде всего, морально. Р.-к. братства были ее опорой среди паствы, позволяли воздействовать на верующих не только в храме, но и за его стенами. В условиях постоянного полицейского надзора р.-к. объединения вынуждены были приспособливаться, искать качественно иную форму своего существования.

© Ганчар А.И., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Литература

- [1] *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. Историческое исследование: в 2 т. СПб.: тип. В.Ф. Демакова, 1876–1877.
- [2] *Чихачев Д.Н.* К вопросу о распоряжении костела в прошлом и настоящем. СПб.: тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1913.
- [3] *Nagrodzki Z.* Rola duchowieństwa katolickiego w godzinie prób i cierpień na terenie Litwy i Białej Rusi (1863–1883). Wilno: Znicz, 1935.
- [4] *Kumor B.* Historia Kościoła: w 7 cz. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1973. Cz. 7.
- [5] *Kumor B.* Ustrój i organizacja Kościoła polskiego w okresie niewoli narodowej. 1772–1918. Kraków: Polskie Tow-wo Teologiczne, 1980.
- [6] *Dzwonkowski R.* Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej. Lublin: Oddział Lubelski Stowarzyszenia «Wspólnota Polska», 1994.

- [7] *Stopikowski R.* Kościół katolicki w Cesarstwie Rosyjskim w świetle polskiej prasy katolickiej drugiej połowy XIX wieku; pod red. ks. E. Walewandra. Warszawa: Stowarzyszenie współpracy Polska-Wschód, 2001.
- [8] *Radwan M.* Polityka wyznaniowa caratu na Białorusi w XIX w. Implikacje duszpasterskie // *Nasza przeszłość*. 2001. T. 95. S. 197–240.
- [9] *Лиценберг О.А.* Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов: Поволжская Акад. гос. службы, 2001.
- [10] *Lewalski K.* Kościoły chrześcijańskie w królestwie Polskim wobec żydów w latach 1855–1915. Wrocław: Fundacja na rzecz nauki Polskiej, 2002.
- [11] *Walicki A.* Rosja, katolicyzm i sprawa polska. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2002. 312 s.
- [12] *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. 368 с.
- [13] *Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010.
- [14] Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская [і інш.] ; навук. рэд. В. В. Яноўская; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск : Беларуская навука, 2015.
- [15] *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: , 2010.
- [16] *Католическая энциклопедия*. Т. IV: Р – Ф / Под ред. В. Л. Задворный [и др.]. М.: изд. Францисканцев, 2011.

2. Документы и материалы

- [17] Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. Ф. 1. Оп. 18. Д. 525.
- [18] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Томъ XXXIX. Отделение первое. 1864. Отъ № 40457–41318. Ч. 1. СПб., 1867.
- [19] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 593.
- [20] РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 1741.
- [21] Lietuvos mokslų akademijos biblioteka (LMAV). F. 322–1482.
- [22] LMAV. F. 318-5580. 11878.

Рукопись поступила в редакцию: 18 мая 2017 г.

Для цитирования: *Ганчар А.И.* Положение римско-католических братств в Российской империи (на примере Царства Польского и Северо-Западного края) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2017. № 4. С. 519–542. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-519-542.

Информация об авторе: *Ганчар Андрей Иванович* – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории Гродненского государственного аграрного университета (г. Гродно, Беларусь)

POSITION OF ROMAN CATHOLIC BROTHERHOODS IN THE RUSSIAN EMPIRE

Andry I. Hanchar

Educational Institution
Grodno State Agrarian University
28 Tereshkova St., Grodno, Belarus, 230008
gancharandre1@yandex.ru

The article based on the archival materials considers the position of the Roman Catholic brotherhoods in the Russian Empire. It has been found that almost every Roman Catholic Church in the Russian Empire had the Roman Catholic brotherhoods.

The Roman Catholic brotherhoods, similar in their monastic order, were influential organizations, obeying the Supreme authority of the Roman Pontiff. The direct control of such organizations presented great difficulties for the government of the Russian Empire: for example, the government issued the order to close brotherhoods, informed the spiritual authorities, and the brotherhoods were considered closed. But it was impossible to check if the members of the Roman Catholic brotherhoods had ceased fulfilling the vows they had taken voluntarily. The representatives of the secular authorities did not even know the names of all members.

The activities of the Roman Catholic brotherhoods were not just a tribute to the tradition, but also the response of the Roman Catholic Church and all the faithful to the confessional and national policy of the government of the Russian Empire. The Roman Catholic Church actively supported them morally above all. The Roman Catholic brotherhoods were its support among the laity; they were allowed to influence the faithful not only in Church but also outside. Under the constant police surveillance, the Roman Catholic associations were forced to adapt, to find a different form of existence.

Keywords: Roman Catholic brotherhood, the Russian Empire, the Roman Catholic Church

REFERENCES

- [1] Tolstoj DA. *Rimskij katolicizm v Rossii. Istoricheskoe issledovanie: v 2 t.* [Roman Catholicism in Russia. Historical investigation: in 2 volumes]. St-Petersburg: tip. V.F. Demakova Publ; 1876–1877 (in Russian).
- [2] Chihachev DN. *K voprosu o raspoliachenii kostela v proshlom i nastoyahcem* [To the question of the church's location in the past and present]. St-Petersburg: tip. t-va A.S. Suvorina «Novoe vremja» Publ.; 1913 (in Russian).
- [3] Nagrodzki Z. *Rola duhoweństwa katolickiego w godzinie prób i cierpień na terenie Litwy i Białej Rusi (1863–1883)* [The role of catholic clergy in the hour of trials and sufferings in Lithuania and White Russia (1863–1883)]. Wilno; 1935.
- [4] Kumor B. *Historia Kościoła: w 7 cz.* [History of the Church]. Lublin; 1973: 7.
- [5] Kumor B. *Ustrój i organizacja Kościoła polskiego w okresie niewoli narodowej. 1772–1918* [The government and the organization of the Church of Poland in the period of captivity the national (1772–1918)]. Kraków; 1980.

- [6] Dzwonkowski R. *Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej* [The poles on the ancient Eastern borders. With the problems of national and religious]. Lublin; 1994.
- [7] Stopikowski R. *Kościół katolicki w Cesarstwie Rosyjskim w świetle polskiej prasy katolickiej drugiej połowy XIX wieku* [The Catholic Church in the Russian Empire in the light of the Polish Catholic press in the second half of the XIX century]. Warszawa; 2001.
- [8] Radwan M. Polityka wyznaniowa caratu na Białorusi w XIX w. Implikacje duszpasterskie [Religious policy the tsarist regime in Belarus in the XIX century. The consequences of pastoral]. *Nasza przeszłość*. 2001; 95: 197–240.
- [9] Licenberg OA. *Rimsko-katolicheskaya cerkov v Rossii: istoriya i pravovoye polozeniye* [Roman Catholic Church in Russia: History and Legal Status]. Saratov; 2001 (in Russian).
- [10] Lewalski K. *Kościół chrześcijański w królestwie Polskim wobec żydów w latach 1855–1915* [Church chrześcijański in the Kingdom of Poland against the Jews in the years 1855–1915]. Wrocław; 2002.
- [11] Walicki A. *Rosja, katolicyzm i sprawa polska* [Russia, Catholicism and the Polish case]. Warszawa; 2002.
- [12] Tihanov AK. *Katoliki, musulmane i iudei Rossijskoj imperii v poslednej chetverti XVIII – nachale XX v.* [Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of the XVIII – early XX centuries]. St-Petersburg: izd-vo S.-Peterb. un-ta Publ; 2008 (in Russian).
- [13] Bendin AYU. *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossijskoj imperii (1863–1914 gg.)* [Problems of Tolerance in the North-Western Territory of the Russian Empire (1863–1914)]. Minsk: BGU Publ; 2010 (in Russian).
- [14] Yanouskaya VV., ed. *Kanfesijny faktar u sacyjal’nym razvicci Belerusi (kanec XVIII – pachatak XX st.)* [Confessional factor in the social development of Belarus (end of XVIII – beginning of XX century)]. Minsk; 2015 (in Russian).
- [15] Dolbilov MD. *Russkii krai, chuzaya vera: Etnokonfessional’naya politika imperii v Litve i Belarusii pri Aleksandre II* [Russian land, another’s faith: Ethno-confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow; 2010 (in Russian).
- [16] Zadvornyi VL., ed. *Katolicheskaya enciklopediya* [Catholic Encyclopedia]. Moscow: Izdatelstvo Franciskancev Publ; 4: R – F. 2011 (in Russian).

Article received: 18 May 2017

For citation: Andry I. Hanchar, Position of Roman Catholic Brotherhoods in the Russian Empire. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 519–542. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-519-542.

About the author: Andry I. Hanchar, PhD (in History), Associate Professor, Head of the Department of the economic history at Grodno State Agrarian University (Grodno, Belarus)

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-543-558

НЕМЕЦКОЕ ВЛИЯНИЕ НА КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДОНСКОГО КРАЯ XIX – НАЧАЛА XX В.

О.В. Ерохина

Московский педагогический государственный университет
119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 88
erohina1@mail.ru

В статье предпринята попытка показать степень влияния представителей немецкой национальности на социально-экономическое и культурное развитие Области Войска Донского в XIX – начале XX в. На основе научной литературы и архивных материалов была исследована деятельность немцев разных сословий и статуса на чиновничьих постах: от наказного атамана Войска Донского до присяжного поверенного. Кроме того, обращается внимание на то, что в области проживали немецкие колонисты, занимавшиеся в основном земледельческим или промышленным предпринимательством. Автор приходит к выводу, что все они, несмотря на свое немецкое происхождение, считали себя российскими подданными и прилагали усилия для процветания региона, в котором оказались в силу различных обстоятельств.

Ключевые слова: Войско Донское, немцы, военная администрация, предприниматели, немецкие колонисты

Введение

В Российской империи проживало довольно много лиц, причисляющих себя к немцам. При этом они совершенно не отделяли себя от нее, были не только ее подданными, но и преданными сынами. Слова Д.А. Ровинского очень точно их характеризуют: «Как клоп вьелся немец в русскую жизнь, – куда ни оглянись, везде он, вверху и внизу, сидит и работает; в семью русскую... вошел он, слился с нею, в иных местах больше иного русского русским сделался...» [1].

В отечественной историографии можно выделить несколько периодов и направлений исследований, посвященных российским немцам. До 1917 г. преобладали сюжеты по истории образования немецких поселений в России со второй половины XVIII в. до 1917 г., а накануне и в годы Первой мировой войны все чаще эксплуатировалась тема «немецкого засилья». При этом

ареалы исследований ограничивались в основном территориями Поволжья и Новороссии [2–5].

В советский период до 1930-х гг. еще будут издаваться отдельные работы по истории российских немцев, но затем эта тематика надолго окажется закрытой для изучения [6; 7]. В середине 1960-х гг. появятся публикации, в которых авторы обратят внимание на наличие немцев на юге Украины в первой четверти XIX в. и их взаимоотношения с местным населением, а также на социально-экономическое развитие немецкой деревни в Сибири в первые годы Советской власти [8; 9].

Получив новый импульс в постсоветский период, немецкая проблематика не утратила своей актуальности до настоящего времени. Исследователей интересует политическая, социально-экономическая и культурная жизнь немцев России и СССР. Кроме того, ими акцентировалось внимание на репрессивной политике советских властей в отношении граждан немецкой национальности с 1920-х по 1950-е гг. и их реабилитации в последующем. В результате определились исследования по регионам проживания немцев, в которых имелись характерные отличия друг от друга по вероисповедному составу и мест выхода из германских земель: Поволжье, Новороссия, Кавказ, Сибирь, Средняя Азия, Волянь [10–13]. Наиболее полно тематическая библиография, отражающая историю и культуру этнических немцев в дореволюционный, советский и постсоветский период, представлена в работах Т.Н. Черновой и И.В. Черкастьяновой [14; 15].

Следует отметить, что довольно значительное количество работ посвящено не только немецким колонистам, но и государственным чиновникам, военным и культурным деятелям из российских немцев. Однако исследователи обошли вниманием Область Войска Донского.

Несмотря на относительную закрытость Донского региона для «пришло-го» населения, здесь было основано в XIX в. более 160 немецких колоний. Немало чиновников и предпринимателей принадлежало к немецкой национальности. Все они внесли значительный вклад в развитие и прославление Донского края.

В середине 1990-х гг. появились первые публикации по нашей проблеме, посвященные переселению немецких колонистов на территорию края во второй половине XIX в. и их хозяйственной деятельности [16; 17]. В начале XXI в. появятся исследования, изучающие экономический и социокультурный уровень развития немецких колоний и немецкого предпринимательства в Донской области на рубеже XIX – начале XX в. [18–20].

Своей статьей мы хотели бы обратить внимание на представителей немецкого населения, которые способствовали процветанию Донского края в экономическом и культурном плане. Для более полной характеристики их деятельности нами привлекались материалы, сконцентрированные в централь-

ном и региональном архивных фондах РГИА (фонды: 32, 383, 616, 1284) и ГАРО (фонд 301). С их помощью удалось установить время появления немцев в регионе, определить их статус и степень влияния на местное население.

Немцы – государственные чиновники

Ответить на вопрос, когда появились первые немцы в России, довольно сложно. Известно, что в конце XVII в. они уже состояли на российской службе. Массовое переселение немецких колонистов в Россию началось с 1763 г., после публикации манифеста императрицы Екатерины II о приглашении иностранцев. Процесс переселения продолжался вплоть до конца 60-х гг. XIX в. В результате были основаны колонии в Поволжье, Новороссии, Сибири, Волыни, на Дону и Кавказе.

В Донскую область немецкие колонисты стали переселяться только с 1868 г. До этого в регионе было запрещено селиться на постоянной основе не казачьему населению. Тем, кто находился в Войске Донском «по служебным обязанностям, гражданские они или духовные... как покупать и строить в войске домов, так и приобретать земельных угодий не имели права»¹. Делалось это с целью предотвращения «разложения» казачества.

Однако не только колонисты способствовали развитию казачьего края. В области было довольно много чиновников и предпринимателей, принадлежавших к немецким фамилиям, которые появились в регионе значительно раньше.

О необходимости развивать Таганрог как торговый город на Азовском побережье заговорили в начале XIX в. Именно поэтому 8 октября 1802 г. будет учреждено в нем градоначальство. Из 21 градоначальника за весь период его существования 4 были немцами: Б.Б. фон Кампангаузен, О.В. Пфейлицер-Франк, А.К. Ливен, Н.В. Адлерберг.

Наибольший вклад в развитие города внес остзейский немец Балтазар Балтазарович фон Кампангаузен, служивший на этом посту с 1805 г. по 1809 г. В октябре 1805 г. он направил в Петербург подробную записку о состоянии города: «Улицы довольно широки и регулярны <...> нигде не вымощены <...>, не освещены <...>. Площадь в городе одна <...>, обстроена разными, по большей части деревянными рядами, кофейными домами, харчевнями, питейными домами и лавками <...> Тут же выстроена соборная церковь. Все строения весьма непрочны и построены на скорую руку из барочного леса <...>. Каменные – коих число невелико – из пористого дикого камня, а кирпичных почти вовсе нет...» [21, с. 269].

С рвением принялся он за благоустройство города. Благодаря ему в 1808 г. будет утвержден план города по проекту Ф.П. Деволана и обозначены улицы,

¹ Земли в судьбах донского казака. Собрание историко-правовых актов. 1704–1919 гг. Ростов н/Д., 1998. С. 39.

скрыты рвы и валы, остававшиеся от прежней крепости. Однако застройка начнется только с 1806 г. Кроме того, он изыщет средства на установку уличных фонарей, добьется открытия коммерческого суда, Земельного банка и строительного комитета.

Б.Б. фон Кампангаузен будет инициатором создания Аптечного сада в городе. 30 июня 1808 г. план сада, предложенный строительным комитетом, будет им одобрен. Кроме аптечных плантаций в нем предполагалось посадить виноградники и фруктовые деревья.

В 1806 г. он выступил с ходатайством перед попечителем Харьковского учебного округа графом С.О. Потоцким об открытии коммерческой гимназии: «город Таганрог лишен всех способов необходимых для воспитания детей, равняясь впрочем не только с уездными городами, но даже с губернскими по причине находящегося в нем со времени открытия разных казенных мест знатного числа чиновников множества живущих в нем помещиков и торгующих русских и греков, число которых по нынешнему вниманию Правительства на этот город все более и более будет умножаться» [22, с. 282]. В сентябре этого же года его удовлетворят. В 1807 г. состоялся первый набор учащихся, по которому было принято на обучение 126 человек.

В 1807 г. в Таганроге будут заложены из камня таможня, биржа, тюрьма, из дерева построены гарнизонные казармы с госпиталем, гимназия, важня и предполагалось возвести из камня здания почты и полиции.

В 1808 г. Б.Б. фон Кампангаузен обратился с просьбой к министру внутренних дел графу В.П. Кочубею о присылке в Таганрог немецких ремесленников. Он считал, что «поселение их в сем городе могло бы быть для одного полезным».¹ В 1809 г. было прислано 18 семейств и выделено им кормовых средств на проезд 2198 р.80 коп. серебром и 50 р. ассигнациями². Кроме того, строительный комитет города предоставил переселившимся на обзаведение 9997 р. 6 коп. Правда, проверка 1811 г., показала, что только «...4 из них обзавелись своими домами», а остальные уехали из города³. Кроме того, Б.Б. фон Кампангаузен были направлены экспедиции для исследования: во-первых, местности в верховьях Дона с целью выявления возможности строительства канала между Волгой и Доном; во-вторых, выявления угольных запасов в районе градоначальства.

На обустройство города градоначальнику удалось получить из казны 50 000 р. Кроме того, он добился, чтобы в казну города поступали средства в размере 10% от таможенного сбора и 21 268 р. ежегодно от винного откупа [23, с. 187]. Благодарные горожане в 1866 г. установят его портрет в здании городского управления и назовут его именем одну из улиц Таганрога.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 29. Д. 284. Л. 5.

² Там же. Л. 177.

³ Там же. Л. 186 об. – 187.

Мы бы отметили еще одного градоначальника, возможно и не такого успешного, но внесшего свой вклад в развитие Таганрога – О.В. Пфейлицер-Франка. 4 июня 1832 г. Отто Германович барон Пфейлицер-Франк назначается Таганрогским, Ростовским, Нахичеванским и Мариупольским градоначальником, главным попечителем купеческого судоходства по Азовскому морю и начальником Таганрогского таможенного округа [23]. Он пробудет на этой должности до 1843 г.

Первое, с чем ему пришлось столкнуться на своем посту, была организация мероприятий по борьбе с эпидемией холеры, вспыхнувшей в регионе в 1833 г. Опыт борьбы с этим заболеванием у него уже был, и поэтому в течение короткого периода он смог его погасить.

После этого О.В. Пфейлицер-Франк приступил к благоустройству города. В 1834 г. им был учрежден генеральный план застройки города, согласно которому он делился на три части: Петровскую, Екатерининскую, Александровскую. Кроме того, началась реконструкция лестниц и спусков к набережной и морскому порту.

В 1835 г. в городе учреждается статистический комитет, а в 1837 г. будет проведена сельскохозяйственная выставка, на которой присутствовал будущий император Российской империи – Александр III. В связи с ветхостью старого деревянного здания коммерческой гимназии барон Франк прикажет в 1839 г. начать строительство нового каменного помещения [22, с. 194]. Благодаря стараниям градоначальника с 1842 г. таганрогский порт на регулярной основе станет принимать пассажирские суда.

Область Войска Донского управлялась войсковым наказным атаманом, которого назначал император. Эта должность была введена Петром I в 1708 г. С того времени и до 1917 г. ее занимали 23 атамана, из которых 3 были немцами: П.Х. Граббе, Ф.Ф. Таубе, М.Н. Граббе.

Из этих атаманов особо отметим Павла Христофоровича Граббе: «Человек, хорошо образованный исключительного благородства и редкой доброты душевной, Граббе не вполне подходил к тем требованиям, которым... должен удовлетворять начальник края» [24, с. 16–17].

Он был назначен Наказным атаманом Войска Донского в октябре 1862 г., когда ему исполнилось 73 года. Александр II, назначая П.Х. Граббе на должность, напутствовал его: «В сознании доблестных заслуг Ваших я вверил вам главное начальство славным донским казачеством в полной надежде, что просвещенная опытность Ваша послужит к благосостоянию вверенного Вам края соответственно моим ожиданиям» [цит. по: 25]. И он попытался приложить все усилия, чтобы оправдать надежды императора и объединить донское общество.

П.Х. Граббе поощрял театр и разумные развлечения. Его можно назвать воспитателем новочеркасского общества, т.к., часто собирая его у себя, «вел исторические и философские беседы, проповедуя об идеалах добра и правды» [26, с. 109].

Благодаря ему 1 июля 1866 г. в Новочеркасске вышел первый номер частной газеты А.А. Карасева «Донской вестник». Несмотря на явно либеральную тональность этого издания, он его поддерживал и был подписчиком даже после того, как ушел в отставку с должности наказного атамана.

15 февраля 1866 г. в донских гимназиях будут упразднены особые отделения военных наук. В связи с этим генерал-лейтенант П.Х. Граббе создал специальную комиссию и поручил ей разработку проекта положения о юнкерском училище. Несмотря на то что он будет представлен Наказным атаманом на Высочайшее рассмотрение 26 сентября 1866 г., утвержден проект будет только 6 мая 1869 г. Кроме того, казаки были благодарны атаману за то, что срок их службы был сокращен с 25 до 15 лет. В октябре 1866 г. П.Х. Граббе отправят в отставку. При этом возведут в графское достоинство и назначат членом Государственного Совета.

Еще одной интересной и довольно загадочной личностью был Яков Егорович Дитц. Родом он из немецких колонистов Саратовской губернии. Окончив гимназию в г. Саратове и за неимением средств для продолжения образования в университете самостоятельно изучил юриспруденцию. Сдав экзамен (предположительно в Казанском университете) и получив звание частного поверенного, он не смог найти работы в Саратовской губернии, т.к. считался «политически неблагонадежным» [27]. Сам себя Я.Е. Дитц называл радикалом со школьной семьи¹.

В результате он вынужден был уехать в Область Войска Донского в 1889 г. и поселился там при станции Арчеда Юго-Восточной железной дороги. Занимался частной адвокатской практикой в хуторе Фролов от Усть-Медведицкого окружного суда². Я.Е. Дитц стал представлять интересы казачества и крестьянства в суде и писать от их имени прошения в государственные инстанции.

Он смог приобрести репутацию честного и порядочного адвоката. В 1890 г. его изберут почетным блюстителем Муравлевского одноклассного приходского училища³.

В 1893 г. Я.Е. Дитц смог приобрести два участка земли в Усть-Медведицком округе размером 269 дес. Несмотря на то что в округе земледелие скудело, уголья частного поверенного процветали, т.к. им использовались новейшие приемы обработки земли и современная сельскохозяйственная техника. Кроме того, он писал статьи и фельетоны по истории немецких колоний в столичные и саратовские газеты.

Осенью 1905 г. Я.Е. Дитц переехал в Камышин, где стал частным поверенным Камышинского уездного съезда и Саратовского окружного суда, а также был помощником юрисконсульта Управления Рязано-Уральской же-

¹ Записки Я.Е. Дитца (май–август 1909 г.). Саратов, 2010. С. 137.

² Вся Донская область и Северный Кавказ. Ростов-на-Дону, 1904. С. 144.

³ Памятная книжка Области Войска Донского на 1890 г. Ростов-на-Дону, 1890. С. 34.

лезной дороги. С 1906 г. стал издавать «Приволжскую газету» совместно с Т.К. Зиньковским и Г.И. Фадеевым. Однако на этом он не успокоился.

Когда в 1906 г. начались выборы в Государственную Думу, то его выдвинули кандидатом от Сосновской волости [28]. На уездном и волостном предвыборном собрании за него проголосовало большинство. Примечательно, что в Саратове его кандидатуру поддержала большая часть русских представителей. О своем политическом кредо он писал: «...вероятно, не угожу богатым, т.к. мои симпатии на стороне бедного» [29].

В Думе он занял довольно активную позицию. Отстаивал интересы не только немецких колонистов, но и русского крестьянства, считая, что и тем и другим необходима земля. После роспуска Думы он был одним из 169 депутатов, подписавших Выборгское воззвание.

По возвращении в Камышин ему было предъявлено обвинение в «возбуждении населения России неповиновению и противодействию закону посредством распространения особого воззвания» [29, с. 25]. К тому же 15 августа 1906 г. городской пристав совместно с полицией попытался произвести его арест на основании предписания прокурора Донской области, в котором говорилось, что он распространял воззвание в Усть-Медведицком округе «возбуждающие к ниспровержению существующего строя в России» [30]. Из-за образовавшейся возле дома Я.Е. Дитца толпы (около 3000 человек) полиция побоялась его арестовывать.

Суд над ним все же состоялся и ему вынесли приговор – три месяца тюремного заключения. Кроме того, его лишили права заниматься адвокатской практикой. Во время тюремного заключения Я.Е. Дитц начал писать работу, посвященную истории немецких колоний Поволжья, которую закончил в 1916 г. Свои земли в Усть-Медведицком округе он вынужден был продать.

На финансовом поприще мы бы отметили Александра Богдановича Нентцеля. Он происходил из семьи немецких колонистов Саратовской губернии. Окончив гимназию, поступил в Санкт-Петербургский технологический институт, где получил специальность инженер-технолога. Затем служил в акцизном ведомстве в западных губерниях Российской империи.

А.Б. Нентцель был довольно энергичным и грамотным специалистом. Поэтому когда «Азовскому пароходству» потребовался управляющий делами, то его пригласили работать в Таганрог.

Несмотря на свое немецкое происхождение, Александр Богданович сумел влиться в жизнь провинциального города и принимал деятельное участие в его общественно-политической жизни. Был членом Таганрогского комитета торговли и Таганрогской городской думы, был избран почетным мировым судьей. Будучи сторонником просвещения, стремился, чтобы и Таганрог развивался в ногу со временем. По его инициативе в 1899 г. было учреждено 8-классное техническое училище с низшей ремесленной школой, попечителем которого он состоял до своей смерти.

В 1881 г. ему предложили занять пост председателя правления Азово-Донского Коммерческого банка. Банк специализировался на предоставлении кредитов для ведения внутренней и внешней торговли. Немаловажную роль в развитии банка сыграло и то, что он находился в регионе, где быстро развивались промышленные предприятия и имелись богатые залежи природных ископаемых. При этом он долгое время продолжал оставаться членом правления Донского земельного банка.

А.Б. Нентцель понимал, что для более успешного развития банка необходимо открывать постоянные отделения в населенных пунктах Черноморского побережья: Керчи, Феодосии, Ялте, Новороссийске. Затем филиалы будут открыты еще в 28 городах Донской области и Северного Кавказа.

Его действия привели к увеличению доходности Азово-Донского Коммерческого банка. В результате в 1904 г. было принято решение перенести правление банка из Таганрога в Санкт-Петербург.

Благодаря умелому руководству Александра Богдановича финансовое учреждение в начале XX в. вошло в пятерку крупнейших банков Российской империи. В 1910 г. А.Б. Нентцель умер¹. Но даже после смерти он продолжал заботиться о своем детище – Таганрогском техническом училище. В завещании было указано, что часть собственных средств им оставлена для учреждения стипендии ученикам училища².

Немецкие предприниматели

Конечно, не отделяли себя от русских и немцы, открывшие промышленные предприятия на территории Войска Донского или проживавшие в городах (чиновники, предприниматели, ремесленники и т.д.). На территории области они появились вследствие переселения из материнских колоний (Воронежской, Херсонской, Таврической, Саратовской и Самарской губерний). Обладавшие финансовыми возможностями, колонисты успешно скупали и арендовали земельные наделы у русского крестьянства и казачества. Правда, селиться они предпочитали в основном в тех местностях, где наличие казачества было малочисленным – Миусском и верховье Усть-Медведицкого округов.

В 1897 г. их численность от общего количества жителей составляла в округах: Миусском (Таганрогском) – 4,5%, Усть-Медведицком – 1,9%³. Всего в Донской области к этому времени насчитывалось 34 856 немцев.

Первоначально немецкие колонии были нацелены на занятие земледелием. Можно сказать, что деятельность «пришлого» населения способствовала развитию торговли зерновыми культурами. В Миусском и Ростовском округах

¹ РГИА. Ф. 616. Оп. 3. Д. 79. Л. 1–3.

² Там же. Оп. 1. Д. 143.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XII. Новочеркасск, Область Войска Донского. 1905. С. 2–3 (подсчет автора).

стали выращивать твердые сорта пшеницы, которые шли исключительно на экспорт.

Успешное развитие сельского хозяйства и торговли в регионе приводит к росту промышленных предприятий, нацеленных на переработку сельскохозяйственного сырья. Со временем промышленные предприятия открывались в городах и станицах Войска Донского, а не только в колониях.

После того как в 1870 г. было открыто движение по Грязе-Царицынской железной дороге от Поворино до Царицыно, станица Михайловская Усть-Медведицкого округа начинает активно заселяться, и она превращается в один из торговых центров на севере Донской области. В 1897 г. сюда приехал поселенец Таврической губернии Иоганн (Иван) Лукьянович Вебер. Имея средства, он открыл около станции Серебряково Юго-Восточной железной дороги одну паровую вальцовую мельницу – Белую, а вторую – Красную на улице Этапной¹. На улице Большой им был организован склад для хранения муки.

Наиболее крупной считалась Белая мельница. Численность рабочих на ней достигала 130 человек. Производительность мельницы доходила до 3 330 860 руб. Из них на продажу пшеничной муки приходилось 3 115 000 руб., а остальную сумму составляла продажа отрубей.

На Красной мельнице работало около 60 человек. Ее производительность была почти вдвое ниже первой. За год она давала доход 1 633 895 руб.: мука пшеничная – 1 521 000 руб., а остальное – отруби и другая продукция [31, с. 113].

На мельницы «Торгового дома Вебер» приходилось 40% всей муки, производимой на севере Области Войска Донского. Она реализовывалась не только на внутреннем рынке, но и шла на экспорт в Турцию и Южную Европу [31, с. 229].

Со временем на предприятиях немецких колонистов Донской области стали все чаще использовать наемный труд русских крестьян. Это дало местным селам большое число мастеровых, которые стали не только чинить сельскохозяйственную технику, но даже некоторые крестьяне смогли открыть в селах собственные мастерские.

К 1914 г. были созданы многочисленные предприятия во всех хозяйственных отраслях края. Однако наиболее значимую роль играли металлургические, машиностроительные и механические заводы.

Одним из наиболее известных предприятий на Дону был механический завод «Донского товарищества» К.Я. Мартенс, К.А. Дефер и В.И. Дик. Его открыли в 1905 г. около станции Миллерово Мальчевско-Полненской волости в Донецком округе Донской области.² На предприятии производили сельскохозяйственную технику, а также оборудование для паровых мукомольных мельниц и маслобойных заводов.

¹ Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897. С. 667.

² Список фабрик и заводов России. СПб., М., 1910. С. 286.

В июне 1907 г. предприятие было зарегистрировано как чугунолитейный завод земледельческих орудий¹. Продукция предприятия была высоко оценена потребителями, и для удовлетворения спроса оно постоянно наращивало производство. Доходность предприятия с 1910 г. к 1914 г. выросла с 200 тыс. руб. в до 600 тыс. руб. в год².

Немцы и военные события

Мирное течение жизни было нарушено военными событиями 1914 г. И здесь немцы смогли доказать, что являются сыновьями России. Многие были призваны на действительную военную службу и смогли проявить себя на полях сражений. Например, житель колонии Эйгенгейм Ростовского округа Векерле Иоаган Петров за участие в боях получил награды – Георгиевские кресты 4 и 3 степеней³.

Несмотря на многочисленные примеры преданности и желания служить родному отечеству в военные годы, правительство принимает с начала 1915 и до 1916 г. целый ряд «ликвидационных» законов, направленных на ограничение деятельности и прав немцев в России. Льготой по освобождению от действия «ликвидационного» законодательства могли пользоваться семьи, в которых родные участвовали в боевых действиях, имели награды или были убиты. В результате порой происходили довольно парадоксальные случаи либо с владельцами предприятий, либо с семьями мобилизованных в армию. Приведем один из таких примеров.

Когда проводилась опись имущества поселянина кол. Гнаденфельд Таганрогского округа Э. Бельца, он предъявил справку начальника военного округа г. Таганрога, что его сын погиб в мае 1916 г., и просил не продавать его имение. Однако ему было отказано, потому что свидетельство о смерти сына было выдано после выставления имения Крестьянским Поземельным банком на продажу⁴.

Выводы

Развернувшаяся борьба с «немецким засильем» в 1914–1916 гг. оказалась борьбой с собственным народом, который называл своей родиной Россию, отцы и дети служили в армии или погибли на полях сражений. Несмотря на то что значительная часть немецкого населения своим родным языком называли немецкий и исповедовали католичество или лютеранство, они вправе были

¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 954. Л. 29 об. – 30.

² РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2281. Л. 226.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 310в. Л. 305 об. – 306.

⁴ Государственный архив Ростовской области. Ф. 301. Оп. 8. Д. 2316. Л. 226.

называть себя подданными России. Ведь немцы внесли немалый вклад в развитие края, способствовали его процветанию и приняли активное участие в защите земли русской.

© Ерохина О.В., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Литература

- [1] *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. СПб.: тип. Акад наук, 1881. Кн. 5.
- [2] *Клаус А.* Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб.: Тип. В. В. Нусвальта, 1869.
- [3] *Велицын А.А.* Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения колоний на Юге и Востоке России. СПб.: «Русский вестник», 1893.
- [4] *Евреинов, Г.А.* Российские немцы. Пг.: тип. Глав. упр. уделов, 1915.
- [5] *Штах Я.* Очерки из истории и современной жизни южнорусских колоний. М.: т-во тип. А.И. Мамонтова, 1916.
- [6] *Гросс Э.* Автономная Советская социалистическая республика немцев Поволжья. Покровск: Издание «Немгосиздата», 1926.
- [7] *Галлер П.К.* Воспоминания (Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX века). Саратов: Изд-во «Саратовский университет», 1927.
- [8] *Дружинина Е.И.* Значение русско-немецких научных связей для хозяйственного развития Южной Украины в конце XVIII века // Международные связи России в XVII–XVIII вв. Сб. статей. М.: Наука, 1966. С. 220–258.
- [9] *Малиновский Л.В.* Немецкая деревня в Сибири в период социалистического строительства (1925–1936 гг.). Дис... канд. ист. наук. Томск, 1967.
- [10] *Костюк М.П.* Немецкая колонизация на Волыни (60-е годы XIX – 1914 г.). Дис... канд. ист. наук. Львов, 1999.
- [11] *Герман А.А.* История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. М.: Готика, 2000.
- [12] *Чернова-Дёке Т.Н.* Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917) (К 190-летию основания немецких колоний). М.: «МСНК-пресс», 2008.
- [13] *Вибе П.П.* История и этнография немцев в Сибири. Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009.
- [14] *Чернова Т.Н.* Российские немцы. Отечественная библиография. 1991–2000 гг. Указатель новейшей литературы по истории и культуре немцев России. М., 2001.
- [15] *Черказьянова И.В.* Летопись диссертаций о российских немцах (1960-е – 2009 гг.). СПб., 2009.
- [16] *Чеснок Е.В.* Немецкие колонии Области Войска Донского // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: Материалы Российско-Германской научной конференции. Анапа, 22–26 сентября 1994. М., 1995. С. 79–100.
- [17] *Терещенко А.Г.* Немецкие колонисты на землях Войска Донского // Донской временник. Ростов н/Д., 1996. С. 137–153.

- [18] *Ерохина О.В.* Социально-экономическое и культурное развитие немецких колоний Области Войска Донского вт. пол. XIX – февраль 1917 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2001.
- [19] *Щербаков И.В.* Германские инвестиции и предприниматели в промышленности Юга России (70-е гг. XIX в. – 1914 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2002.
- [20] *Роот Е.В.* Немецкие колонии Области Войска Донского (последняя треть XIX в. – 1914 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2003.
- [21] *Антонов В.* Петербург: вы это знали? Личности, события, архитектура. М.: Центрполиграф, 2012.
- [22] *Филевский П.П.* История города Таганрога (1698–1898). Таганрог: Сфинкс, 1996.
- [23] *Пащенко И.* Дивная история о судьбе шестого Таганрогского градоначальника – «победителя холеры». URL: <http://pravtaganrog.ru/divnaya-istoriya-o-sudbe-shestogo-taganrogskogo-gradonachalnika-pobeditelya-kholery> (Дата обращения: 17.07.2017).
- [24] *Петровский А.И.* Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным (1738–1916 гг.). Новочеркасск: обл. в. Д. тип., [1917?]. 40 с.
- [25] *Данцев А.* Боевой сподвижник Лермонтова (О Павле Христофоровиче Граббе (1787–1875)) // Вечерний Новочеркасск. 2003. № 83.
- [26] *Карасев А. А.* Донские атаманы за последние полвека // Русский архив. Кн. 2. 1899. С. 106–116.
- [27] Члены Государственной Думы от Саратовской губернии // Приволжская газета. 1906. № 83.
- [28] *Депутат Я.Е.* Дитц в роли обвиняемого и его объяснение // Приволжская газета. 1906. № 118.
- [29] Выборгский процесс. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1908.
- [30] Арест бывшего депутата // Саратовский дневник. 1906. № 175.
- [31] *Тереженко А.Г., Черненко А.Л.* Российские немцы на Юге и Кавказе. Энциклопедический справочник Ростов-на-Дону: ООО «Ростиздат», 2000.

2. Документы и материалы

- [32] Вся Донская область и Северный Кавказ. Ростов-на-Дону, 1904. 100 с.
- [33] Государственный архив Ростовской области. Ф. 301. Оп. 8. Д. 2316.
- [34] Записки Я.Е. Дитца (май–август 1909 г.). Саратов: Саратовский гос. технический ун-т, 2010.
- [35] Земли в судьбах донского казака. Собрание историко-правовых актов. 1704–1919 гг. Ростов н/Д.: Дон, 1998.
- [36] Памятная книжка Области Войска Донского на 1890 г. Ростов-на-Дону, 1890.
- [37] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XII. / Под ред. А. Тройницкого. Новочеркасск, Область Войска Донского. 1905.
- [38] Перечень фабрик и заводов. СПб.: тип. И.А. Ефрона, 1897.
- [39] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 11. Д. 954.
- [40] РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 310в.
- [41] РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2281.
- [42] РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 284.

[43] РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 143.

[44] РГИА. Ф. 616. Оп. 3. Д. 79.

[45] Список фабрик и заводов России. СПб., М., Варшава: Л. и Э. Метуль и К°, 1910.

Рукопись поступила в редакцию: 24 июля 2017 г.

Для цитирования: *Ерохина О.В.* Немецкое влияние на культурно-экономическое развитие Донского края XIX – начало XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2017. Том 16. № 4. С. 543–558. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-543-558.

Информация об авторе: *Ерохина Ольга Викторовна* – д.и.н., профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета (Москва, РФ).

**GERMAN INFLUENCE
ON CULTURAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF DON COSSACK HOST
IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY**

Olga V. Erokhina

Moscow State Pedagogical University
88 Vernadsky prospect, Moscow, 119571, Russia

In the early 19th century, with the arrival of foreigners, there began the development of the Province of the Don Cossack Host. It was provided by favourable factors: vast areas of uninhabited land, low cost of land and low rent. In the second half of the 19th century the colonization of the Don Cossack Host became more intensive. It is the Germans, both officials and entrepreneurs and ordinary colonists who played an important role in this.

In the article the author tries to show the degree of influence of the Germans on the socio-economic and cultural development of the Don Cossack Host in the 19th – early 20th century. On the basis of the scientific literature and archival materials, there are analyzed the activities of the Germans of different status and class: from the Ataman of the Don Cossack Host to an attorney at law. The author describes the role played by the officials of the German nationality in establishing economic and cultural life in the Don lands. It is found that they were the initiators of the opening of schools, newspapers, parks, as well as educational institutions. In addition, attention is paid to the fact that the area was inhabited by German colonists engaged mainly in the agricultural or industrial entrepreneurship. They were able to develop their activities through the use of modern advanced technology, sound economic policies, the availability of transport infrastructure and sources of raw materials, as well as the initial absence of fierce

competition. The author concludes that despite their German origin, all of them considered themselves Russian subjects and made efforts for the prosperity of the region in which they found themselves due to various circumstances.

Keywords: Don Cossack Host, Germans, military administration, entrepreneurs

REFERENCES

- [1] Rovinskii DA. *Russkie narodnye kartinki* [Russian folk pictures]. St-Petersburg: Akademiya nauk Publ.; 1881. Book 5.
- [2] Klaus A. *Nashi kolonii. Opyty i materialy po istorii i statistike inostrannoi kolonizatsii v Rossii* [Our colonies. Experiments and materials on the history and statistics of foreign colonization in Russia]. St-Petersburg: V.V. Nusval'ta's Publ.; 1869.
- [3] Velitsyn AA. *Nemtsy v Rossii. Ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya kolonii na Yuge i Vostoke Rossii* [The Germans in Russia. Essays on the historical development and present situation of the colonies in the South and East of Russia]. St-Petersburg: «Russkii vestnik» Publ.; 1893.
- [4] Evreinov GA. *Rossiiskie nemtsy* [Russian Germans]. Petrograd: Glavnoe upravlenie udelov Publ.; 1915.
- [5] Shtakh Ya. *Ocherki iz istorii i sovremennoi zhizni yuzhnorusskikh kolonii* [Essays from the history and modern life of the South Russian colonies]. Moscow: tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova Publ.; 1916.
- [6] Gross E. *Avtonomnaya Sovetskaya sotsialisticheskaya respublika nemtsev Povolzh'ya* [Autonomous Soviet Socialist Republic of the Germans of the Volga region]. Pokrovsk: Nemgosizdat Publ.; 1926.
- [7] Galler PK. *Vospominaniya (Byt nemtsev-kolonistov v 60-kh godakh XIX veka)* [Memories (Life of German colonists in the 60s of the XIX century)]. Saratov: Saratovskii universitet Publ.; 1927.
- [8] Druzhinina EI. *Znachenie russko-nemetskikh nauchnykh svyazei dlya khozyaistvennogo razvitiya Yuzhnoi Ukrainy v kontse XVIII veka* [The significance of Russian-German scientific relations for the economic development of Southern Ukraine in the late 18th century]. Moscow: Nauka Publ.; 1966.
- [9] Malinovskii LV. *Nemetskaya derevnya v Sibiri v period sotsialisticheskogo stroitel'stva (1925–1936 gg.). Dis... kand. ist. nauk* [Economic and social development of the colonial village in southern Russia in the first half of the XIX century. PhD thesis]. Tomsk; 1967.
- [10] Kostyuk MP. *Nemetskaya kolonizatsiya na Volyni (60-e gody XIX – 1914 g. Dis... kand. ist. nauk* [German colonization in Volhynia (60s years of the 19th – 1914: PhD thesis]. L'vov; 1999.
- [11] German AA. *Istoriya respubliki nemtsev Povolzh'ya v sobyitiyakh, faktakh, dokumentakh* [History of the Republic of the Germans in the Volga region in events, facts, documents]. Moscow: Gotika Publ.; 2000.
- [12] Chernova-Deke TN. *Nemetskie poseleniya na periferii Rossiiskoi imperii. Kavkaz: vzglyad skvoz' stoletie (1818–1917) (K 190-letiyu osnovaniya nemetskikh kolonii)* [German settlements on the periphery of the Russian Empire. Caucasus: a view through the century (1818–1917) (To the 190th anniversary of the founding of the German colonies)]. Moscow: MSNK-press Publ.; 2008.

- [13] Vibe PP. *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and ethnography of Germans in Siberia]. Omsk: OGIK muzeya Publ.; 2009.
- [14] Chernova TN. *Rossiiskie nemtsy. Otechestvennaya bibliografiya. 1991–2000 gg. Ukazatel' noveishei literatury po istorii i kul'ture nemtsev Rossii* [Russian Germans. Patriotic bibliography. 1991–2000 Index of the latest literature on the history and culture of the Germans in Russia.]. Moscow; 2001.
- [15] Cherkaz'yanova IV. *Letopis' dissertatsii o rossiiskikh nemtsakh (1960-e – 2009 gg.)* [Annals of dissertations on Russian Germans (1960s – 2009)]. St-Petersburg; 2009.
- [16] Chesnok EV. *Nemetskie kolonii Oblasti Voiska Donskogo* [German colonies of the Don Army Region]. *Rossiiskie nemtsy na Donu, Kavkaze i Volge: Materialy Rossiisko-Germanskoi nauchnoi konferentsii. Anapa, 22–26 sentyabrya 1994* [Russian Germans on the Don, Caucasus and Volga: Materials of the Russian-German Scientific Conference. Anapa, September 22–26]. Moscow; 1995: 79–100.
- [17] Tereshchenko AG. *Nemetskie kolonisty na zemlyakh Voiska Donskogo* [German colonists on the lands of the Don Army]. *Donskoi vremennik*. Rostov on Don; 1996: 137–153.
- [18] Erokhina OV. *Sotsial'no-ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie nemetskikh kolonii Oblasti Voiska Donskogo vt. pol. XIX – fevral' 1917 g.: Dis. ... kand. ist. nauk* [Socio-economic and cultural development of the German colonies. floor. XIX – February 1917: Dis. ... cand. east. sciences]. Volgograd; 2001.
- [19] Shcherbakov IV. *Germanskiiye investitsii i predprinimateli v promyshlennosti Yuga Rossii (70-e gg. XIX v. – 1914 g.): Dis. ... kand. ist. nauk* [German colonies of the Region of the Don Army (the last third of the 19th century – 1914): PhD thesis]. Rostov on Don; 2002.
- [20] Root EV. *Nemetskie kolonii Oblasti Voiska Donskogo (poslednyaya tret' XIX v. – 1914 g.): Dis. ... kand. ist. nauk* [German colonies of the Region of the Don Army (the last third of the 19th century – 1914): PhD thesis]. Rostov on Don; 2003.
- [21] Antonov V. *Peterburg: vy eto znali? Lichnosti, sobytiya, arkhitektura* [Petersburg: did you know this? Personality, events, architecture]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2012.
- [22] Filevskii PP. *Istoriya goroda Taganroga (1698–1898)* [History of the city of Taganrog (1698–1898)]. Taganrog: Sfinks; 1996.
- [23] Pashchenko I. *Divnaya istoriya o sud'be shestogo Taganrogskogo gradonachal'nika – «pobeditelya kholery»* [A marvelous story about the fate of the sixth Taganrog town governor – the “winner of cholera”]. Available at: <http://pravtaganrog.ru/divnaya-istoriya-o-sudbe-shestogo-taganrogskogo-gradonachalnika-pobeditelya-kholery/> (Date of access: 17 June 2017).
- [24] Petrovskii AI. *Opis' voiskovym, nakaznym i voiskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremya v goroda Cherkassk, a zatem NovoCherkassk dlya upravleniya Oblast'yu voiska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlennym. (1738–1916 gg.)* [The list of military, command and military ataman at various times, in the cities of Cherkassk, and then NovoCherkassk for the control of the area of the Don army from the highest authorities delivered. (1738–1916)]. NovoCherkassk: Oblast' Voiska Donskogo Publ.; [1917?].
- [25] Dantsev A. *Boevoi spodvizhnik Lermontova (O Pavle Khristoforoviche Grabbe (1787–1875))* [The combatant associate of Lermontov (About Pavle Khristoforovich Grabbe (1787–1875))]. *Vechernii NovoCherkassk*. 2003; (83).
- [26] Karasev AA. *Donskie atamany za poslednie polveka* [Don atamans for the last half-century]. [B. m.], 1899.
- [27] Deputat YaE. *Ditts v roli obvinyaemogo i ego ob'yasnenie* [Dietz in the role of the accused and his explanation]. *Privolzhskaya gazeta*. 1906; (118).

- [28] Troinitskiy A., ed. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. XII* [The first general census of the Russian Empire in 1897 XII]. Novocherkassk: Oblast' Voiska Donskogo Publ.; 1905.
- [29] Tereshchenko AG., Chernenko AL. *Rossiiskie nemtsy na Yuge i Kavkaze. Entsiklopedicheskii spravochnik* [Russian Germans in the South and the Caucasus. Encyclopedic reference book]. Rostov on Don: OOO «Rostizdat» Publ.; 2000.

Article received: 24 July 2017

For citation: Olga V. Erokhina, German influence on cultural and economic development of Don Cossack Host in the 19th – early 20th century. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 543–558. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-543-558.

About the author: Olga V. Erokhina – PhD (in History), Professor of the Department of History of Russia at Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-559-576

**ПОДГОТОВКА КАДРОВ
К ВОЕННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ
В СЕРЕДИНЕ XIX В.:
ГОДЫ УЧЕБЫ ИСТОРИКА,
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА Н.К. ШИЛЬДЕРА**

Т.В. Слепцова^а, Н.Г. Георгиева^б

^а Академия управления МВД России
125993, Россия, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8
slepzova@mail.ru

^б Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10–2
navladi@list.ru

В статье исследован начальный период жизни российского подданного, имевшего немецкие корни, – Николая Карловича Шильдера (1842–1902). На основе сведений, выявленных в архивных и опубликованных исторических источниках, а также в приложениях к опубликованным историческим трудам, рассмотрен процесс приобретения молодым Н.К. Шильдером среднего (в Пажеском корпусе) и высшего (в Николаевской Инженерной Академии) образования, а также результат формирования его личности как патриота России. Определен объем знаний и качество навыков, полученных им во время учебы, степень его подготовленности к деятельности как военного инженера, так и историка-исследователя. В статье доказано, что он получил профессиональные знания, необходимые военному инженеру, привык мыслить масштабно, трудиться систематически, самостоятельно и творчески. Авторы пришли к выводу, что самодисциплина и приобретенные навыки научно-исследовательской работы стали залогом его будущих успехов в области военно-политической истории и в биографическом жанре.

Ключевые слова: Н.К. Шильдер, К.А. Шильдер, императоры Николай I и Александр II, Пажеский корпус, Николаевская Инженерная Академия, средние и высшие учебные заведения

Введение

Подготовка элитных кадров для несения военной и гражданской (административной) службы с петровских времен была в центре внимания Россий-

ского государства, которое контролировало деятельность учебных учреждений, направляя ее не только на получение учащимися образования, но и на их воспитание в патриотическом и религиозном духе, в духе преданности самодержавию и монарху.

В отечественной исторической литературе есть немало работ, посвященных анализу системы образования и воспитания молодежи в средних и высших учебных заведениях, действовавших под эгидой Министерства народного просвещения. В поле зрения историков чаще всего попадали общеобразовательные гимназии и университеты и дававшие профессиональное (отраслевое) образование училища и институты, а элитные дворянские учебные заведения оставались, в силу ряда объективных и субъективных причин, вне внимания историков советского времени.

Цель данной статьи – пополнить информационное поле отечественной исторической науки и исследовать один из малоизвестных в историографии элементов системы подготовки кадров (в том числе из иностранцев) для выполнения военной и гражданской службы в элитных учебных заведениях России середины XIX в.

При выборе объекта исследования авторы руководствовались современным социо-гуманистическим методологическим принципом, базовым историко-антропологическим подходом и историко-типологическим методом, позволяющими представить историю как результат деятельности отдельной личности в определенных исторических и типических обстоятельствах, адекватно оценить уровень достижений изучаемого человека и его место среди современников.

Объектом исследования стали молодые годы (1857–1862) в жизни Николая Карловича Шильдера (1842–1902), в течение которых он приобретал образование в двух учебных заведениях и готовился к выполнению службы на военном поприще, заслужив в дальнейшем чин генерала-лейтенанта (1893), а в результате своих исторических исследований – звание члена-корреспондента Петербургской академии наук (1900).

Основателем рода Шильдеров был богатый, близкий к польским политическим кругам рижский купец немецкого происхождения Генрих (Андрей Михайлович) Шильдер (1744–1813/1814). Права дворянского достоинства Российской империи род Шильдеров получил в 1835 г. за личные заслуги его сына – генерал-адъютанта Карла Андреевича Шильдера (1785–1854), военного инженера, талантливого конструктора и изобретателя, участника Отечественной войны 1812 г., Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Крымской войны [1].

Н.К. Шильдер – сын Карла Андреевича Шильдера и дочери действительного тайного советника и сенатора Н.П. Дубенского Александры Николаевны Дубенской (1807–1868)¹ [2, с. 96; 3, с. 4; 4, с. 197].

¹ Заметка о происхождении Н.К. Шильдера // Исторический вестник. 1903. № 6. С. 1168.

Нравственное семейное воспитание, пример отца, прекрасно образованного человека и подлинного патриота России, оказали значительное влияние на формирование характера, личности и мировоззрения молодого Николая, который, как и его отец, принес особую славу роду Шильдеров. Он занимал видное место среди историков второй половины XIX в. и еще при жизни был признан как автор выдающихся исторических и биографических трудов, основанных на многочисленных исторических источниках, о чем свидетельствуют положительные отзывы и рецензии в периодической печати того времени [5–7].

Современных любителей русской старины особенно привлекают биографические монографии Н.К. Шильдера о жизни российских императоров. В конце XX – начале XXI в. это выразилось в новых многократных переизданиях его произведений, в том числе и в репринтном воспроизведении [8–11].

Кроме того, в 1990 – во втором десятилетии 2000-х гг. регулярно появлялись учебные, обобщающие и специальные работы, отразившие новый подход российских историков к жизни и творчеству Н.К. Шильдера. В их трудах изучались многие вопросы, связанные с историей происхождения его рода; рассматривались отдельные части его творческого наследия; вскрывались факторы, вызывавшие у него интерес к истории. Упоминалось и о его сотрудничестве с историческими журналами; описывалась его деятельность на посту директора Императорской Публичной библиотеки [2; 4; 12, с. 7; 13–17].

Однако в исторической литературе об основных событиях и вехах в биографии Н.К. Шильдера, особенно о его юных годах, накоплены довольно скудные и недостаточные сведения. Как правило, в работах историков содержались краткие перечисления учебных заведений, в которых проходил обучение Н.К. Шильдер [например: 14, с. 120; 15, с. 178–193; 16, с. 66–75; 17, с. 3–10; 18, с. 572–573; 19, с. 416–417]. Поэтому в статье поставлена задача – для восполнения историографического поля на примере Н.К. Шильдера рассмотреть процесс подготовки кадров в элитных средних и высших учебных заведениях и определить степень его подготовленности к деятельности как военного инженера, так и историка-исследователя.

Реализация поставленной задачи опирается на информацию, выявленную в неопубликованных и опубликованных исторических источниках разных видов. В круг обследованных источников входят опубликованные законодательные документы (Устав Пажеского Его Величества Императорского Корпуса, Положение о Николаевской Инженерной Академии) [20; 21], а также неопубликованные делопроизводственные материалы. Они хранятся в фонде Канцелярии Министерства Императорского Двора Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 472) и в фондах Главного военно-технического управления 1778–1918 гг. и Николаевской Инженерной Академии и Училища Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА. Ф. 802, 351). В этих фондах находится текущая документация двух учебных заведений (Пажеского корпуса и Николаевской Инженерной Акаде-

мии), в которых Н.К. Шильдер получал среднее и высшее образование. Информация данного вида документов характеризует личный состав учащихся и преподавателей. Указы, рапорты, отношения и др. материалы свидетельствуют о новых назначениях, о времени пожаловании пажам придворных званий и о проведении смотров в Пажеском корпусе.

Особый интерес для изучения процесса обучения Н.К. Шильдера имеют два разных экземпляра его формулярных (послужных) списков, выявленных в РГВИА. Их сведения охватывают годы жизни Н.К. Шильдера – с 1842 по 1863 г. (Ф. 802) и с 1854 по 1899 г. (Ф. 351)¹. Второй формулярный список опубликован [См.: 22].

Еще одну группу источников составили опубликованные воспоминания бывших учеников Императорского Его Величества Пажеского корпуса (Н.К. Имеретинского, П.Д. Паренсова и Ф.К. Гершельмана). Информация этих мемуаров позволяет реконструировать атмосферу обучения и воспитания учащихся, царившую в корпусе [23–25].

Кроме того, сведения, выявленные в архивных и опубликованных источниках, дополнялись данными из материалов приложений к исследованиям по истории учебных заведений, в которых учился Н.К. Шильдер² [см.: 26–27].

Юношеские годы и учеба в Пажеском корпусе

Николай родился в Санкт-Петербурге в 1842 г., когда его отец уже приобрел прочное служебное и общественное положение, известность и уважение знавших его людей, и особенно императора Николая I.

Современники, оценивая личные и деловые качества К.А. Шильдера, писали, что он «был человек отважный, смелый, находчивый, прямого, открытого характера, всегда бодрый, веселый, подвижный; работа у него всегда кипела. Военному делу он был предан всей душой и весь был как нарочно, создан для войны и подвигов. Солдата он горячо любил, прекрасно знал и умел завоевывать его сердце постоянной заботой, беззаветной личной храбростью и открытым простым и сердечным общением» [28, с. 6].

Образ отца – неутомимого труженика и прекрасно образованного человека, преданного семьянина и подлинного патриота России – навсегда отложился в памяти сына, оказав значительное влияние не только на формирование его личности, но и стал примером на всю его последующую жизнь.

Смерть обожаемого отца во время Крымской войны 12-летний Николай перенес очень болезненно. Эта утрата стала тем эмоциональным побудительным мотивом, который во многом predetermined будущие творческие иска-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 35 (16/983). 1858. Д. 25; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 351. Оп. 1. Т. 3. Д. 3659; Ф. 802. Оп. 11. Д. 20. Л. 106–107.

² Военно-инженерная Академия им. В.В. Куйбышева. 150 лет [Текст]: Общеисторический труд / Воен. Инж. Акад. им. В.В. Куйбышева. М.: [Б. и.], 1969.

ния Н.К. Шильдера. По справедливому замечанию историографа М.Ю. Лачаевой, «память об отце стала путеводной нитью, которая привела Н.К. Шильдера в историческую науку» [14, с. 113].

Возможность получить лучшее для того времени военное образование представилась юному Николаю Шильдеру благодаря заслугам его отца. Через месяц после его гибели Николай 14 июля 1854 г. был пожалован императором Николаем I пажом к Высочайшему Двору с внесением в списки кандидатов для поступления в Пажеский корпус¹. В Российской империи учеба в этом корпусе рассматривалась как большая честь. На это могли рассчитывать только сыновья и внуки генералов от инфантерии, кавалерии, артиллерии, инженерных войск или гражданских чиновников, состоящих или состоявших на службе в чине первых трех классов² [20, с. 89].

По итогам вступительных экзаменов Н.К. Шильдер в 15 лет был принят в Пажеский корпус, в котором он учился с 1 сентября 1857 г. по 16 июня 1860 г.

Все поступившие пажи жили в здании корпуса (в дортуарах). Штатный учебный состав корпуса на момент зачисления Н.К. Шильдера насчитывал 150 пажей, в том числе 16 камер-пажей старшего класса. Директором корпуса в 1854–1861 гг. состоял генерал-майор В.П. Желтухин (1798–1878), который ежедневно приходил в корпус, обходил все классы и принимал рапорт от каждого дежурного. Классами управляли инспекторы и их помощники, а дежурные офицеры осуществляли наблюдение и надзор за порядком. Пост офицера-воспитателя с 1831 г., а с 1843 г. по апрель 1859 г. – ротного командира занимал полковник К.К. Жирардот³ (? – 1882), который был для пажей первым лицом в корпусе, так как весь день был с ними, за исключением классных уроков; с 1859 г. его сменил Д.К. Бреверн (годы жизни не установлены).

С первого дня Н.К. Шильдеру и другим пажам его класса (37 человек) пришлось осваиваться с корпусным распорядком, строго подчиненным военному уставу внутренней службы и подробно описанным в воспоминаниях Н.К. Имеретинского, П.Д. Паренсова и Ф.К. Гершельмана, в разное время учившихся в корпусе в 1840–1870-х гг. [23–25].

П.Д. Паренсов, однокашник Н.К. Шильдера, отмечал: «Во всех нас, еще с корпусной скамьи, развивают привычку к дисциплине, сперва в виде повиновения и послушания, а затем и командования; развивают привычку “ре-

¹ Пажеский Его Императорского Величества корпус (далее – ПК) – закрытое привилегированное среднее военно-учебное заведение, в котором готовили учащихся к военной и государственной службе. Учрежден в 1759 г. в Санкт-Петербурге. 10 октября 1802 г. ПК был преобразован в специальное военно-учебное заведение типа Кадетского корпуса. Окончившим ПК присваивался чин прапорщика, и они пользовались правом службы в гвардии и в специальных войсках; непригодные к военной службе получали гражданский чин. В феврале 1917 г. корпус получил название Петроградской гимназии военного ведомства, ликвидированную в 1918 г. Ныне – Суворовское военное училище Санкт-Петербурга.

² См.: РГВИА. Ф. 351. Оп. 1. Т. 3. Д. 3659. Л. 5 об.

³ В 1859 г. К.К. Жирардот был уволен в отставку с производством в чин генерал-майора.

шаться”, когда обстановка этого требует. Кроме того, служащие в войсках, имея постоянно дело с солдатом, стоят гораздо ближе к народу и более знакомы с его нуждами и его воззрениями, чем чиновник канцелярии, может быть более ученый, чем мы» [24, с. 631].

По воспоминаниям Ф.К. Гершельмана, по внутреннему распорядку подъем под присмотром ротного командира осуществлялся в семь утра по барабану или горну, далее следовала подготовка к смотру. В восемь часов строились на смотр под руководством камер-пажа, затем шли на молитву и на завтрак. Учебные (предметные) занятия перемежались строевыми упражнениями, обязательной дневной молитвой, прогулкой в саду, гимнастикой и, естественно, обедом и ужином. Общий отбой ко сну «били» в 10 часов вечера [25, с. 75].

Учебная база корпуса располагала прекрасными классами, физическим кабинетом, химической лабораторией, обширной библиотекой, цейхгаузами для обмундирования и оружия, столовой, приемной, лазаретом, домовою православной церковью, парадными залами. Таким образом, корпус обладал всеми материальными условиями для того, чтобы пажи получили хорошее образование. Программа преподавания была ориентирована на то, чтобы учить «человеческим наукам» и «общему жительство» [29, с. 13].

В общем классе Н.К. Шильдер и его одноклассники изучали: Закон Божий, историю, математическую географию, физическую географию, физику, математику, естественную историю, рисование, геометрическое черчение, словесность (литературу), отечественные и иностранные языки (русский, церковно-славянский, французский, немецкий), чистописание. Дополнительно в программу входили: гимнастика, маршировка, знаний пехотных сигналов, пение, музыка и танцы [20, с. 92, 93, статьи Устава № 26, 27].

Преподаватели в корпусе были хорошие: русский язык преподавал профессор Владимир Игнатьевич Классовский (1815–1877); французский язык – Александр Иванович Флен (преподавал в 1855–1886); Закон Божий – протоиерей, священник корпуса, отец Ксенофонт Яковлевич Никольский (годы жизни не установлены); географию – автор известного учебника по всеобщей географии Порфирий Никитич Белоха (преподавал с 1845 г.; ум. в 1890); естественную историю – Станислав Осипович Жолкевич (годы жизни не установлены)¹ [25, с. 76].

Помимо учебы пажи проходили военное обучение и должны были нести службу при Дворе. Они изучали «ружейные приемы, шереножное и взводное ученье, ломку фронта» [25, с. 79]. Были также инспекторские смотры, парад и ученье в лагере [23, № 9, с. 230]. Особое внимание уделялось воспитанию выносливости, аккуратности, пунктуальности и самостоятельности.

При подготовке к несению дворцовой службы много времени и труда тратилось на обучение пажей благовоспитанности и манерам. Им наглядно

¹ См.: Личный состав Пажеского Его Императорского Величества корпуса. 1722–1902 гг. // Пажеский Его Императорского Величества корпус за сто лет. Т. 2. С. 440, 444, 448, 450.

показывали, как прилично ходить, сидеть, кланяться, хотя дворцовая служба пажей была незамысловата и состояла из простых действий: они должны были стоять у дверей, держаться за их ручки и своевременно отворять двери [24, с. 629].

В корпусе существовала 12-бальная система оценки знаний и поведения. Ежегодно, по окончании учебного года, в каждом классе корпуса проводились испытания. Из класса в класс пажи переводились по общему итогу баллов по всем предметам, включая баллы за поведение. По итогам первого 1857/58 учебного года Н.К. Шильдер 11 июля 1858 г. в числе 16 лучших пажей был удостоен звания камер-пажа за точное исполнение служебных обязанностей, хорошую нравственность и успехи в науках¹.

В 1858/59 учебном году особое внимание придавалось военным наукам: тактике, стратегии, военной истории, фортификации, военной топографии, начальной военной администрации, военному законоведению и артиллерии. Не прерывались занятия и по другим предметам: Закону Божьему, истории, статистике, математике, химии. Продолжались и практические занятия по русскому и иностранным языкам, русской, французской и немецкой литературе, черчению [20, Устав № 26–27, с. 92–93]. Параллельно преподавались: фехтование, музыка, танцы, гимнастика, маршировка, верховая езда. В летнее время пажи специальных классов занимались фронтовыми учениями, топографической съемкой и инженерными работами.

Приведенная информация позволяет сделать вывод о том, что ученики корпуса получали всестороннее образование: гуманитарное, специальное (военное), а также этическое (нравственное и религиозное) и эстетическое воспитание и образование.

При испытаниях 1859 г. Н.К. Шильдер снова показал блестящие знания. За проявленные успехи, по представлению директора корпуса В.П. Желтухина, главный начальник военно-учебных заведений утвердил 16 июня 1859 г. Н.К. Шильдера в звании фельдфебель, и на следующий учебный год он был назначен камер-пажом к императору Александру II².

В выпускном классе усиленное внимание уделялось изучению военных предметов, Закона Божьего, русского языка, иностранных языков и выполнения службы при Дворе. В строевых занятиях добавились разводы с церемониалом.

Н.К. Шильдер, как и все пажи, думал о своей дальнейшей карьере. По совету генерал-адъютанта графа Эдуарда Ивановича Тотлебена (1818–1884), следившего за успехами и оказывавшего протекцию сыну своего бывшего начальника К.А. Шильдера, Николай с осени 1859 г. дополнительно из-

¹ См.: РГИА. Ф. 472. Оп. 35 (16/983). 1858 г. Д. 25. Л. 1–1 об., 2, 5.

² См.: РГВИА. Ф. 351. Оп. 1. Т. 3. Д. 3659. Л. 5 об.

учал фортификацию, готовясь заранее к службе в инженерных войсках [30, с. 621]. Руководил его занятиями полковник Сигизмунд Андреевич Тидебель (1824–1890), бывший в 1854 г. адъютантом инженер-генерала К.А. Шильдера (в 1866–1886 гг. генерал С.А. Тидебель был начальником Николаевской Инженерной Академии). Благодаря этим занятиям Н.К. Шильдер в 1860 г. успешно сдал экзамены в эту же Академию.

По итогам выпускных экзаменов весной 1860 г. Н.К. Шильдера признали первым учеником выпуска. Его имя в знак отличия было занесено золотом на белую мраморную доску почета, висевшую в актовом зале корпуса [20, с. 870; 27, Устав № 56, с. 122; 31, с. 412].

Через день после окончания экзаменов класс выехал на топографическую съемку и инженерные работы в Петергоф. В конце мая для практического обучения и приближения к боевым условиям пажы были прикомандированы к учебному батальону под Красным Селом [20, Устав 31, с. 93].

После удачных маневров всех выпускников Пажеского корпуса император Александр II поздравил с присвоением офицерских званий и распределением по войскам. 16 июня 1860 г. состоялся выпуск курса Н.К. Шильдера [26, с. 580]. В церкви корпуса выпускники принесли присягу на верность царю и Отечеству перед знаменем Преображенского полка.

После выпуска Н.К. Шильдер получил чин прапорщика и назначение в Лейб-Гвардии Преображенский полк [20, с. 215–217; 31, с. 321–322] с прикомандированием к Николаевской Инженерной Академии¹. Это открыло ему дорогу к получению высшего образования и совершенствованию в военно-инженерном деле.

¹ Николаевская Инженерная Академия (далее – НИА) – высшее военно-учебное заведение, предназначавшееся для подготовки офицеров Инженерных войск (военных инженеров). Начало НИА положило основание в 1804 г. в С.-Петербурге инженерной школы для подготовки инженерных кондукторов, рассчитанной на 25 учеников.

После ее переименования в училище (1810) были учреждены офицерские классы. Курс офицерского класса продолжался один год. В 1855 г. офицерские классы были отделены от училища, и из них образована НИА, вошедшая в состав Императорской военной академии (Николаевская Академия Генерального Штаба). Самостоятельную организацию НИА получила в 1863 г. Ее возглавлял начальник, назначенный из генералов инженерного корпуса, которому подчинялось также и училище. С началом Первой мировой войны слушатели и часть профессорско-преподавательского состава были направлены в действующую армию, и НИА прекратила свою деятельность.

В ноябре 1917 г. занятия возобновились. С 1918 г. – Военно-инженерная академия РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии). В 1932 г. Инженерная академия вошла в состав военно-инженерной академии в Москве. С 1935 г. – Военно-инженерная академия им. В.В. Куйбышева. С 1999 г. – Военно-инженерный университет. С 2006 г. – Военный институт (Инженерных войск) Общевойсковой Академии Вооруженных сил Российской Федерации, затем преобразован в Военный институт (Инженерных войск) Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковой академии Вооруженных сил Российской Федерации».

Годы обучения в Николаевской Инженерной Академии

Н.К. Шильдер учился в Николаевской Инженерной Академии в течение двух лет: в теоретическом классе – с 26 июня 1860 г. по 25 августа 1861 г. и в практическом классе – с 26 августа 1861 г. по 5 июля 1862 г.¹ [21, Статья Устава № 33, с. 7].

Директором Инженерной Академии и училища с 1860 по 1866 г. был участник Крымской войны, военный инженер, генерал-адъютант Михаил Петрович Кауфман (1822–1902), при котором внутренний порядок в академии был очень суров. Начальство в Академии следило не только за успеваемостью, но и за поведением слушателей и нарушением формы одежды.

Преподавательский состав в Академии был высокопрофессиональным, что во многом обеспечивалось тем, что все вели активную педагогическую и научную деятельность. Профессор Ф.Ф. Ласковский (1802–1870) работал над фундаментальным трудом по истории инженерного искусства в России с древнейших времен и до начала XIX в; профессор Г.А. Леер (1829–1904) преподавал стратегию и военную историю; М.Н. Герсеванов (1830–1907) – строительное искусство и возведение гидротехнических сооружений; Н.В. Болдырев (1814–1882) читал курсы фортификации и механики; А.И. Квист (1820–1878) – фортификацию и военные сообщения.

Среди репетиторов были выпускники Академии: В.М. Карлович (1834– 1892), С.С. Рехневский (? – 1885), будущий выдающийся механик Н.П. Петров (1836–1920) и Ц.А. Кюи (1835–1918) – фортификатор и композитор, академик и математик М.В. Остроградский (1801–1862).

В Академии Н.К. Шильдер изучал фортификацию, высшую математику, начертательную геометрию, геодезию, химию, физику, механику, минералогию, геологию, тактику, военную историю и стратегию, состояние современной артиллерии и подводных мин, русский и иностранные языки.

Большое внимание в Академии уделялось строительным учебным дисциплинам, таким как военно-строительное искусство; материаловедение; строительные работы; основания и фундаменты; отопление и вентиляция; дороги и мосты; речные и морские сооружения; архитектура с черчением и проектами. Теоретические занятия дополнялись также в летнее время и практическими упражнениями – в технических заведениях, на заводах и различных сооружениях. Учащиеся занимались топографической съемкой и решением фортификационных задач.

¹ См.: РГВИА. Ф. 351. Оп.1. Т. 3. Д. 3659. Л. 5 об.

Одна из особенностей обучения в Академии состояла в том, что (в соответствии с Приказом по Инженерной Академии от 24 сентября 1855 г.) занятия офицеров «основывались на труде самостоятельном»¹.

В связи с этим в дополнение к имеющейся основной программе все обучающиеся офицеры получали «темы для составления обширных сочинений по наукам как специальным, так и имеющим важные практические приложения к роду их оружия»².

В Академии были разработаны темы для сочинений по фортификации, военному и понтонному делу; истории осады и обороны крепостей. Слушателям практического отделения приказывалось в первое полугодие писать по одному сочинению на заданную тему по фортификации, военно-строительному искусству, химии, механике; во втором полугодии – по два проекта по военно-строительному искусству и фортификации³.

Слушатели Академии должны были самостоятельно выполнять все задания и участвовать в ежегодных конкурсах по разработке актуальных военно-инженерных задач с выдачей победителям денежных премий и с публикацией результатов их теоретических и практических разработок в «Инженерном журнале»⁴.

Рукописные материалы Н.К. Шильдера, хранящиеся в его фонде (Ф. 859) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), отражают лишь некоторую часть работ, выполненных им в процессе обучения в Академии – разбор книги «Die Festungsbaukunst gegenüber den neuen Verbesserungen im Geschützwesen von einem alten Militär». Stettin. 1862 [«Искусство постройки крепостей по сравнению с новыми улучшениями в оружейном деле от старого военного»] и перевод статьи «Weather in War» («Погода на войне») из журнала «Magazin für die Literatur des Auslandes» 1862⁵.

Следовательно, первый опыт написания работ по военно-инженерной проблематике Н.К. Шильдер приобрел уже в Академии. Знание иностранных языков позволило ему в годы учебы познакомиться с передовым военным опытом зарубежных стран и стать специалистом в военно-инженерной области.

Черновики сохранившихся в архиве сочинений Н.К. Шильдера демонстрируют его первые шаги в определении методики своей исследовательской

¹ Военно-инженерная Академия им. В.В. Куйбышева. 150 лет [Текст]: Общеисторический труд. М.: [Б. и.], 1969. С. 87.

² Военно-инженерная Академия им. В.В. Куйбышева. 150 лет [Текст]: Общеисторический труд. М.: [Б. и.], 1969. С. 87.

³ Военно-инженерная Академия им. В.В. Куйбышева. 150 лет [Текст]: Общеисторический труд. М.: [Б. и.], 1969. С. 87, 88.

⁴ «Инженерный журнал» (Далее – ИЖ) – преобразованные в 1856 г. «Инженерные записки». Издавался в С.-Петербурге при инженерном отделении Военно-Ученого Комитета (ВУК) с 1857 г. и выходил четыре раза в год, с 1859 г. – шесть раз в год и с 1866 г. – ежемесячно. Редактор с 1864 г. – инженер-генерал Александр Александрович Савурский.

⁵ ОР РНБ. Ф. 859. К–40. № 11. 52 л.; ОР РНБ. Ф. 859. К–9.

работы и подхода к анализу содержания текста источника. Он делал пометки на полях своей тетради для выписок, полемизировал с автором книги и статьи, записывал свои соображения по улучшению инженерных сооружений (крепостей) и их вооружения¹.

Таким образом, в процессе создания самостоятельных сочинений по различным дисциплинам учебной программы и систематических занятий в библиотеке Академии Н.К. Шильдер развивал навыки творческой деятельности, пригодившиеся ему в будущем.

Н.К. Шильдер закончил Академию по первому разряду с отличием и был переведен в Лейб-Гвардии Саперный батальон с присвоением звания подпоручик².

Выводы

Пять лет с сентября 1857 г. по июль 1862 г. составили особый этап в жизни русского историка и генерал-лейтенанта Николая Карловича Шильдера – время, когда он получал среднее и специальное высшее военное образование. Годы учебы в Пажеском корпусе и Николаевской инженерной Академии не прошли для него бесплодно. Он прошел этот путь блестяще, показав высокие результаты в учебе, что отразилось в занесении его имени на мраморную доску почета Пажеского корпуса. Одновременно он проявлял (особенно в Академии) неординарные творческие способности и навыки исследовательской работы, что отразилось в ряде его трудов, сохранившихся в его личном архиве.

В годы учебы Н.К. Шильдер прошел суровую школу, воспитавшую в нем исполнительность и дисциплинированность, глубокое чувство товарищества, сохранявшееся в нем в течение многих последующих лет и определявшие его дружеские отношения с коллегами по службе и с бывшими однокашниками, потомками знатных фамилий и генералитета. Во многом эти завязавшиеся в юности связи помогали Н.К. Шильдеру в процессе его собирательской (коллекционирование) и публикаторской (археографической) деятельности.

С переходом на действительную военную службу Н.К. Шильдер был вполне готов к выполнению своих служебных обязанностей: он получил профессиональные знания военного инженера, привык мыслить масштабно, трудиться систематически, самостоятельно и творчески. Самодисциплина и приобретенные навыки научно-исследовательской творческой работы были залогом будущих успехов молодого человека. Не случайно уже в 1864–1866 гг. Н.К. Шильдер, будучи адъютантом руководителя Главного Инженерного Управления Э.И. Тотлебена, опубликовал в «Инженерном журнале» ряд аналитических статей, нацеленных на популяризацию инженерных

¹ ОР РНБ. Ф. 859. К–40. № 11. 52 л.; ОР РНБ. Ф. 859. К–9.

² См.: РГВИА. Ф. 351. Оп. 1. Т. 3. Д. 3659. Л. 5 об.

нововведений в области улучшения оборонительных систем крепостей, написанных им после окончания Академии.

Статья Н.К. Шильдера «Минная война в Швейднице, в 1762 г.»¹ заслужила высокий отзыв военных специалистов. Э.И. Тотлебен издал приказ об ее изучении слушателями Инженерной академии и служащими Инженерного ведомства [32, с. 87]. Одновременно эта статья была рассмотрена членами Технического комитета Главного Инженерного Управления и, пройдя жесткий конкурс, получила третью премию в двести рублей².

В целом, на примере Н.К. Шильдера в годы получения им среднего и высшего образования следует отметить, что в рассмотренных выше элитных учебных заведениях объем полученных слушателями знаний и навыков вполне соответствовал потребностям государства в квалифицированных кадрах для выполнения военной и гражданской службы.

В Пажеском корпусе слушатели изучали не только комплекс дисциплин, обязательных для российских общеобразовательных учебных заведений той поры, но и получали дополнительные знания и навыки, свидетельствующие о том, что их специально готовили для службы при Дворе и для выполнения важных государственных обязанностей (военных и гражданских). В Николаевской Инженерной Академии набор учебных, теоретических и практических дисциплин свидетельствовал о том, что слушатели получали обширный круг знаний, необходимых для выполнения служебных обязанностей разных родов войск.

© Георгиева Н.Г., Слепцова Т.В., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Литература

- [1] *Габаев Г./С./* Гвардейскому саперу на память о герое командире генерал-адъютанте Шильдере. К предстоящему перевезению праха генерал-адъютанта Шильдера в Петербург, для погребения в церкви Лейб-Гвардии саперного батальона во имя Святых Космы и Дамиана. СПб., Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911. С. 21–22.
- [2] *Шумков А.А.* Шильдеры // *Дворянский календарь: справочная и родословная книга русского дворянства*. Тетрадь 2. СПб.: ВИРД, 1997. С. 92–106.
- [3] *В.П.* [Петерсен В.К.] Родословная Н.К. Шильдера // *Новое время*. 1902. 10 апреля. № 9375.

¹ ИЖ. 1866. № 10. Неофиц. I. С. 1213–1317.

² См.: Список статей «Инженерного журнала», авторы которых удостоены премий и почетных отзывов // ИЖ. 1882. № 11 и 12. С. 58.

- [4] *Адасова-Шильдер Е.Л.* Три века жизни рода Шильдер в России // Историко-публицистический альманах. Немецкая диаспора в России: прошлое и настоящее. Вып. 1. «Генеалогия германских родов». М.: Б.и., 2013. С. 173–232.
- [5] *Кизеветтер А.А.* Н.К. Шильдер. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. С 450 иллюстрациями. Т. I. СПб. Издание А.С. Суворина. 1897 г. // Образование. 1897. № 9. С. 200–203.
- [6] *Пытин А.Н.* Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Н.К. Шильдера. С иллюстрациями. Том первый. СПб., 1897 [Рецензия] // Вестник Европы. 1897. № 7. С. 394–400.
- [7] *С-л-м-нь* [Саломон П.А.] Н.К. Шильдер. Император Павел I. Историко-биографический очерк, с портретами, видами, планами и автографами. СПб., 1901 // Вестник всемирной истории. 1901. № 5. С. 246–250.
- [8] *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. В 2-х книгах. М.: «Чарли», 1996.
- [9] *Шильдер Н.К.* Император Павел I. Историко-биографический очерк. М.: Фирма «Чарли»: ТОО «Алгоритм», 1996.
- [10] *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. М.: Эксмо, 2008. 462 с.
- [11] *Меньшенина Н.Ю.* Официальная историография Н.К. Шильдера // Вестник Альфарет. 2012. № 3. С. 10–15. Сайт Издательства «Альфарет». URL: <http://alfaret.ru/vestnik/vestnik-3.pdf> (режим доступа: 12.07.2017).
- [12] *Курукин И.В., Мохначева М.П.* Проблемы истории в консервативной публицистике второй половины XIX – начала XX века (Журнал «Русский Вестник», 1856–1906): учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1990.
- [13] *Цамутали А.Н.* Живописатель русских императоров: Николай Карлович Шильдер // Историки России. XVIII – начало XX вв: [очерки] / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Науч.-изд. центр «Скрипторий», 1996. С. 486–492.
- [14] *Лачаева М.Ю.* Мастера биографического жанра – Н.К. Шильдер и великий князь Николай Михайлович. Историк-дипломат С.С. Татищев // Историография истории России до 1917 г.: учебник для студентов: в 2 т. Т. 2 / под ред. М.Ю. Лачаевой. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2003. С. 113–145.
- [15] *Вольфун Л.Б.* 1899 – 1902. Николай Карлович Шильдер // История библиотеки в биографиях ее директоров, 1795 – 2005: [сборник статей] / РНБ; науч. ред. Г.В. Михеева и науч. консультант Л.А. Шилов; редкол.: В.Р. Фирсов и др. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2006. С. 178–193.
- [16] *Кольцов И.А.* «... Не исчезнут крупные вклады, сделанные им в русскую историческую науку» (Труды Н.К. Шильдера в оценке дореволюционных историков) // Клио. 2015. № 2 (98). С. 66–75.
- [17] *Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Слепцова Т.В.* Восточный вопрос в трудах Н.К. Шильдера // «Слова принадлежат веку, а мысли векам» к 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина: материалы XVIII научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, РУДН, 13 апреля 2016 г. С. 3–10.
- [18] *П.Щ. [Щеголев П.Е.]* Н.К. Шильдер // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона), 1899. Т. 78. С. 572–573.

- [19] *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941.
- [20] *Милорадович Г.А.* Материалы для истории Пажеского Его Императорского Величества корпуса. 1711–1875. Киев: тип. М.П. Фрица, 1876. С. 88–106.
- [21] *Максимовский М.С.* Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819–1869. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. Приложение С. С. 3–19.
- [22] *Слепцова Т.В.* Послужной список Н.К. Шильдера // Сборник Русского Исторического общества / Под ред. Д. Ю. Арапова. М., 2003. № 7 (155). С. 290–306.
- [23] *Имеретинский Н.[К.]* Пажеский корпус в 1843–1848 гг. Записки старого пажа // Русский Вестник. 1887. № 8. С. 663–703; № 9. С. 221–254.
- [24] *Паренсов П.[Д.]* Из прошлого // Русская Старина. 1907. № 3. С. 628–631.
- [25] *Гершельман Ф.К.* Воспоминания прожитого // Гершельман Ф.К., Гурко Д.И. Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков / сост., вступ. ст. В.И. Сахарова, Л.В. Маньковой. М.: Русское слово, 2002. С. 15–152.
- [26] *Левшин Д.М.* Пажеский корпус за 100 лет. 2-х т. СПб.: Пажеский юбилейный комитет, 1902. Т. 1.
- [27] *Фрейман О.Р.* фон. Пажи за 185 лет. Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. Фридрихсгамн: типография Акционерного общества, 1896.
- [28] *Габеев Г.[С.]* Гвардейскому саперу на память о герое командире генерал-адъютанте Шильдере. К предстоящему перевезению праха генерал-адъютанта Шильдера в Петербург, для погребения в церкви Лейб-Гвардии саперного батальона во имя Святых Космы и Дамиана. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911.
- [29] *Гершельман Ф.К., Гурко Д.И.* Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков / сост. В.И. Сахаров, Л.В. Манькова. М., 2002. С. 3–13.
- [30] *Шильдер Н.К.* Биографический очерк графа Э.И. Тотлебена // Инженерный Журнал. 1885. № 11–12. С. 591–622.
- [31] Пажеский Его Императорского Величества корпус за сто лет / сост. Д.М. Левшин. Т. 2. СПб.: Пажеский юбилейный комитет, 1902. С. 411–414.
- [32] *Шильдер Н.К.* Биографический очерк графа Э.И. Тотлебена // Инженерный Журнал. 1885. № 1. С. 81–127.

2. Документы и материалы

- [33] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. (ОР РНБ). Ф. 859. Картон 40. № 11.
- [34] ОР РНБ Ф. 859. Картон 9.
- [35] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 351. Оп. 1. Т. 3. Д. 3659.
- [36] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 35 (16/983). 1858. Д. 25.

Рукопись поступила в редакцию: 4 сентября 2017 г.

Для цитирования: *Слепцова Т.В., Георгиева Н.Г.* Подготовка кадров к военной и гражданской службе в середине XIX в.: годы учебы историка, генерал-лейтенанта Н.К. Шильдера // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2017. Том 16. № 4. С. 559–576. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-559-576.

Информация об авторах: *Слепцова Татьяна Викторовна* – кандидат исторических наук, подполковник полиции Академии управления МВД России (г. Москва, РФ); *Георгиева Наталья Георгиевна* – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва, РФ).

**STAFF TRAINING
FOR MILITARY AND CIVIL SERVICE
IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY:
ACADEMIC YEARS OF HISTORIAN,
GENERAL-LIEUTENANT N.K. SCHILDER**

Tatiana V. Sleptsova^a, Nataliya G. Georgieva^b

^a Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
8 Zoe and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow, Russia, 125993

^b Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
10/2 Mikluho-Maklay St., Moscow, Russia, 117198

The purpose of the article is to replenish the information field of Russian historians by introducing data about a little-known element in the historiography in the system of staff training in elite educational institutions of Russia in the middle of the 19th century. The object of the study is the young age of Nikolai Karlovich Schilder (1842–1902), who by honourable service in the military field rose to the rank of Lieutenant General (1893) after completing two educational institutions. As a result of his historical studies, he became the corresponding member of the Petersburg Academy of Sciences (1900).

Based on the information found in archival and published historical sources, as well as in the annexes to the published historical works, there is considered the process of N.K. Schilder's acquiring not only a large body of knowledge, but also the process of his personality formation as a patriot of Russia.

Five years (1857–1862) were a special period of his life as a future military engineer and historian – the time when he obtained secondary and special higher military education. The years of studies in the Pages Corps and the Nikolaev Engineering Academy were of great use for him. He showed good results in studies and extraordinary creative abilities. The article shows the scope of knowledge and quality of skills obtained by N.K. Schilder while studying,

the degree of his preparedness to work both as a military engineer and historian-researcher. The article proves that he obtained professional knowledge necessary for a military engineer; he was accustomed to thinking big, to working systematically, independently and creatively. Self-discipline and acquired skills of research work were the key to his future success in the field of military and military-political history and in the biographical genre.

Keywords: N.K. Schil'der, K.A. Schil'der, Emperors Nicholas I, Alexander I, The Pages corpus, The Military Engineering Academy of Nicholas, the secondary and higher school

REFERENCES

- [1] Gabaev G[S.] *Gvardejskomu saperu na pamjat' o geroe komandire general-ad'jutante Shil'dere. K predstojashhemu perevezeniju praha general-ad'jutanta Shil'dera v Peterburg, dlja pogrebenija v cerkvi Lejb-Gvardii sapernogo batal'ona vo imja Svjatyh Kos'my i Damiana* [Guards Sapper in memory of the hero commander Adjutant General Schilder. To the forthcoming transfer of the ashes of Adjutant General Schilder to St. Petersburg, for burial in the Church of the Life Guards of a sapper battalion in the name of Saints Cosmas and Damian]. St-Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ.; 1911: 21–22.
- [2] Shumkov AA. Schil'dery. *Dvorjanskij kalendar': spravochnaja i rodoslovnaja kniga rossijskogo dvorjanstva. Tetrad' 2* [Noble calendar: reference and genealogical book of the Russian nobility]. St-Petersburg: VIR Publ.; 1997: 92–106.
- [3] V.P. [Petersen VK.] Rodoslovnaja N.K. Shil'dera [Ancestry of N.K. Schilder]. *Novoe vremja*. 1902. 10 April. № 9375.
- [4] Adasova-Shil'der EL. Tri veka zhizni roda Shil'der v Rossii [Three centuries of Schilder's life in Russia]. *Istoriko-publicisticheskij al'manah. Nemeckaja diaspora v Rossii: proshloe i nastojashhee* [Historical and journalistic almanac. The German Diaspora in Russia: past and present]. Moscow: B.i. Publ., 2013; 1: 173–232.
- [5] Kizeveter AA. N.K. Schil'der. Imperator Aleksandr Pervyj, ego zhizn' i carstvovanie. SPb. Izdanie A.S. Suvorina. 1897 g. T. I. [Emperor Alexander the First, his life and reign. SPb. Izdanie A.S. Suvorina. 1897 g. T. I]. *Obrazovanie*. 1897; (9): 200–203.
- [6] Pypin AN. Imperator Aleksandr Pervyj, ego zhizn' i carstvovanie. N.K. Shil'dera. S illjustracijami. Tom pervyj. St-Petersburg; 1897 [Recenzija] [Emperor Alexander the First, his life and reign. N.K. Schilder. With illustrations. Volume one. SPb., 1897 [Book review]]. *Vestnik Evropy*. 1897; (7): 394–400.
- [7] S-l-m-n [Salomon P.A.] N.K. Shil'der. Imperator Pavel I. Istoriko-biograficheskij ocherk, s portretami, vidami, planami i avtografami. SPb., 1901 [N.K. Schilder. Emperor Paul I. Historical and biographical sketch, with portraits, views, plans and autographs. SPb., 1901]. *Vestnik vseмирnoj istorii*. 1901; (5): 246–250.
- [8] Schil'der NK. *Imperator Nikolaj I. Ego zhizn' i carstvovanie. V 2-h knigah* [Emperor Nicholas I. His life and reign]. Moscow: Charli Publ.; 1996. Book 2.
- [9] Shil'der NK. *Imperator Pavel I. Istoriko-biograficheskij ocherk* [Emperor Paul I. Historical and biographical sketch]. Moscow: Charli Publ., TOO Algoritm Publ.; 1996.
- [10] Schil'der NK. *Imperator Aleksandr I, ego zhizn' i carstvovanie* [Emperor Alexander I, his life and reign]. Moscow: Jeksmo; 2008.
- [11] Men'shenina NJu. Oficial'naja istoriografija N.K. Shil'dera [The official historiography of N.K. Schilder's]. *Vestnik Al'faret*. 2012; (3): 10–15. Available at: alfaret.ru/vestnik/vestnik-3.pdf (Date of access: 12.07.2017).

- [12] Kuruikin IV., Mohnacheva MP. *Problemy istorii v konservativnoj publicistike vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka (Zhurnal «Russkij Vestnik», 1856 – 1906): ucheb. posobie* [Problems of History in the Conservative Publicistics of the second half of the 19th – the early 20th century (Journal of the “Russian Messenger”, 1856 – 1906): Textbook]. Moscow: MGIAI Publ., 1990.
- [13] Camutali AN. Zhivopisatel’ russkikh imperatorov: Nikolaj Karlovich Schil’der [Painter of the Russian emperors: Nikolai Karlovich Schilder]. *Istoriki Rossii. XVIII – nachalo XX v: [očerki]* [Historians of Russia. XVIII – early XX centuries]. Moscow: Skriptorij Publ.; 1996: 486–492.
- [14] Lachaeva MJu. Mastera biograficheskogo zhanra – N.K. Schil’der i velikij knjaz’ Nikolaj Mihajlovich. Istorik-diplomat S.S. Tatishhev [Masters of the biographical genre – N.K. Schilder and Grand Duke Nikolai Mikhailovich. The historian-diplomat SS. Tatischev]. *Istoriografija istorii Rossii do 1917 g.: uchebnik dlja studentov: v 2 t.* [Historiography of the history of Russia until 1917: a textbook for students: in 2 volumes]. Moscow: VLADOS Publ., 2003; 2: 113–145.
- [15] Vol’fcun LB. 1899–1902. Nikolaj Karlovich Schil’der. *Istorija biblioteki v biografijah ejo direktorov, 1795–2005: [sbornik statej]* [History of the library in the biographies of its directors, 1795–2005: [collection of articles]]. St-Petersburg: Izdatelstvo Rossijskoy nauchnoj biblioteki Publ.; 2006: 178–193.
- [16] Kol’cov IA. «...Ne ischeznut krupnye vklady, sdelannye im v russkuju istoricheskiju nauku» (Trudy N.K. Schil’dera v ocenke dorevoljucionnyh istorikov) [“... Major contributions made by him to Russian historical science will not disappear” (NK Schilder’s works in the evaluation of pre-revolutionary historians)]. *Klio*. 2015; 98(2): 66–75.
- [17] Georgiev V.A., Georgieva N.G., Slepcova T.V. Vostochnyj vopros v trudah N.K. Shil’dera [The eastern question in the writings of N.K. Schilder]. «*Slova prinadlezhat veku, a mysli vekam*» k 250-letiju so dnja rozhdenija N.M. Karamzina: *materialy XVIII nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh* [“The Words belong to the Century, and Thought to the Ages” on the occasion of the 250th anniversary of the birth of N.M. Karamzin: materials of the XVIII scientific conference of students, graduate students and young scientists]. Moscow, RUDN University Publ.; 2016: 3–10.
- [18] P.Shh. [Shhegolev P.E.] *N.K. Shil’der. Jenciklopedicheskij slovar’ F.A. Brokgauza i I.A. Efrona* [Encyclopedic Dictionary Brockhaus and I.A. Efron. SPb.: Semenovskaya Tipolitography (F.A. Efrona)]. St-Petersburg: Semenovskaja Tipolitografija (I.A. Efrona) Publ., 1899; 78: 572–573.
- [19] Rubinshtejn N.L. *Russkaja istoriografija* [Russian historiography]. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1941.
- [20] Miloradovich G.A. *Materialy dlja istorii Pazheskogo Ego Imperatorskogo Velichestva korpusa. 1711–1875.* [Materials for the history of His Imperial Majesty’s Corpus. 1711–1875]. Kiev: M.P. Frica Publ.; 1876: 88–106.
- [21] Maksimovskij MS. *Istoricheskij ocherk razvitija Glavnogo inzhenerenogo uchilishha. 1819–1869* [Historical outline of the development of the Main Engineering School. 1819–1869]. St-Petersburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1869: 3–19.
- [22] Sleptsova TV. Posluzhnoj spisok N.K. Shil’dera [The service record of N.K. Schilder]. *Sbornik Russkogo Istoricheskogo obshhestva* [Collection of the Russian Historical Society]. Moscow, 2003; (7): 290–306.

- [23] Imeretinskij N.[K.] Pazheskij korpus v 1843 – 1848 gg. Zapiski starogo pazha [The Corps of Pages in 1843–1848. Notes of the old page]. *Russkij Vestnik* [Russian Bulletin]. 1887; (8): 663 – 703; (9): 221–254.
- [24] Parensov P.[D.] Iz proshlogo [From the past]. *Russkaja Starina* [Russian Antiquity]. 1907; (3): 628–631.
- [25] Gershel'man FK. Vospominanija prozhitogo [Memories of the past] in: Gershel'man F.K., Gurko D.I. *Generalami rozhdajutsja. Vospominanija russkih voenachal'nikov XIX – nachala XX vekov* [Generals are born. Memoirs of Russian military leaders of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Russkoe slovo Publ., 2002: 15–152.
- [26] Levshin DM. *Pazheskij korpus za 100 let* [The Pages corpus for 100 years]. St-Petersburg: Pazheskij jubilejnyj komitet Publ.; 1902: 1.
- [27] Frejman OR. fon. *Pazhi za 185 let. Biografii i portrety byvshih pazhej s 1711 po 1896 g.* [Pages for 185 years. Biographies and portraits of former pages from 1711 to 1896]. Fridrihsgamn: tipografija Akcionernogo obshhestva Publ.; 1896.
- [28] Gabaev G.[S.] *Gvardejskomu saperu na pamjat' o geroe komandire general-ad'jutante Shil'dere. K predstojashemu perevezeniju praha general-ad'jutanta Shil'dera v Peterburg, dlja pogrebenija v cerkvi Lejb-Gvardii sapernogo batal'ona vo imja Svjatyh Kos'my i Damiana* [The Guards Sapper, in memory of the hero commander, Adjutant General Schilder. To the forthcoming transfer of the ashes of Adjutant General Schilder to St. Petersburg, for the burial in the Church of the Life Guards of a sapper battalion in the name of Saints Cosmas and Damian]. St-Petersburg: R. Golike i A. Vil'borg Publ.; 1911.
- [29] Gershel'man F.K., Gurko D.I. *Generalami rozhdajutsja. Vospominanija russkih voenachal'nikov XIX – nachala XX vekov* [Generals are born. Memoirs of Russian commanders of the 19th – early 20th centuries]. Moscow; 2002: 3–13.
- [30] Shil'der N.K. Biograficheskij ocherk grafa Je.I. Totlebena [Biographical sketch of Count E.I. Totleben]. *Inzhenernyj Zhurnal* [Engineering Journal]. 1885; (11–12): 591–622.
- [31] Levshin DM. ed., *Pazheskij Ego Imperatorskogo Velichestva korpus za sto let* [The pages of His Imperial Majesty's corpus for a hundred years]. St-Petersburg: Pazheskij jubilejnyj komitet Publ.; 1902: 411–414.
- [32] Shil'der N.K. Biograficheskij ocherk grafa Je.I. Totlebena [Biographical sketch of Count E.I. Totleben]. *Inzhenernyj Zhurnal* [Engineering Journal]. 1885; (1): 81–127.

Article received: 4 September 2017

For citation: Tatiana V. Sleptsova, Nataliya G. Georgieva, Staff training for military and civil service in the middle of the 19th century: academic years of historian, General-Lieutenant N.K. Schilder. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 559–576. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-559-576.

About authors: Tatiana V. Sleptsova, PhD (in History), Lieutenant Colonel of Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Moscow, Russia); Natalia G. Georgieva, PhD (Doctor of Historical Sciences), Professor of the Department of Russian History at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-577-601

ИНОСТРАНЦЫ – МОСКОВСКИЕ КНИГОПЕЧАТНИКИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Г.В. Аксенова

Институт истории и политики
Московский педагогический государственный университет
115571, Москва, Россия, Проспект Вернадского, 88
galax23@yandex.ru

В статье на примере московских книгопечатников Э.-К.А. Лисснера и А.А. Левенсона, предки которых прибыли в Россию из Австрии и Германии, раскрывается роль иностранцев в организации издательского дела в Москве в последней трети XIX – нач. XX в. Проанализированы этапы развития основанного ими типографского дела, его особенности, полиграфические находки, репертуар издаваемых книг, специфика освоения книжного рынка. Проведенный анализ позволил установить роль Э.-К.А. Лисснера и А.А. Левенсона в открытии новых имен в литературе и искусстве, в продвижении российских книгопечатных технологий и книжной продукции, в развитии книжного искусства и совершенствовании книгопечатания.

Ключевые слова: история издательского дела, книжная культура России, А.А. Левенсон, Э.А. Лисснер, издатели, русская культура

Введение

Славянское кириллическое книгопечатание берет свое начало со второй половины XV в. Оно связано с именем немца-католика из Франконии Шваймпольта Фиоля (вторая половина XV в. – 1525 (1526?)), который, работая в Кракове, осуществил в начале 1490-х гг. четыре издания богослужебных книг на церковнославянском языке [1–3]¹. Славянское книгопечатание продолжилось на Балканах, в Цетинье, а в начале XVI в. – на территории Угро-Валахии [4–8].

Восточнославянскому книгопечатанию положил начало белорус Франциск Скорина (ок. 1490–1551), основавший свою типографию в Праге в 1517 г. и издавший кириллическим шрифтом первую белорусскую печатную книгу «Псалтырь». Начатое дело он продолжил в Вильно, где в 1525 г. увидел свет знаменитый скориновский «Апостол» [9–14].

¹ «Октоих» (Осмогласник, 1491), «Часослов» (1491), «Триодь постную» (1492–1493) и «Триодь цветную» (не датирована).

История российского книгоиздательского дела своими корнями уходит во времена Ивана IV и насчитывает более пяти с половиной столетий. Трудями государя и деятельной инициативой митрополита Макария в Москве в 1540-е гг. организовали Печатный двор, и с Макарьевской «Триоди» и «Апостола» Ивана Федорова началось отечественное книгопечатание. До последней трети XVIII в. основным заказчиком всей книгопечатной продукции и основным организатором книгоиздательства выступало государство. Только во времена Екатерины II, когда частный капитал и «физические лица» получили возможность выпускать или финансировать те или иные выходящие в свет книги и журналы, стали открываться частные типографии и книгопечатни. Частная издательская деятельность развернулась во времена царствования Александра I. Именно в период его царствования были основаны известнейшие российские издательства А.Ф. Смирдина, Глазуновых и Селивановских [15–20].

В последней трети XIX в. на арену книгопечатания вышли А.С. Суворин, К.Т. Солдатёнков, Ф.Ф. Павленков, А.А. Ильин, И.Д. Сытин, П.П. Сойкин, Н.П. Поляков, М.В. и С.В. Сабашниковы, П.И. Юргенсон [21–26]. Все они, привлекая лучшие художественные силы России и приобретая авторские права на лучшие зарубежные издания, выстраивая перспективы книгоиздательской политики, стремились выпускаемой продукцией удовлетворить разнообразный читательский спрос: научная и художественная литература, учебники и учебные пособия, мировая классика, подносные, подарочные и юбилейные издания, атласы и партитуры, народная дешевая книга, лубок, народные картинки и многое другое.

На развитие книгопечатного дела, выработку издательской стратегии и качество книжной продукции оказали влияние иностранцы, обосновавшиеся в России и открывшие типографии и издательства в Санкт-Петербурге, в Москве и в целом ряде провинциальных городов. Среди тех иностранцев, для которых Россия стала родным домом и кто составил славу отечественной книгоиздательской культуры, были Г.Д. Гоппе, М.О. Вольф, А.Ф. Маркс, А.Ф. Девриен, Р.Р. Голике и А.И. Вильборг, И.А. Ефрон, И.Н. Кнебель, Э.К. Лиснер, А.А. Левенсон и др.

К началу Первой мировой войны и Революции 1917 г. отечественная книгопечатная культура стараниями русских и иностранных издателей достигла высочайшего качественного уровня с точки зрения полиграфического исполнения, небывало высоких тиражей, а книги и журналы в силу мудрой ценовой политики имели хороший спрос. Поэтому неслучайной выглядит ситуация в книгоиздательстве, возникшая в период между Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революциями, когда Временное правительство не предпринимало мер для стеснения свободы печати и книгораспространения и книга стала главным идеологическим орудием в борьбе за влияние на народные массы.

История книжного дела в России не обделена вниманием ученых. Некоторые из них отмечают, что книги и книгоиздания до 1917 г. достаточно хорошо изучены [27, с. 7]. Это положение трудно оспаривать: обобщающие труды и учебные пособия по истории книгоиздательского дела в России стали появляться еще в XIX в., а уважающие себя издательства с определенной периодичностью выпускали каталоги, сборники или брошюры, посвященные собственной истории, записки, мемуары, хроники, аккуратно формировали свои архивы. В результате в настоящее время в распоряжении современных исследователей имеется целый комплекс добротных обобщающих работ по истории книгопечатного дела в России: это труды С.Ф. Либровича [28], Н.М. Лисовского [21], П.К. Симонии [23], М.В. Муратова [29], М.Н. Куфаева [30–32], В.Я. Адарюкова и А.А. Сидорова [33–35], Е.И. Кацпржак [36], В.С. Люблинского [37], И.Е. Баренбаума [17], С.В. Белова и А.П. Толстякова [38], Л.А. Виноградовой [39], Ю.И. Герасимовой [40], В.И. Васильева [41], А.А. Беловицкой [42] и др.

С 1959 г. выходит специализированный сборник (продолжающееся до настоящего времени издание) «Книга. Исследования и материалы», в котором публикуются статьи и материалы, посвященные книговедческим проблемам, в том числе издательскому делу, библиографии, книжной торговле и библиофильству.

На протяжении второй половины XX в. благодаря деятельности Всесоюзной книжной палаты периодически выходили указатели литературы по различным общим и частным проблемам книговедения, представляя весь спектр научных вопросов, связанных с историей книгоиздательства в России и его особенностями [43–46].

Итогом долголетней научно-исследовательской книговедческой работы стала энциклопедия «Книга», увидевшая свет в 1998 г. [47].

В 1990-е – 2000-е гг. появились исследования, посвященные вопросам частного предпринимательства в книгоиздательском деле XIX – начала XX в. [48–49].

Наибольшее внимание специалисты уделили истории столичного, санкт-петербургского книгоиздания, способствовавшего формированию общего направления книгоиздательской политики всего государства [50–51]. Немалое число статей, книг и монографий посвящено персоналиям и издательствам, например, И.Д. Сытину [52–55], К.Т. Солдатёнку [56], Сабашниковым [57], П.И. Юргенсону [58], Ф.Ф. Павленкову [59], А.С. Суворину [60], Экспедиции заготовления государственных бумаг [61] и российских краеведческих обществ [62].

Деятельность иностранных книгоиздателей в России, к сожалению, не получила должного комплексного освещения. Очерки, небольшие разделы, главы о книгоиздателях иностранного происхождения, действовавших на территории Российской империи, являются частью обобщающих трудов и учебных пособий. Среди часто упоминаемых имена Г.Д. Гоппе, Р.Р. Голике,

А.Ф. Девриена, И.А. Ефрона, И.Н. Кнебеля, А.Ф. Маркса, т.е. тех предпринимателей, без кого невозможно представить себе высокохудожественные издания русской и зарубежной классики, популярных иллюстрированных многотиражных журналов и листовой продукции.

Редкие монографические работы раскрывают деятельность таких издателей-иностранцев, как «Товарищество М.О. Вольфа» [63], акционерное художественно-книгоиздательское товарищество «Р. Голике и А. Вильборг» [64], издательство «Брокгауз и Ефрон» [65–66], «Товарищество А.В. Маркс» [67].

За рамками научных интересов остаются многие московские издательства и типографии, основанные приехавшими в Россию иностранцами. Фактически забытыми остаются имена таких двух московских книгопечатников иностранного происхождения, как Э.-К.А. Лисснер и А.А. Левенсон, заложивших новые принципы издательского дела и печати иллюстраций, создавших новое направление в книжном производстве.

Фамилия «Лисснер» звучит только в связи с творчеством его сына – художника-графика Э.Э. Лисснера [68], но отнюдь не в связи с основателем одного из любопытнейших московских издательств научно-просветительской и художественной литературы, подрядчика Московского публичного и Румянцевского музеев (далее – МПРМ).

Об А.А. Левенсоне вспомнили в 2000-е гг. в связи с проведением реставрационных работ промышленного здания эпохи модерна, построенного в Москве в Трехпрудном переулке в 1900 г. по специальному проекту архитектора Ф.О. Шехтеля [69].

Цель и задачи. Главная задача статьи – раскрыть значение деятельности двух издателей немецкого происхождения Э.-К.А. Лисснера и А.А. Левенсона в развитии русской культуры (литературы и искусства) и популяризации научных знаний, показать их роль в книжном деле России нового и новейшего времени.

Особенности издательской деятельности Э.-К.А. Лисснера

Эрнст-Константин Антонович Лисснер родился в 1837 г. в семье обрусевших австрийских дворян [70, с. 5], лютеран по вероисповеданию, прихожан евангелическо-реформаторской церкви. Переехавшись в Россию, они обосновались в Москве, и первым их местом жительства была «Кузнецкая улица против Пятницкой части»¹. В начале 1870-х гг. Э.-К.А. Лисснер женился на Генриетте Буре², и 26 марта 1874 г. у них родился сын Эрнест – будущий художник-график.

¹ Свидетельство о крещении // Личное дело Лисснера Эрнста Эрнстовича (11 декабря 1887 – 16 ноября 1893 гг.). РГАЛИ Ф. 680. Оп. 2. Ед. 829. Л. 2.

² Свидетельство о крещении... Л. 5.

Знак типографии Э. Лиснера и Ю. Романа в Москве

Из издания: Образцы книжных, титульных и рукописных шрифтов, нот, украшений, полнотипажей, линеек, математических и других знаков производства типографии Э. Лиснера и Ю. Романа в Москве. – М., 1889.

В 1876 г. Э. Лиснер совместно с Ю. Романом открыл в Москве на Арбате в доме Каринской типографию, первым изданием которой стала переводная книга «История жизни и царствования Николая I Императора Всероссийского» (1877–1878).

В числе первых изданий типографии были словари («Объяснение всех иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык» (1877)), тематические своды законов, уставы организаций и предприятий, литературоведческие работы, исторические романы («Гунны: эпоха великого переселения народов» (1878)), бульварное чтение, философские исследования, учебники и учебные пособия («Изборник статей для теоретического изучения образцов русской литературы, применительно к курсу средних учебных заведений» (1879), «Обзор философских учений» (1879–1880), «Руководство к ведению письменных упражнений в гимназиях» (1880)), справочная и научная литература, Ученые записки Императорского Московского Университета, документы съездов ученых сообществ, богослужебные книги и литература по истории церкви («Практическое руководство для священнослужителей при совершении святых таинств» (1879–1887)), материалы раскольнических соборов и сочинения по расколу и старообрядчеству («Летопись раскола за 1876–1879 годы» (1880)).

Столь разнообразная тематика выпускаемой продукции свидетельствует о том, что на первом этапе развития личного издательского дела принимались заказы на любую печатную продукцию, и издавалось все, что могло принести хоть какой-либо доход, способствовать расширению мощностей и оснащен-

ности производства и помогло бы занять специальную нишу в книгопечатном деле и на книжном рынке.

К началу 1880-х гг. типография Э. Лиснера и Ю. Романа обрела не только определенную известность в Москве, но и получила целый ряд серьезных и престижных заказов. Например, к 50-летию Румянцевского музея увидел свет труд заведующего рукописных отделом А.Е. Викторова, посвященный собранию рукописей И.Д. Беляева (1881), и материалы для исторического описания Румянцевского музея (1882). Начала выходить фундаментальная «История русской церкви» профессора Московской духовной академии Е.Е. Голубинского (1880–1911), опубликована переписка митрополита Московского Филарета (Дроздова) (1883–1884) и труды архиепископа Тверского и Кашинского Саввы (Тихомирова) (1883). В поддержку идеи, высказанной в марте 1881 г. в «Московских ведомостях», увидела свет книга, раскрывающая содержание программы возведения в Москве в Московском Кремле памятника «в Бозе почившему государю императору Александру II» (1881).

В середине 1880-х гг. Э.-К.А. Лиснер приступил к изданию художественной литературы, напечатав в числе первых собрание сочинений поэта И.С. Никитина и «Войну и мир» Л.Н. Толстого.

Полиграфические возможности типографии показали уникальное рекламное издание, увидевшее свет в 1889 г. На 60 страницах книги были представлены образцы книжных, титульных и рукописных шрифтов (эльзевирных, итальянских, древнегреческих, греческих, древнерусских, церковнославянских, немецких и латышских), нот, украшений, политапажей, линеек, математических и других знаков, торговых этикеток и чайных упаковок. Все это ярко характеризовало уровень и качество печати¹.

Еще одним примером полиграфической культуры служат книги: «Живописная история древней и новой России» (1884), «Стенные росписи в древних храмах греческих и русских» (1890) или «Шедевры» В.Я. Брюсова (1895). К числу уникальных можно отнести издания памятников древнерусской письменности и культуры, среди них «Древности ярославские и ростовские» А. Павлинова (1892) и др.

Рост заказов в частной типографии привели ее владельцев к мысли о необходимости приобретения собственного здания, что и было сделано к 1893 г. Эрнст Лиснер купил в Москве в Крестовоздвиженском переулке дом, в котором он жил сам и там же разместил типографию.

В 1896 г., скорее всего, уже после смерти Э.-К.А. Лиснера, его книгопечатное дело перешло в руки наследников. Ими могли быть вдова Генриетта Лиснер или второй сын. С 1897 по 1905 г. книги печатаются в «Типографии Г. Лиснер и А. Гешель, преемников Э. Лиснера и Ю. Романа». В 1905 г.

¹ Образцы книжных, титульных и рукописных шрифтов, нот, украшений, политапажей, линеек, математических и других знаков производства типографии Э. Лиснера и Ю. Романа. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа в Москве, 1889. 60 с.

совладельцем типографии вместо А. Гешеля становится Д. Собко, и в течение последующих десяти лет Г. Лисснер и Д. Собко издают справочную, научную и художественную литературу: «Русский биографический словарь» в 25 томах, «Очерки истории западно-европейской литературы» Н. Стороженко (1912), «Краткий курс естественной истории» (1913), «Жизнь и сочинения Ивана Сергеевича Тургенева» (1915), сочинения Евгении Тур, философские труды С.Н. Трубецкого, издания по античной археологии Крыма.

Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон и ее роль в развитии российского книгоиздательства

В 1881 г., пятью годами позже Э.-К.А. Лисснера, в Москве начал свое книгопечатное дело Александр Александрович Левенсон. Важнейшими источниками, позволяющими провести реконструкцию его жизни и деятельности и охарактеризовать его деятельность как книгопечатника, являются изданные им книги, газеты и журналы, иллюстративный листовой материал, исторический очерк деятельности скоропечатни за 20 лет¹, увидевший свет в 1903 г., записки В.А. Гиляровского [71] и А.П. Чехова, письма Л.Н. Андреева [72], сохранившееся в фондах РГАЛИ эпистолярное наследие основателя и владельца Скоропечатни².

Александр Александрович Левенсон (1851–1922) был известен как крупнейший московский издатель-литограф, а созданная им Скоропечатня считалась одной из лучших в Российской империи, имевшей звание «поставщика Двора его величества». Здание типографии и мастерских до сих пор служит украшением Москвы.

Об основателе Скоропечатни Александре Александровиче Левенсоне известно совсем немного. Биографические сведения отрывочны и лаконичны.

Можно предположить (по имеющимся косвенным свидетельствам), что будущий организатор издательского дела родился примерно в 1851 г. в семье известного московского доктора немецкого происхождения А.Б. Левенсона, проживавшего в собственном доме в Рахмановском переулке³. Именно в этом доме 31 марта 1881 г., по словам А.А. Левенсона, «началось маленькое типографское дело» с «несколькими старыми машинами и ничтожным оборотным капиталом»⁴.

¹ Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон: Исторический очерк и описание мастерских 1881–1903. М., 1903. 109 с.

² Сохранившиеся письма относятся к периоду с 1903 по 1914 г. Эпистолярное наследие находится в фондах Российского государственного архива литературы и искусства: ф. 453 (Соллогубы), ф. 853 (М.Г. Савина), ф. 878 (А.И. Сумбатов-Южин), ф. 2555 (Ф.В. Кельин).

³ Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон... С. 10.

⁴ Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон... С. 10.

**А.А. Левенсон – основатель и владелец Скоропечатни.
Фото. 1903 г.**

Вся имеющаяся в настоящее время информация связана исключительно с деятельностью сначала Типографии, затем Торгового дома и, наконец, Товарищества Скоропечатни. Даже сохранившаяся частная переписка А.А. Левенсона: с актрисой и основательницей Русского театрального общества М.Г. Савиной, вдовой поэта и художника Ф.Л. Соллогуба Н.М. Соллогуб (урожд. Боден-Колычевой), актером, драматургом и директором Малого театра А.И. Сумбатовым-Южиным и отцом известного советского литературоведа Ф.В. Кельина статским советником В.Ф. Кельиным – касается исключительно работы: печать театральных афиш, программ, либретто, отстаивание авторского права в связи с нарушением исполнения подписанных с театрами договоров¹ (фирма в 1910-е гг. имела договор с Московской конторой императорских театров на печатание афиш и программ).

¹ Савина М.Г. Письма Левенсону Александру Александровичу. 26 февраля 1913 // РГАЛИ. Ф. 853 (М.Г. Савина). Оп. 2. Ед. хр. 116; Левенсон А.А. Письма Соллогуб Наталье Михайловне // РГАЛИ. Ф. 453 (Соллогубы). Оп. 1. Ед. хр. 582; Левенсон А.А. Письма к А.И. Сумбатову-Южину // РГАЛИ. Ф. 878 (А.И. Сумбатов-Южин). Оп. 1. Ед. хр. 1335; Левенсон А.А. Письма В.Ф. Кельину // РГАЛИ. Ф. 2555 (Ф.В. Кельин). Оп. 1. Ед. хр. 648.

Выявленные архивные и печатные материалы дают возможность характеризовать А.А. Левенсона как человека, чья жизнь и деятельность слились в единое целое с деятельностью Скоропечатни. Смысл его жизни заключался в служении книге, в развитии технологий высокохудожественной печати, в расширении спектров издательской деятельности и открытии новых имен: имен художников, писателей, актеров, галеристов, ученых, юристов, промышленников и др. Например, в Скоропечатне увидели свет первый сборник стихов М.И. Цветаевой и первые сборники рассказов А.П. Чехова.

Издательское дело А.А. Левенсона прошло несколько «стадий развития и постепенного роста»¹. Позволим себе назвать эти «стадии».

В самом начале «новорожденное предприятие имело в своем распоряжении: маленькую типографскую машину, ручной станок, резальную машину и несколько реалов и касс»². Работа началась с исполнения практически таких же заказов, что и у Э.-К.А. Лиснера – с печати визитных карточек, коммерческих счетов и бухгалтерских документов. Принимались заказы на печать судебных дел, рефератов научных работ, отчетов о сельскохозяйственных выставках и брошюр, посвященных различным отраслям сельскохозяйственного производства, на медицинские справочники и справочные брошюры [73–79].

Благодаря этой активной коммерческой печати уже в первый год работы типографии А.А. Левенсону удалось приступить к изданию детской литературы: рассказов для детей О. Уайльда, «Домби и сын» Ч. Диккенса (1883), «Волшебных сказок» А. Архангельской (1884), «Квентина Дорварда» В. Скотта (1885).

В 1884 г. А.А. Левенсон приобрел в качестве серьезного заказчика А.Я. Липскерова с его газетой «Новости дня», что давало немалый стабильный доход.

К 1887 г., по свидетельству А.А. Левенсона, «типография уже пользовалась известностью, имела значительное количество больших заказов, и, вообще, дела ее шли хорошо»³. Это способствовало преобразованию предприятия, называвшегося «Типография А.А. Левенсона», в товарищество на вере «Торговый дом А. Левенсон и К°». Основу производства составили сложнейшие художественные репродукции и книги. Печатались художественная литература, научные труды и монографии, осуществлялись публикации памятников древнерусской письменности и фольклора, учебников, справочников, сборников законов. В 1888–1889 гг. благодаря Скоропечатне увидели свет исследования Е.И. Воскресенского, посвященные творчеству А.С. Пушкина, стихотворные «Сказания о жизни преподобного отца нашего Сергия, игумена Радонежского» (1889) и историческая повесть «Князь Иван Калита – Солнечный луч» (1889).

¹ Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон: Исторический очерк и описание мастерских 1881–1903. М., 1903. С. 1.

² Там же.

³ Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон... С. 2.

В эти же годы был освоен фототипический способ печати иллюстраций. Как пример – издание этнографических записок А.Н. Харузина о Киргизской Букеевской орде [80–81]; описаний быта крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии и русских лопарей, предоставленных Н.Н. Харузиным [82–84] и историко-этнографических заметок о Прибалтийском крае М.Н. Харузина [85]. Все они вышли в сопровождении фототипических таблиц, воспроизведших фотографии, сделанные исследователями во время их поездок.

В 1890 г. учредили «Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон» с основным капиталом в 210 000 рублей¹. В этом же году начали обустривать новые обширные помещения.

**Члены правления Товарищества скоропечатни А.А. Левенсон:
А.А. Левенсон, Л.А. Карзинкин, С.Тихменев, В. Красовский.
Фото. 1903 г.**

Опубликовано в книге: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон: Исторический очерк и описание мастерских 1881–1903. М., 1903.

¹ Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон... С. 2.

Несмотря на огромный ущерб, нанесенный делу пожаром 1892 года, в огне которого сгорело дотла все (и помещения, и оборудование), «деятельность Товарищества продолжала развиваться» за счет «увеличения поступавших заказов, и разнообразия их характера»¹. Средства для развития давали выпускаемые журналы «Дешевая библиотека», «Новости иностранной литературы» и «Семья».

Высокое качество выпускаемой печатной продукции получило должную оценку: в 1895 г. – большая серебряная медаль Министерства финансов за выставку печатного дела в Санкт-Петербурге и золотая – за выставку в Париже в память 100-летия литографии².

Об уровне печати свидетельствует размещенный в Товариществе Министерством Императорского двора заказ на все виды печатных работ для празднеств Священного Коронования их величеств Николая II Александровича и Александры Федоровны. Объявления, меню, афиши, календари, пригласительные билеты, подарочные альбомы и книги с репродукциями рисунков братьев В.М. и А.М. Васнецовых, А.П. Рябушкина, А.Я. Головина, С.И. Ягужинского и др. – все было исполнено на высочайшем полиграфическом уровне.

Автором технических решений поставленных сложных полиграфических задач стал инженер-изобретатель, соработник А.А. Левенсона Сергей Степанович Ермолаев. В качестве примера образцов выпущенных коронационных и посткоронационных материалов могут служить «Меню обеда по случаю коронации Николая II в Москве 19 мая 1896 года» по рисунку А.Н. Бенуа, «Дни священного коронования»³ и «Народный праздник по случаю священного коронования их императорских величеств государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Феодоровны» с описанием увеселений на празднике.

В 1896 г. за исполненные работы Товарищество удостоили звания «поставщика Двора его величества»⁴.

В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже золотой медалью отметили выставленные типо-литографские работы Товарищества. Также золотую медаль присудили управляющему мастерскими Товарищества, серебряную – управляющему литографией и бронзовую – его помощнику. Среди награжденных были С.С. Ермолаев и В.В. Видеман, разработавшие новые способы цветной печати.

В самом конце XIX в. правление Товарищества приняло решение о приобретении участка в центральной части Москвы для строительства здания

¹ Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон... С. 5.

² Там же.

³ Дни священного коронования [императора Николая Александровича и императрицы Александры Федоровны]. [М.], 1896. 34 вып.

⁴ Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон... С. 5.

под типографию и ее мастерских. И в 1900 г. Скоропечатня начала работать на новом месте, в Трехпрудном переулке. Этот переезд положил начало третьему, завершающему этапу ее деятельности.

Рекламный лист Товарищества А.А. Левенсон. 1905 г.

За последовавшие 17 лет работы Товарищество дало жизнь уникальным книгам, созданным по заказу МПРМ.

Начало тесному сотрудничеству Скоропечатни А.А. Левенсона и МПРМ, как и в случае с типографией Лиснера, положила подготовка к его 50-летию юбилею.

Незадолго до празднуемой даты поступил заказ на изготовление факсимиле Архангельского евангелия 1092 года. Его исполнение и было оценено как «беспримечное не только в отечественной, но и в мировой полиграфии» [86, с. 8]. Беспримечность и беспрецедентность этого издания заключалась в том, что это было первое в мировой истории в полном смысле слова факсимиле, а не репринт. Оно максимально точно воспроизводило книжный памятник XI века в том виде, в котором он дошел до нас. Для этого воспроизвели не только графику письма со всеми ее особенностями, инициалы и заставки, но и подобрали бумагу, похожую на пергамен низкого качества, в которой в соответствующих местах проделали дыры и подделали все дефекты пергамена — помарки от чернил, воска и от загрязнений. Воспроизвели и древний переплет книги, и способ переплетения. Все стремления издателей «были направлены к тому, чтобы издание для палеографического и любого другого научного изучения вполне заменило подлинник» [87, с. 63].

Увидевшее свет в 1912 г. стараниями сотрудников Румянцевского музея и Товарищества Скоропечатни факсимиле обеспечило «целость и сохранность» [87, с. 63] уникальной рукописи, являющейся памятником мирового значения. В настоящее время это издание также является памятником, но уже книгопечатной культуры, и служит образцом издательской работы с памятниками древнерусской книжности.

Сотрудничество с Румянцевским музеем продолжилось еще одним изданием к его 50-летию: «Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве, 1862–1912: Исторический очерк»¹, которое украсили репродукции с иллюминированных рукописей и титульных страниц древнерусских книг.

Огромный объем издательско-типографской работы выполнялся в Скоропечатне в 1912–1915 гг. в связи с 300-летием Дома Романовых. Как и в коронационные дни, в мастерских типографии выполняли меню высочайших обедов, пригласительные билеты, афиши, объявления, отчеты. Но помимо листовой высокохудожественной продукции по рисункам В.М. Васнецова, Б.В. Зворыкина, Е.М. Бём, С.И. Ягужинского, С.И. Вашкова и др. издательство подготовило и выпустило целый ряд уникальных книг: «Избрание Михаила Феодоровича Романова на царство» Д.В. Цветаева (1913), каталог юбилейной выставки «Собрание памятников церковной старины в ознаменование Трехсотлетия царствования Дома Романовых» (1913), «Летописный и лицевой изборник дома Романовых» (1913), «Московский патерик» (1912), «Верноподданническая грамота и ларец, поднесенные его императорскому величеству государю императору Николаю Александровичу российским дворянством...» (1914) и история строительства Федоровского государева собора в Царском селе (1915).

Особым вниманием современных книголюбов и антикваров пользуется «Летописный и лицевой изборник дома Романовых», который печатался как очень дорогое подарочное издание. Над ним вместе с мастерами-типографами работали представители лучших научных и художественных сил России, известные церковные иерархи, ученые и художники. Здесь стоит назвать художников И.Я. Билибина, Н.К. Рериха, С.В. Малютина, М.В. Нестерова, Б.В. Зворыкина, фотографа С.М. Прокудина-Горского [88]. Издательскими работами руководил вышеупомянутый С.С. Ермолаев.

Печать в 6, 9, 16 и 32 краски, использование методов цветной фотоцинкографии и хромолитографии на толстой дорогостоящей бумаге, многочисленные цветные иллюстрации, схемы, графики, таблицы, точное воспроизведение памятников старины, роскошный переплет, узорные печатные форзацы, правильно подобранные и специально разработанные шрифты – все это создало особый образ книги. Современники оценили издание как «шедевр типографского искусства».

¹ Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве, 1862–1912: Исторический очерк. М., 1913. 198 с.

Как москвич А.А. Левенсон много внимания в своих издательских программах уделял родному городу, выпуская путеводители, книги по его истории. Одним из лучших подарочных изданий стал роскошный альбом «Москва: Ее историческое прошлое и настоящее»¹, увидевший свет в 1912 г.

В 1911 и 1914 г. «Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон» приняло участие в Международных выставках печатного дела и графики в Лейпциге. К выставке 1914 г. руководство типографии выпустило красочный рекламный каталог. Помимо краткого очерка деятельности фирмы в нем представили аннотированный перечень 50 различных высокохудожественных изданий, осуществленных типографией за предшествовавшие 2 года. По мнению книговеда Л.И. Юниверга, именно Лейпцигская выставка 1914 г. «послужила хорошим стимулом для развития искусства книги в России. Одним из характерных факторов этого процесса явилось создание в Москве “Общества изящной книги”» [89, с. 236].

К 1913 г. Товарищество выпустило продукции на 1,35 млн рублей.

А.А. Левенсон стал одним из организаторов «дела русской художественной печати» и стал тем самым издателем, который «поставил себе цель служить развитию в России дела художественной печати»².

А.А. Левенсон любил русский театр. Не случайно В.А. Гиляровский охарактеризовал его деятельность как «арендатора афиш и изданий казенных театров» [4, с. 361]. Действительно, афиши спектаклей Московских театров печатались в Скоропечатне до революционного 1917 г.

А.А. Левенсон был поклонником таланта выдающейся русской актрисы Марии Гавриловны Савиной (1854–1915). Он вел в Москве переговоры о кино съемках трех спектаклей с ее участием³.

Хорошо зная печатную продукцию друг друга, уважая качественный уровень и специализацию полиграфических работ, их особенности, нередко издательство Лиснера и Скоропечатня А.А. Левенсона размещали заказы друг у друга.

В 1917 г. типографию приобрел Земгор (Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов). Этот факт свидетельствует о том, что ко времени Февральской революции А.А. Левенсон мог покинуть Москву. Какие-либо данные о его жизни в период 1915–1917 гг. отсутствуют. Сведения о годе кончины книгопечатника содержатся в комментариях к переписке Л. Андреева с М. Горьким. Там указан 1922-й г. [72, с. 226].

После Октябрьской революции здание и саму типографию национализировали и преобразовали в 16-ю государственную типографию треста Мосполиграф Московского совета народного хозяйства, в 1924 г. ликвидировали.

¹ Москва. Moscow. Moskau: Ее историческое прошлое и настоящее. М., 1912. 94 с.

² Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон... С. 5–7.

³ РГАЛИ. Ф. 853 (М.Г. Савина). Оп. 2. Ед. хр. 760.

Выводы

Анализ деятельности двух московских книгопечатников иностранного (немецкого) происхождения Э.-К.А. Лиснера и А.А. Левенсона, чьи предки приехали в Россию из Австрии и Германии в начале XIX в., показал, что они стали одними из ярчайших деятелей России в области издательского дела. Начав с нуля, они смогли создать уникальные типографии, в которых можно было выпускать многоцветную изопродукцию, фототипические таблицы, совершенствовать цинкографию, хромофотографию и цветную фотоцинкографию. Для выполнения этих работ они привлекли специалистов, способных разрабатывать и претворять в жизнь новые способы печати. Одним из них стал С.С. Ермолаев. С обеими книгопечатниками сотрудничали лучшие художники России, помогая воплощать идеи издания качественной полиграфической продукции, способствующей эстетическому воспитанию читателя. С обоими издательствами сотрудничал Московский публичный и Румянцевский музеи, доверяя выполнение самых ответственных заказов, связанных с изданием памятников древнерусской письменности, трудов сотрудников музеев и их подразделений, юбилейных книг.

© Аксенова Г.В., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

- [1] *Владимиров П.В.* Начало славянского и русского книгопечатания в XV и XVI вв. Киев: тип. Н. Пилющенко и К°, 1894.
- [2] *Немировский Е.Л.* Книги кирилловской печати: каталог. М.: Пашков дом, 2009.
- [3] *Немировский Е.Л.* Славянские издания Кирилловского (церковнославянского) шрифта: инвентарь сохранившихся экземпляров и указатель литературы. М.: Знак, 2009.
- [4] *Каратаев И.П.* Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами. 1491–1730. СПб.: в типографии Императорской Академии Наук, 1861.
- [5] 400 лет русского книгопечатания. М.: Наука, 1964. Т. 1.
- [6] *Немировский Е.Л.* Мир книги: С древнейших времен до нач. XX в. М.: Книга, 1986.
- [7] *Немировский Е.Л.* Славянское книгопечатание кирилловским шрифтом в XV–XVI веках. М.: Наука, 1995.
- [8] *Немировский Е.Л.* История славянского кирилловского книгопечатания XV – начала XVII века. М.: Наука, 2003.
- [9] *Владимиров П.В.* Доктор Франциск Скорина: его переводы, печатные издания и язык. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1888.
- [10] *Владимировас Л.И.* Франциск Скорина – первопечатник вильнюсский. Вильнюс: Мокслас, 1975.

- [11] *Немировский Е.Л.* Начало книгопечатания в Белоруссии и Литве; Жизнь и деятельность Франциска Скорины: Описание изд. и указ. лит., 1517–1977. М.: ГБЛ, 1978.
- [12] *Подокшин С.А.* Франциск Скорина. М.: Мысль, 1981.
- [13] *Лабынцев Ю.А.* Скорининский календарь: [К 500-летию со дня рождения белорус. просветителя Франциска Скорины]. Минск: Мастац. літ., 1988.
- [14] Франциск Скорина: Сборник документов и материалов / Сост. В.И. Дорошкевич, Е.Л. Немировский]. Минск: НАВУКА І ТЭХНІКА, 1988.
- [15] *Симони П.К.* Книжная торговля в Москве XVIII–XIX столетий. Л.: Ленингр. о-во библиофилов, 1927.
- [16] *Муратов Н.В.* Книжное дело в России в XIX и XX вв. Очерк истории книгоиздательства и книготорговли 1800–1917 гг. М.; Л.: Огиз. Гос. соц.-экон. изд-во, 1931.
- [17] *Баренбаум И.Е.* История книги. М.: Книга, 1984.
- [18] *Куфаев М.Н.* История русской книги в XIX веке. М.: Пашков дом, 2003.
- [19] *Баренбаум И.Е.* Книжный Петербург: Три века истории: Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб.: КультИнформПресс, 2003.
- [20] *Динерштейн Е.А.* Российское книгоиздание (конец XVIII–XX в.). М.: Наука, 2004.
- [21] *Лисовский Н.М.* Собрание и разработка статистических сведений о книгоиздательстве и периодической печати в России. СПб.: «Влад.» паровая типо-лит., 1896.
- [22] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / Под ред. В.И. Покровского. СПб.: Деп. таможенных сборов (типо-лит. М.П. Фроловой), 1902.
- [23] *Симони П.К.* Материалы к истории русской книжной торговли. СПб.: ред. журн. Книжная биржа, 1906. Вып. 1.
- [24] *Музи Л.С., Леман В.В.* Книгоиздательства в России за 1908–1924 гг.: Статистические данные // Красная печать. 1926. № 17–18. С. 46–58.
- [25] *Сокурова М.В.* Общие библиографии русских книг гражданской печати. 1708–1955: Аннотированный указатель. / Под ред. и со вступ. статьей проф. П.Н. Беркова. Л.: [б. и.], 1956.
- [26] *Шомракова И.А., Баренбаум И.Е.* Всеобщая история книги: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. СПб.: Профессия, 2008.
- [27] *Свиценская М.К.* Частное книгоиздание Москвы и Санкт-Петербурга: История, современное состояние, перспективы развития. Praha: Research support scheme, 2000.
- [28] *Либрович С.Ф.* История книги в России. СПб.; М.: Товарищество М.О. Вольф, 1914.
- [29] *Муратов М.В.* Книжное дело в России в XIX и XX веках: Очерк истории книгоиздательства и книготорговли 1800–1917 годы. М.; Л.: Соцэргиз, 1931.
- [30] *Куфаев М.Н.* Проблемы философии книги. Л.: Начатки знаний, 1924.
- [31] *Куфаев М.Н.* Библиофилия и библиомания: психофизиология библиофильства. Л.: Изд. автора, 1927.
- [32] *Куфаев М.Н.* История русской книги в XIX веке. Л.: Начатки знаний, 1927.
- [33] *Адарюков В.Я., Сидоров А.А.* Книга в России. М.: Гос. изд-во, 1924–1925.
- [34] Русская книга девятнадцатого века / Под ред. В.Я. Адарюкова, А.А. Сидорова. М.: Гос. изд-во, 1925.
- [35] *Сидоров А.А.* Книга и жизнь. Сборник книговедческих работ. М.: Книга, 1972.
- [36] *Кацпржак Е.И.* История книги. М.: Книга, 1964.
- [37] *Люблинский В.С.* Книга в истории человеческого общества. М.: Книга, 1972. 327 с.
- [38] *Белов С.В., Толстякова А.П.* Русские издатели конца XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1979.

- [39] *Виноградова Л.А.* История книжного дела в России (988–1917). М.: Изд-во МПИ, 1991.
- [40] *Герасимова Ю.И.* Из истории русской печати в период революционных ситуаций конца 1850–1860-х годов. М.: Книга, 1974.
- [41] *Васильев В.И.* Книга и книжная культура на переломных этапах истории России: теория, история, современность. М.: Наука, 2005.
- [42] *Беловицкая А.А.* Книговедение. Общее книговедение: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: МГУП, 2006.
- [43] *Белов С.В.* Книга в России, 1850–1917 гг.: (материалы к указателю советской литературы 1917–1982 гг.). Л.: ГПБ, 1983.
- [44] *Белов С.В.* Книга в России, 1850–1917. Материалы к указателю советской литературы (1983–1990). Л.: ГПБ, 1991.
- [45] *Фурсенко Л.И.* Издательское дело и проблемы книговедения: Библиографический указатель, 1975–1979. М.: Книга, 1981.
- [46] *Фурсенко Л.И.* Издательское дело и проблемы книговедения: Ретроспективный библиографический указатель, 1980–1983. М.: Книга, 1985.
- [47] Книга: Энциклопедия / Редкол.: И.Е. Баренбаум, А.А. Беловицкая, А.А. Говоров и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
- [48] *Динерштейн Е.А.* Акционерные компании в издательском деле пореформенной России: автореферат дис. ... доктора ист. наук. М., 1990.
- [49] *Куприянова Т.Г.* Предпринимательство в книжном деле: историография, история, тенденции развития: монография. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2012.
- [50] Книжное дело в культурной и общественной жизни Петербурга - Петрограда - Ленинграда / [Науч. ред. И.Е. Баренбаум]. Л.: ЛГИК, 1984.
- [51] *Баренбаум И.Е.* Книжный Петербург: Три века истории: Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб.: КультИнформПресс, 2003.
- [52] *Рууд Ч.* Частный предприниматель московский издатель И.Д. Сытин. М.: изд-во Терра, город, 1993.
- [53] *Динерштейн Е.А.* И.Д. Сытин. М.: [б.и.], 1983.
- [54] *Динерштейн Е.А.* Иван Дмитриевич Сытин и его дело. М.: Моск. учеб., 2003.
- [55] *Динерштейн Е.А.* Символ эпохи (И.Д. Сытин на страницах эмигрантской печати) // Книга. Исследования и материалы. М.: Наука, 2009. Сб. 91/1-2. С. 135–164.
- [56] *Толстяков А.П.* Люди мысли и добра: Русские издатели К.Т. Солдатёнков и Н.П. Поляков. М.: Книга, 1984.
- [57] *Белов С.В.* Книгоиздатели Сабашниковы. М.: Московский рабочий, 1976.
- [58] *Вольман Б.* Русские нотные издания XIX – начала XX в. Л.: Музыка [Ленингр. отделение], 1970.
- [59] *Рассудовская Н.М.* Издатель Ф.Ф. Павленков. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1960.
- [60] *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин: Человек, сделавший карьеру. М.: РОССПЭН, 1998.
- [61] *Грачева Н.С.* Книгоиздательская деятельность экспедиции заготовления государственных бумаг: 1818–1919: диссертация ... кандидата ист. наук. М., 2004.
- [62] *Сухорукова Е.М.* Научная и издательская деятельность российских книговедческих обществ конца XIX – первой трети XX вв.: диссертация ... кандидата филол. наук. М., 2000.
- [63] *Либрович С.Ф.* На книжном посту: Воспоминания, записки, документы. Пг.; М.: т-во М.О. Вольф, 1916.

- [64] *Молчанова Д.С.* Товарищество «Р. Голике и А. Вильборг», поставщик Императорского двора // *Библиотекведение*. 2014. № 5. С. 70–75.
- [65] *Степанов И.* Предприятие И.А. Ефрона // *Книжное дело*. 1996. № 2–3. С. 82–84.
- [66] *Румянцева Т.Н.* Деятельность издательства «Брокгауз и Ефрон» в Петербурге-Петрограде-Ленинграде 1889–1931 гг.: Из истории прогрессивного книжного дела России конца XIX – начала XX в.: автореф. дисс. ... кандидата филол. наук. Л., 1987.
- [67] *Динерштейн Е.А.* «Фабрикант» читателей: А.Ф. Маркс. М.: Книга, 1986.
- [68] *Аксенова Г.В.* Самобытный разносторонний талант. О московском художнике Эрнесте Эрнестовиче Лисснере (1874–1941) // *Московский журнал*. 2014. № 4. С. 85–97.
- [69] *Демкина С.М.* Архитектор Ф.О. Шехтель: к 150-летию со дня рождения. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
- [70] Два художника: Предисловие // *Сказки и потешки*. Ред. В. Мещеряков. М.: «ИД Мещерякова», 2012. С. 3–7.
- [71] *Гиляровский В.А.* Москва и москвичи. М.: ГИЗ, 1935.
- [72] *Андреев Л.Н.* Письмо Максиму Горькому. 27–28 сентября 1904 г. // *Литературное наследство*. Т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. С. 226.
- [73] *Шмаков А.С.* Речь присяжного поверенного А.С. Шмакова в защиту эскадронного командира 13-го Уланского Владимирского полка В.И. Заблоцкого по обвинению его в мучениях и истязаниях рядового Лопузы, последствием коих была смерть этого рядового / Моск. воен. окр. суд. Заседания 27–30 окт. 1881 г. М.: А.А. Левенсон, 1881.
- [74] *Перепелкин А.П.* Итоги Всероссийской выставки домашних животных в Москве в 1882 г. М.: А.А. Левенсон, 1883.
- [75] *Загорский П.А.* Первый шаг в деле улучшения полевой культуры у крестьян Тотемского уезда, Вологодской губернии. М.: А.А. Левенсон, 1885.
- [76] *Абозин И.И.* Куроводство: Подробное описание кур различных пород с изложением правил ухода за ними. М.: А.А. Левенсон, 1885. 8+272+360 с.
- [77] *Перепелкин А.П.* Наблюдения из русской сельскохозяйственной практики. М.: А.А. Левенсон, 1884.
- [78] *Шарапов С.Ф.* Сообщение о плугах, изготовляемых в основанной им Сосновской мастерской. М.: А.А. Левенсон, 1885.
- [79] *Рейбмайр А.* Техника массажа. М.: А.А. Левенсон, 1885.
- [80] *Харузин А.Н.* Степные очерки: (Киргизская Букеевская орда. Странички из записной книги). М.: Торговый дом А.А. Левенсон и Ко, 1888.
- [81] *Харузин А.Н.* Киргизы Букеевской орды: (антрополого-этнологический очерк). М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1889–1891.
- [82] *Харузин Н.Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудоожского уезда, Олонцкой губернии. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1889.
- [83] Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России: (Обычное право, обряды, верования и пр.) / Под ред. Н.Н. Харузина. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1889. Вып. 1–3.
- [84] *Харузин Н.Н.* Русские лопари: (Очерки прошлого и современного быта). М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1890.
- [85] *Харузин М.Н.* Богородицкая гора в Эстляндии: (Древний памятник православия на Балтийском поморье). М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1889.

- [86] Жуковская Л.П. Архангельское евангелие 1092 года – уникальный памятник древнерусской и славянской письменности // Архангельское евангелие 1092 года: Исследования. Древнерусский текст. Указатели. М.: «Скрипторий», 1997. С. 5–10.
- [87] Неборский М.Ю. Факсимильное издание 1912 года Архангельского евангелия 1092 года (техника и процесс) // Архангельскому Евангелию 1092 года – 900 лет: Материалы научной конференции. М.: РГБ, 1995. С. 61–64.
- [88] Аксенова Г.В. «Приверженец и творец русского стиля»: О художнике Борисе Васильевиче Зворыкине (1872 – после 1935) // Московский журнал. 2012. № 8. С. 76–86.
- [89] Юниверг Л.И. 1881: 100 лет типографии // Памятные книжные даты / [Сост. Л.И. Юниверг и др.]. 1981. М.: Книга, 1981. С. 234–236.

Рукопись поступила в редакцию: 2 сентября 2017 г.

Для цитирования: Аксенова Г.В. Иностранцы – московские книгопечатники последней трети XIX – начала XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Том 16. № 4. С. 577–601. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-577-601.

Сведения об авторе: Аксенова Галина Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет (Москва, РФ).

MOSCOW PRINTERS-FOREIGNERS IN THE LAST THIRD OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

Galina V. Aksenova

Institute of History and Politics
Moscow Pedagogical State University
88 Vernadsky pr., Moscow, 115571, Russia
galax23@yandex.ru

The article considers the role of foreigners in the publishing business of Moscow in the last third of the 19th – early 20th century on the example of Moscow printers E.-C. A. Lissner and A.A. Levenson, whose ancestors came to Russia from Austria and Germany. The historiographical review showed that the history of Moscow publishing houses and foreign printers who arrived in Russia remains beyond the scope of the current scientific interest. There are analyzed the stages of the development of the publishing business, its features, printing findings, the specifics of the book market.

E.-C. A. Lissner and A.A. Levenson are the brightest figures in Russia in the field of publishing. Starting from scratch, they were able to create unique typography, in which it was possible to produce multicolour hard products, phototype table, to improve engraving, chromo-

lithography and colour photozincography. To perform these works, they attracted specialists who were able to develop and implement new ways of printing.

E.-C. A. Lissner and A.A. Levenson collaborated with the best artists of Russia helping to implement the ideas of publishing quality printed products that contributed to the aesthetic education of readers.

The article reveals the importance of the activities of the two publishers of German origin E.-C. A. Lissner and A. Levenson in the development of the Russian culture (literature and art) and the popularization of scientific knowledge. They laid new principles of publishing and printing of illustrations, created a new trend in book production. Their activities contributed to the opening of new names in literature and art, promotion of Russian printing technology and book production to both domestic and foreign markets, development of book art and improvement of printing.

Keywords: history of publishing, book culture of Russia, printing, A. A. Levenson, E. A. Lissner, Moscow, publishers, Russian culture

REFERENCES

- [1] Vladimirov PV. *Nachalo slavyanskogo i russkogo knigopechataniya v XV i XVI vv.* [The beginning of Slavic and Russian book-printing in the XV and XVI centuries]. Kiev: tip. N. Piljushhenko i K° Publ.; 1894 (in Russian).
- [2] Nemirovskij EL. *Knigi kirillovskoj pechati: katalog* [Cyrillic books printed: catalog]. Moscow: Pashkov dom Publ.; 2009 (in Russian).
- [3] Nemirovskij EL. *Slavyanskije izdaniya Kirillovskogo (tserkovnoslavyanskogo) shrifta: inventar' sokhranivshikhsya ehkzemplyarov i ukazatel' literatury* [Edition Cyril Slavic (old Church Slavonic font): inventory of preserved specimens and literature index]. Moscow: Znak Publ.; 2009 (in Russian).
- [4] Karataev IP. *Khronologicheskaya rospis' slavyanskikh knig, napechatannykh kirillovskimi bukvami. 1491–1730* [Chronological-painted Slavonic books, printed Cyril's letters. 1491–1730]. St-Petersburg: v tipografii Imperatorskoj Akademii Nauk Publ.; 1878 (in Russian).
- [5] *400 let russkogo knigopechataniya* [400 years of Russian typography]. Moscow: Nauka Publ.; 1964 (in Russian).
- [6] Nemirovskij EL. *Mir knigi: S drevnejshih vremen do nach. XX v.* [World of books: From ancient times to the early XX century]. Moscow: Kniga Publ.; 1986 (in Russian).
- [7] Nemirovskij EL. *Slavjanskoe knigopechatanie kirillovskim shriftom v XV–XVI vekah* [Slavonic typography Cyril's font in the XV–XVI centuries]. Moscow: Nauka Publ.; 1995 (in Russian).
- [8] Nemirovskij EL. *Istorija slavjanskogo kirillovskogo knigopechataniya XV – nachala XVII veka* [The history of the Slavic Cyril of printing in the XV–XVII century]. Moscow: Nauka Publ.; 2003 (in Russian).
- [9] Vladimirov PV. *Doktor Francisk Skorina: ego perevody, pechatnye izdaniya i jazyk* [Dr. Francis Skorina: his translations, printed editions and language]. St-Petersburg: Tipografija Imperatorskoj akademii nauk Publ.; 1888 (in Russian).
- [10] Vladimirovas LI. *Francisk Skorina – pervopechatnik vil'njusskij* [Francis Skaryna, the first printer in Vilnius]. Vilnius: Mokslas Publ.; 1975 (in Russian).

- [11] Nemirovskij EL. *Nachalo knigopechatanija v Belorussii i Litve; Zhizn' i dejatel'nost' Franciska Skoriny: Opisanie izd. i ukaz. lit., 1517–1977* [The beginning of book printing in Belarus and Lithuania; the Life and work of Francisk Skorina: a description of the ed. and the decree. lit., 1517–1977]. Moscow: GBL Publ.; 1978 (in Russian).
- [12] Podokshin SA. *Francisk Skorina* [Francisk Skorina]. Moscow: Mysl' Publ.; 1981 (in Russian).
- [13] Labynceva JuA. *Skorininskij kalendar': [K 500-letiju so dnja rozhdenija belorus. prosvetitelja Franciska Skoriny]* [Korenivski calendar: [the 500th anniversary of the birth of Belarusian enlightener Francysk Skaryna]. Minsk: Mastac. lit. Publ.; 1988 (in Russian).
- [14] Doroshkevich VI., Nemirovskij EL., eds. *Francisk Skorina: Sbornik dokumentov i materialov* [Francis Skaryna: a Collection of documents and materials]. Minsk: Nauka i tekhnika Publ.; 1988 (in Russian).
- [15] Simonii PK. *Knizhnaja trgovlja v Moskve XVIII–XIX stoletij* [Book trade in Moscow XVIII–XIX centuries]. Leningrad: Leningradskoe o-vo bibliofilov Publ.; 1927 (in Russian).
- [16] Muratov NV. *Knizhnoe delo v Rossii v XIX i XX vv. Oчерк istorii knigoizdatel'stva i knigotorgovli 1800–1917 gg.* [Book publishing in Russia in the XIX and XX and twentieth centuries, the history of book publishing and bookselling 1800–1917]. Moscow; Leningrad: Ogiz. Gos. soc.-jekon. izd-vo Publ.; 1931 (in Russian).
- [17] Barenbaum IE. *Istorija knigi* [Story book]. Moscow: Kniga Publ.; 1984 (in Russian).
- [18] Kufaeв MN. *Istorija russkoj knigi v XIX veke* [History of Russian books in the nineteenth century]. Moscow: Pashkov dom Publ.; 2003 (in Russian).
- [19] Barenbaum IE. *Knizhnyj Peterburg: Tri veka istorii: Oчерki izd. dela i kn. Torgovli* [Book Petersburg: Three centuries of history: Essays on publishing and the book trade]. St-Petersburg: Kul't Inform Press Publ.; 2003. 439 p (in Russian). Publ.
- [20] Dinershtejn EA. *Rossijskoe knigoizdanie (konec XVIII–XX v.)* [Publishing in Russia (the end of XVIII–XX centuries)]. Moscow: Nauka Publ.; 2004 (in Russian).
- [21] Lisovskij NM. *Sobiranie i razrabotka statisticheskikh svedenij o knigoizdatel'stve i periodicheskoj pechati v Rossii* [The gathering and elaboration of statistical data about book publishing and the periodical press in Russia]. St-Petersburg: Vlad Publ.; 1896 (in Russian).
- [22] Pokrovskij VI, ed. *Sbornik svedenij po istorii i statistike vneshnej trgovli Rossii* [Collection of information on the history and statistics of foreign trade of Russia]. St-Petersburg: Departament tamozhennyh sborov (tipo-lit. M.P. Frolovoj) Publ.; 1902 (in Russian).
- [23] Simonii PK. *Materialy k istorii russkoj knizhnoj trgovli* [Materials for the history of Russian book trade]. St-Petersburg: Knizhnaja birzha Publ.; 1906 (in Russian).
- [24] Muzi LS., Leman VV. *Knigoizdatel'stva v Rossii za 1908–1924 gg.: Statisticheskie dannye* [Book publishing in Russia for the years 1908–1924: Statistics]. *Krasnaja pechat' [Red stamp]*. 1926; (17–18): 46–58 (in Russian).
- [25] Sokurova MV. *Obshhie bibliografii russkikh knig grazhdanskoj pechati. 1708–1955: Annotir. ukazatel'* [General bibliography of Russian books of the civil press. 1708–1955: Annotated index]. Leningrad: [b. i.], 1956 (in Russian).
- [26] Shomrakova IA., Barenbaum IE. *Vseobshhaja istorija knigi: uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij* [General history of books: a textbook for students of higher educational institutions]. St-Petersburg: Professija Publ.; 2008 (in Russian).
- [27] Svichenskaja MK. *Chastnoe knigoizdanie Moskvy i Sankt-Peterburga: Istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy razvitija* [Private publishing of Moscow and St-Petersburg:

- History, modern condition, prospects of development]. Praha: Research support scheme Publ.; 2000 (in Russian).
- [28] Librovič SF. *Istorija knigi v Rossii* [History books in Russia]. St-Petersburg; Moscow: Tovarishhestvo M.O. Vol'f Publ.; 1914 (in Russian).
- [29] Muratov MV. *Knizhnoe delo v Rossii v XIX i XX vekah: Očerki istorii knigoizdatel'stva i knigotorgovli 1800–1917 gody* [Book publishing in Russia in the nineteenth and twentieth centuries: a history of book publishing and bookselling 1800–1917 years]. Moscow; Leningrad: Socjkgiz Publ.; 1931 (in Russian).
- [30] Kufaev MN. *Problemy filosofii knigi* [The problems of philosophy book]. Leningrad: Nachatki znanij Publ.; 1924 (in Russian).
- [31] Kufaev MN. *Bibliofilija i bibliomanija: psihofiziologija bibliofil'stva* [Bibliophilia and bibliomania: psychophysiology of bibliophilia]. Leningrad: Izd. Avtora Publ.; 1927 (in Russian).
- [32] Kufaev MN. *Istorija ruskoj knigi v XIX veke* [History of Russian books in the XIX century]. Leningrad: Nachatki znanij Publ.; 1927 (in Russian).
- [33] Adarjukov VJa., Sidorov AA. *Kniga v Rossii* [The book in Russia]. Moscow: Gos. izd-vo Publ.; 1924–1925 (in Russian).
- [34] Adarjukov AA, Sidorov VJa, eds. *Russkaja kniga devjatnadcatoj veka* [Russian art of the nineteenth century]. Moscow: Gos. izd-vo Publ.; 1925 (in Russian).
- [35] Sidorov AA. *Kniga i žizn'. Sbornik knigovedčeskich rabot* [Book and life. A collection of bibliographic works]. Moscow: Kniga Publ.; 1972 (in Russian).
- [36] Kacprzhak EI. *Istorija knigi* [Story book]. Moscow: Kniga Publ.; 1964 (in Russian).
- [37] Ljublinskij VS. *Kniga v istorii čelovečeskogo obščestva* [Book in the history of human society]. Moscow: Kniga Publ.; 1972 (in Russian).
- [38] Belov SV., Tolstjakova AP. *Russkie izdateli konca XIX – načala XX v.* [Russian publishers of the late XIX – early XX century]. Leningrad: Nauka Publ.; 1979 (in Russian).
- [39] Vinogradova LA. *Istorija knižnogo dela v Rossii (988–1917)* [The history of the book in Russia (988–1917)]. Moscow: MPI Publ.; 1991 (in Russian).
- [40] Gerasimova JuI. *Iz istorii ruskoj pečati v period revoljucionnyh situacij konca 1850–1860-h godov* [From the history of Russian press in the period of revolutionary situations the end of the 1850-1860-ies]. Moscow: Kniga Publ.; 1974 (in Russian).
- [41] Vasil'ev VI. *Kniga i knižnaja kul'tura na perełomnyh jetapah istorii Rossii: teorija, istorija, sovremennost'* [The book and book culture at critical stages of the history of Russia: theory, history, modernity]. Moscow: Nauka Publ.; 2005 (in Russian).
- [42] Belovickaja A.A. *Knigovedenie. Obščee knigovedenie: učebnik dlja studentov vysshih učebnyh zavedenij* [Bibliology. General bibliography: textbook for students of higher educational institutions]. Moscow: MGUP Publ.; 2006 (in Russian).
- [43] Belov SV. *Kniga v Rossii, 1850–1917 gg.: (materialy k ukazatelju sovetskoj literatury 1917–1982 gg.)* [The book in Russia, 1850–1917: (materials to index of Soviet literature, 1917–1982)]. Leningrad: GPB Publ.; 1983 (in Russian).
- [44] Belov SV. *Kniga v Rossii, 1850–1917 Materialy k ukazatelju sovetskoj literatury (1983–1990)* [The book in Russia, 1850–1917 Materials to the pointer of Soviet literature (1983–1990)]. Leningrad: GPB Publ.; 1991 (in Russian).
- [45] Fursenko LI. *Izdatel'skoe delo i problemy knigovedenija: Bibliografičeskij ukazatel', 1975–1979* [Publishing and bibliology problems: a Bibliography, 1975–1979]. Moscow: Kniga Publ.; 1981 (in Russian).

- [46] Fursenko LI. *Izdatel'skoe delo i problemy knigovedenija: Retrospektivnyj bibliograficheskij ukazatel', 1980–1983* [Publishing and issues of bibliology: a Retrospective bibliography, 1980–1983]. Moscow: Kniga Publ.; 1985 (in Russian).
- [47] Barenbaum IE., Belovickaja AA, Govorovi AA, eds. *Kniga: Jenciklopedija* [Books: Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija Publ.; 1998 (in Russian).
- [48] Dinershtejn E. *Akcionernye kompanii v izdatel'skom dele poreformennoj Rossii* [Joint-stock company in publishing the post-reform Russia]. Moscow; 1990 (in Russian).
- [49] Kuprijanova TG. *Predprinimatel'stvo v knizhnom dele: istoriografija, istorija, tendencii razvitija: monografija* [Business in the book business: historiography, history, trends]. Moscow: MGUP im. Ivana Fedorova Publ.; 2012 (in Russian).
- [50] Barenbaum IE, ed. *Knizhnoe delo v kul'turnoj i obshhestvennoj zhizni Peterburga – Petrograda – Leningrada* [Book publishing in the cultural and social life of Petersburg – Petrograd – Leningrad]. Leningrad: LGIK Publ.; 1984 (in Russian).
- [51] Barenbaum IE. *Knizhnyj Peterburg: Tri veka istorii: Oчерki izdatel'skogo dela i knizhnoj trgovli* [Book Petersburg: Three centuries of history: Essays on publishing and book trade]. St-Petersburg: Kul't Inform Press Publ.; 2003 (in Russian).
- [52] Ruud Ch. *Chastnyj predprinimatel' moskovskij izdatel' I.D. Sytin* [A private entrepreneur in Moscow, the publisher I.D. Sytin]. Moscow: Terra, gorod Publ.; 1993 (in Russian).
- [53] Dinershtejn EA. *I.D. Sytin*. Moscow: [b.i.] Publ.; 1983 (in Russian).
- [54] Dinershtejn EA. *Ivan Dmitrievich Sytin i ego delo* [Ivan Dmitrievich Sytin and his case]. Moscow: Moskovskii uchebnik Publ.; 2003 (in Russian).
- [55] Dinershtejn EA. *Simvol jepohi (I.D. Sytin na stranicah jemigrantskoj pečati). Kniga. Issledovanija i materialy* [A symbol of the era (I. D. Sytin in the pages of emigre print). Book. Studies and materials]. Moscow: Nauka Publ., 2009; 91/I-II: 135–164 (in Russian).
- [56] Tolstjakov AP. *Ljudi mysli i dobra: Russkie izdateli K.T. Soldatjonkov i N.P. Poljakov* [People thoughts and kindness: Russian publishers of K.T. Soldatenkov and N.P. Poljakov]. Moscow: Kniga Publ.; 1984 (in Russian).
- [57] Belov SV. *Knigoizdateli Sabashnikovy* [Publishers Sabashnikov's]. Moscow: Moskovskij rabochij Publ.; 1976 (in Russian).
- [58] Vol'man B. *Russkie notnye izdanija XIX – nachala XX v.* [Russian sheet music editions of XIX – beginning of XX century]. Leningrad: Muzyka Publ.; 1970 (in Russian).
- [59] Rassudovskaja NM. *Izdatel' F.F. Pavlenkov* [Publisher F.F. Pavlenkov]. Moscow: Izd-vo Vsesojuz. knizhnoj palaty Publ.; 1960 (in Russian).
- [60] Dinershtejn EA. *A.S. Suvorin: Chelovek, sdelavshij kar'eru* [A.S. Suvorin: a Man who has made a career]. Moscow: ROSSPJеN Publ.; 1998 (in Russian).
- [61] Gracheva NS. *Knigoizdatel'skaja dejatel'nost' jekspedicii zagotovlenija gosudarstvennyh bumag: 1818–1919* [Publishing activity of the expedition of storing state papers: 1818–1919]. Moscow; 2004 (in Russian).
- [62] Suhorukova EM. *Nauchnaja i izdatel'skaja dejatel'nost' rossijskih knigovedcheskih obshhestv konca XIX – pervoj treti XX vv.* [Scientific and publishing activities of the Russian bibliological societies of the late XIX – early XX centuries]. Moscow, 2000 (in Russian).
- [63] Librovič SF. *Na knizhnom postu: Vospominanija, zapiski, dokumenty* [Book post: Memories, notes, documents]. Petrograd; 1916 (in Russian).
- [64] Molchanova DS. The partnership «R. Golike and A. Vilborg» supplier of the Imperial court. *Bibliotekovedenie [Library science]*. 2014; (5): 70–75 (in Russian).
- [65] Stepanov I. *The Company I. A. Efron. Knizhnoe delo* [Book business]. 1996; (2–3): 82–84 (in Russian).

- [66] Rumjanceva TN. *Dejatel'nost' izdatel'stva «Brokgauz i Efron» v Peterburge-Petrograde-Leningrade 1889–1931 gg.: Iz istorii progresivnogo knizhnogo dela Rossii konca XIX – nachala XX v.* [The activities of the publishing house «Brokgauz and Efron» in St. Petersburg-Petrograd-Leningrad 1889–1931.: From the history of the progressive book business of Russia in the late XIX – early XX century]. Leningrad; 1987 (in Russian).
- [67] Dinershtejn EA. «Fabrikant» chitatelej: A.F. Marks [Fabrikant readers: A.F. Marx]. Moscow: Kniga Publ.; 1986 (in Russian).
- [68] Aksenova GV. Original versatile. About the Moscow artist Ernest Ernestovich in Lissner (1874–1941). *Moskovskij zhurnal [Moscow journal]*. 2014; (4): 85–97 (in Russian).
- [69] Demkina SM. *Arhitekt F.O. Shehtel': k 150-letiju so dnja rozhdenija* [Architect F.O. Shehtel: to the 150 anniversary from the birthday]. Moscow: IMLI RAN Publ.; 2009 (in Russian).
- [70] Meshherjakov V, ed. *Dva hudozhnika: Predislovie. Skazki i poteshki* [Two artists: Preface. Of fairy Tales and nursery rhymes]. Moscow: ID Meshherjakova Publ.; 2012: 3–7 (in Russian).
- [71] Giljarovskij VA. *Moskva i moskvichi* [Moscow and Muscovites]. Moscow: GIZ Publ.; 1935 (in Russian).
- [72] Andreev LN. Pis'mo Maksimu Gor'komu. 27–28 sentjabrja 1904 g. Literaturnoe nasledstvo [Letter To Maxim Gorky. 27–28 Sep. 1904. Literary legacy]. Moscow: Nauka Publ.; 72 (in Russian).
- [73] Shmakov AS. *Rech' prisjazhnogo poverennogo A.S. Shmakova v zashhitu jeskadronnogo komandira 13-go Ulanskogo Vladimirskogo polka V.I. Zablockogo po obvineniju ego v muchenijah i istjazanijah rjadovogo Lopuzy, posledstviem koih byla smert' jetogo rjadovogo* [Talking to an attorney A. S. Shmakov in defense of the squadron commander of the 13th Ulan regiment of Vladimir, V.I. Zabolotsky on charges he torments and tortures the ordinary Lousy, the consequence of which was the death of this ordinary]. Moscow: A.A. Levenson Publ.; 1881 (in Russian).
- [74] Perepelkin AP. *Itogi Vserossijskoj vystavki domashnih zhivotnyh v Moskve v 1882 g.* [The results of the all-Russia exhibition of domestic animals in Moscow in 1882]. Moscow: A.A. Levenson Publ.; 1883 (in Russian).
- [75] Zagorskij PA. *Pervyj shag v dele uluchshenija polevoj kul'tury u krest'jan Totemskogo uezda, Vologodskoj gubernii* [The first step in the improvement of field crops from farmers, Totma district, Vologda province]. Moscow: A.A. Levenson Publ.; 1885 (in Russian).
- [76] Abozin II. *Kurovodstvo: Podrobnoe opisanie kur razlichnyh porod s izlozheniem pravil uhoda za nimi* [Chicken breeding: a Detailed description of chickens of various breeds, outlining the rules of care]. Moscow: A.A. Levenson Publ.; 1885 (in Russian).
- [77] Perepelkin AP. *Nabljudenija iz russkoj sel'skohozjajstvennoj praktiki* [Monitoring of Russian agricultural practices]. Moscow: A.A. Levenson Publ.; 1884 (in Russian).
- [78] Sharapov SF. *Soobshhenie o plugah, izgotovljaemyh v osnovannoju im Sosnovskoj masterskoj* [The message of the plows manufactured to Sosnovskiy workshop]. Moscow: A.A. Levenson Publ.; 1885 (in Russian).
- [79] Rejbmajr A. *Tehnika massazha* [Massage technique]. Moscow: A.A. Levenson Publ.; 1885 (in Russian).
- [80] Haruzin AN. *Stepnye ocherki: (Kirgizskaja Bukeevskaja orda. Stranichki iz zapisnoj knigi)* [Steppe sketches: (Bukeyev Kirghiz Horde. Pages from notebook)]. Moscow: Torgovyj dom A.A. Levenson i Ko Publ.; 1888 (in Russian).

- [81] Haruzin AN. *Kirgizy Bukeevskoj ordy: (antropologo-jetnologicheskij ocherk)* [Kyrgyzs of bukeyev Horde: (anthropological and ethnological sketch)]. Moscow: Tovarishhestvo skoropechatni A.A. Levenson Publ.; 1889–1891 (in Russian).
- [82] Haruzin NN. *Iz materialov, sobrannyh sredi krest'jan Pudozhskogo uezda, Oloneckoj gubernii* [From the material collected among the peasants Pudozhsky uyezd, Olonets province]. Moscow: Tovarishhestvo skoropechatni A.A. Levenson, Publ.; 1889 (in Russian).
- [83] Haruzin NN. *Sbornik svedenij dlja izuchenija byta krest'janskogo naselenija Rossii: (Obychnoe pravo, obrjady, verovanija i pr.)* [Collection of information for the study of life of the peasant population of Russia: (Customary law, rituals, beliefs, etc.)]. Moscow: Tovarishhestvo skoropechatni A.A. Levenson Publ.; 1889: 4 (in Russian).
- [84] Haruzin NN. *Russkie lopari: (Ocherki proshlogo i sovremennogo byta)* [Russian Lapps: (Essays on the past and modern life)]. Moscow: Tovarishhestvo skoropechatni A.A. Levenson Publ.; 1890 (in Russian).
- [85] Haruzin MN. *Bogorodickaja gora v Jestljandii: (Drevnij pamjatnik pravoslavija na Baltijskom pomor'e)* [Bogoroditskaya mountain in Estonia: (an Ancient monument of Orthodoxy in the Baltic Pomerania)]. Moscow: Tovarishhestvo skoropechatni A.A. Levenson Publ.; 1889 (in Russian).
- [86] Zhukovskaja LP. *Arhangel'skoe evangelie 1092 goda – unikal'nyj pamjatnik drevnerusskoj i slavjanskoj pis'mennosti. Arhangel'skoe evangelie 1092 goda: Issledovanija. Drevnerusskij tekst. Ukazateli* [Archangel gospel 1092 year – a unique monument of ancient Russian and Slavic literature. *Archangel gospel 1092 year: Research. The old text. Pointers*]. Moscow: Skriptorij Publ.; 1997: 5–10 (in Russian).
- [87] Neborskij MJu. Faksimil'noe izdanie 1912 goda Arhangel'skogo evangelija 1092 goda (tehnika i process). Arhangel'skomu Evangeliju 1092 goda – 900 let: Materialy nauchnoj konferencii [Facsimile edition of 1912 of the Arkhangelsk gospel of 1092 years (technology and process). *Arkhangelsk gospel of 1092 years – 900 years: proceedings of the conference*]. Moscow: RGB Publ.; 1995: 61–64 (in Russian).
- [88] Aksenova GV. «The supporter and the Creator of the Russian style»: About the artist Boris Vasilevich Zvorykin (1872 – after 1935). *Moskovskij zhurnal* [Moscow journal]. 2012; (8): 76–86 (in Russian).
- [89] Juniverg LI. 1881: *100 let tipografii. Pamjatnye knizhnye daty. 1981* [100 years of typography. The book Memorable dates. 1981]. Moscow: Kniga Publ.; 1981: 234–236 (in Russian).

Article received: 2 September 2017

For citation: Galina V. Aksenova, Moscow printers-foreigners in the last third of the 19th – early 20th century. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 577–601. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-577-601.

About the author: Galina V. Aksenova, PhD (Doctor of Historical Sciences), Professor of the Department of Russian History of Institute of history and policy at The Moscow pedagogical state university (Moscow, Russia).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-602-616

ШАРЛЬ АНДРЕ ПОЦЦО ДИ БОРГО – КОРСИКАНЕЦ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ, «РЕШИВШИЙ СУДЬБЫ ФРАНЦИИ»¹

Е.В. Линькова

Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
e.v.linkova@yandex.ru

Статья посвящена изучению мировоззрения и деятельности Шарля Андре Поццо ди Борго – российского дипломата корсиканского происхождения. Автор рассматривает влияние Поццо ди Борго как на внешнеполитический курс России начала XIX в., так и на эволюцию отечественной общественной мысли, в частности, ее консервативного направления. Сквозь призму личной судьбы Поццо ди Борго анализируется сам феномен французской эмиграции в России в конце XVIII – начале XIX в. На основании документального материала автор определяет вклад Поццо ди Борго в урегулирование международных вопросов, связанных с решением общеевропейских проблем после наполеоновских войн, выявляет его роль в защите интересов России на мировой арене.

Ключевые слова. Поццо ди Борго, эмиграция, Корсика, Наполеон, Французская революция, Александр I, консерватизм, внешняя политика, общественная мысль

Введение

Среди французских эмигрантов, обосновавшихся в России и получивших здесь не только политическое убежище, но и достойную службу и положение в обществе, выделяется фигура Шарля Андре Поццо ди Борго – российского дипломата корсиканского происхождения. Именно ему были посвящены слова Наполеона Бонапарта о том, что «Поццо ди Борго посоветовал Александру I идти на Париж, что... решило судьбы Франции...» [1, с. 9]. Безусловно, Поццо ди Борго имел большое влияние на российскую внешнюю политику первой четверти XIX в., что сыграло важную роль в определении места России на международной арене в Европе после наполеоновских войн.

¹ Статья выполнена в рамках реализации НИР по теме №100515-0-000 «Иностранцы в России и о России: миграция, адаптация и культурное взаимодействие».

Изучая деятельность корсиканского эмигранта в России, необходимо остановиться на некоторых этапах жизни Поццо ди Борго, а также осветить проблему французской эмиграции после революционных событий во Франции в 1789–1790-е гг. Немаловажным аспектом при анализе деятельности Поццо ди Борго является в том числе исследование не только русско-французских отношений в данный период, но и обращение к малоизученной проблеме связей между Россией и Корсикой – регионом, который традиционно позиционировал себя как независимое государство.

С большой долей сомнения можно говорить о существовании тесных российско-корсиканских дипломатических, экономических и гуманитарных отношений в XVIII в. (т.е. в тот период, пока Корсика еще не являлась частью Франции). Однако еще в XVIII столетии имели место контакты (хоть весьма непрочные и эпизодические) между Россией и Корсикой. Известно также, что российская императрица Екатерина II и ее окружение (в лице А.А. Безбородко, Г.А. Потемкина) задумывались о возможной активизации внешней политики России в средиземноморском регионе. И в этом смысле поддержка Россией правительства Корсики в лице генерала Паскаля Паоли [2], возможно, виделась русской стороной как создание определенной зоны напряженности для Франции, как некий противовес французскому влиянию в Средиземноморье. В частности, генерал Паоли рассматривал возможность осуществления проекта «свободной Корсики под протекторатом великой державы» [3, с. 322], и подобную сильную руку можно было бы найти в лице России. Однако данные проекты так и не были оформлены, не получив и в силу ряда причин своего дальнейшего развития. Но именно во второй половине XVIII в. Корсика и Россия узнают друг друга, начинают устанавливать контакты, если не политические, то персональные [4; 5].

История России и Корсики будет не раз переплетаться, а гуманитарные связи станут со временем достаточно прочными [6]. Однако в конце XVIII – начале XIX в. корсиканцы на русской службе и в целом в России были нечастым явлением. Например, в общем списке французов, находящихся на службе в России в конце XVIII в., можно обнаружить фамилию и сведения лишь об одном корсиканце – капитане Антуане Генри, выходеце из г. Бастии, проживавшем в Москве со своей семьей [7, с. 154, 387].

Тем не менее события во Франции, и прежде всего революция, заставили корсиканцев, так же как и представителей французской знати, искать для себя политическое убежище. И в этом смысле Поццо ди Борго не был исключением. Он выбрал Россию, получил русское подданство и поступил на службу к русским императорам. Известно, что корсиканец принимал участие в походах А.В. Суворова, т.е. его служба в России начиналась на военном, а не дипломатическом поприще. Можно отметить, что именно России Поццо ди Борго, став видным дипломатом МИД, посвятил большую часть своей жизни.

Безусловно, сложно говорить о том, что дипломат «забыл» о своей Родине. Однако, заботясь о сохранении Франции, о восстановлении монархическо-

го режима, Поццо ди Борго руководствовался и интересами России, которой, по его мнению, было необходимо спокойствие в Европе, отсутствие войн, революций и потрясений.

Степень изученности данной темы в историографии отличается неравномерностью. С одной стороны, в отечественной и зарубежной исторической науке существует немало работ, посвященных изучению деятельности французских эмигрантов в России. Французы на русской службе – это тот аспект в истории двусторонних отношений, который довольно подробно освещался и в российской, и во французской литературе. Благодаря обширной источниковой базе: мемуарам иностранцев, их послужным спискам и т.д., исследователи составили представление об особенностях послереволюционной волны эмиграции, об основных местах расселения, видах деятельности и судьбе французов в России [8–12].

Корсиканская эмиграция едва ли может быть выделена в особую проблему, т.к. корсиканцы в России, во-первых, были весьма малочисленны и не обособлены от основной массы французов. Национальная идентичность корсиканцев, их принадлежность Франции вызывала массу дискуссий и споров. Но несмотря на это в научной литературе не сложилось традиции дифференциации корсиканской эмиграции из общефранцузской. Однако многие корсиканцы позиционировали себя обособленно не только от Франции, но и Италии. Поэтому на вопрос французского автора Альфреда де Виньи: «Корсиканцы имеют сердце французское или итальянское?» Поццо ди Борго отвечал: «Корсиканское» [1, с. 11]. Несмотря на подобное суждение, дипломат многое сделал для возвращения Франции утраченного после разгрома Наполеона статуса великой европейской державы.

Историографический анализ данной проблемы будет неполным без упоминания специальной литературы, посвященной личности и деятельности Поццо ди Борго. Французские авторы (М. Верже-Франчески, И. Туссэн, П. Ордиони и др. [1; 13; 14]) остановились на исследовании основных событий в жизни корсиканского общественного и государственного деятеля, его окружения, карьеры, воззрений. С другой стороны, представляется весьма интересным сконцентрировать внимание в том числе и на таких аспектах, как влияние взглядов корсиканца на развитие российской общественно-политической мысли, эволюцию курса внешней политики, дифференциацию и трансформацию образа Наполеона Бонапарта в отечественном общественном сознании под воздействием убеждений Поццо ди Борго. Данные аспекты в меньшей степени привлекали внимание исследователей и заслуживают отдельного анализа.

Главным критерием при выборе источников послужила степень освещенности в них деятельности Поццо ди Борго в качестве российского дипломата, а также внешнеполитической проблематики исследуемого периода. Основными источниками для написания данной статьи послужили дипломатические депеши, донесения Поццо ди Борго, а также труды отечественных мыслителей.

лей консервативного направления. Именно в суждениях русских консерваторов нашли свое продолжение многие геополитические и общественные установки Поццо ди Борго. Определенный интерес представляют также работы французских теоретиков консерватизма, например, Франсуа Рене де Шатобриана [15] и Жозефа де Местра [16; 17]. В трудах Шатобриана представлены общие для большинства роялистов и эмигрантов начала XIX в. установки, касающиеся революции, общественного развития, личности и судьбы Наполеона Бонапарта и особенностей развития государственности с приходом к власти «императора французов».

Ж. де Местр оказал непосредственное влияние на развитие консервативной мысли России. Являясь теоретиком французского консерватизма, Ж. де Местр в полной мере раскрыл сущность ключевых аспектов консервативной мысли, определил такие ее константы, как религия, приверженность монархизму и т.д. Работы данных мыслителей представляют определенную значимость в рамках изучения деятельности и воззрений Поццо ди Борго, т.к. позволяют на теоретическом уровне объяснить многие ключевые аспекты в концепции дипломата, которая в большей степени носила практический характер.

При подготовке данной статьи автор использовал историко-антропологический, сравнительно-исторический методы, которые позволили не только провести анализ исторических источников, но и составить целостное представление о личности и деятельности Поццо ди Борго, проследить за влиянием его идей на курс российского правительства, на эволюцию общественной мысли России, выделить ряд ключевых аспектов в исследовании проблемы адаптации эмигрантов в России в конце XVIII – начале XIX столетия.

Представляется необходимым отметить, что Поццо ди Борго, находясь на дипломатической службе, принимал участие в разработке внешнеполитического курса России, на практике реализовывал те установки, которые составляли суть геополитической доктрины в годы правления как Александра I, так и Николая I. Не будучи теоретиком по роду своей деятельности, Поццо ди Борго в большой степени поспособствовал эволюции «национальной идеи» России, привнеся элементы, свойственные для французского консерватизма первой четверти XIX в.

Служба в России и ее особенности в представлении Шарля Андре Поццо ди Борго

Разработка проблемы иностранцев на русской службе требует проведения специального анализа ряда ее аспектов. Прежде всего, необходимо выявить и определить влияние (положительное или негативное) того или иного эмигранта, занявшего важный государственный пост, на развитие внутривнутриполитической жизни в стране, на эволюцию курса внешней политики. В случае с Поццо ди Борго довольно сложно сделать однозначное заключение по по-

воду того, изменила ли служба России мировоззрение корсиканца. В Россию он прибыл человеком с уже сложившимися взглядами и идеями, имел четкое представление о ситуации в Европе, собственные предпочтения, был ярким противником революции, Наполеона и сторонником монархической власти.

Собственно, эти же взгляды он продолжил развивать и в России, в не-малой степени повлияв на развитие ее внешнеполитического курса в годы правления Александра I. Важным является также вопрос о том, готов ли был Поццо ди Борго менять некоторые свои убеждения, исходя из российских реалий, задумываясь о том, что необходимо именно России, а не Франции или Корсике. Рассуждая о влиянии Поццо ди Борго на выработку внешнеполитического курса России, на формирование взглядов российских мыслителей и государственных деятелей, стоит обратить внимание на такие аспекты, как трансформация мировоззрения человека, оказавшегося в эмиграции. С одной стороны, Поццо ди Борго, как и многие другие мигранты-роялисты, прибыл в Россию с определенными убеждениями, сложившимися в условиях жесткого политического противостояния на Родине. С другой, – жизнь вне родной страны предполагает определенную трансформацию сознания, приспособления к новым условиям, традициям, быту, необходимость «мыслить иначе»¹.

Император Николай I говорил о «незнании» дипломатом России: «Он знает Францию, но вовсе не знает России. Он провел в ней от силы четыре месяца; я пригласил его нарочно для того, чтобы он хоть немного познакомился с Россией и со мной; я убедился, что мы никогда не пойдем друг друга» [18, с. 179–180]. Российские мыслители отмечали, что иностранцу непросто понять и принять историческую миссию России, тем более по-настоящему служить России, не зная традиций и особенностей страны. Славянофил К.С. Аксаков писал: «Россия – земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны. Очень ошибутся те, которые вздумают прилагать к ней европейские воззрения и на основании их судить о ней» [19, с. 160]. Сам же Поццо ди Борго полагал, что сможет принести России пользу и сводил свою возможную деятельность к нескольким аспектам: «1) использование природных способностей; 2) дипломатическая служба; 3) опыт работы (в частности в Великобритании) и знания в области внутренней политики, экономики и т.д.»².

¹ Материалы Международного colloквиума «Вторая Родина. Жить и мыслить по-другому. Университетская лаборатория истории, культуры, Италии, Европы». Университет Гренобль-Альпы, Гренобль, Франция. 8–10 ноября 2016 г.

² Собственноручная записка г. Поццо ди Борго о нем самом, представленная им послу русск. в Вене, графу Разумовскому, 1-го июля нов. ст. 1804 года // Сборник Русского исторического общества. Том 2. Москва, 1868. URL: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/212/SRIO-002.pdf>.

Внешнеполитические взгляды Поццо ди Борго

Ключевым аспектом при изучении деятельности Поццо ди Борго является вопрос о влиянии дипломата на внешнеполитический курс России, а также на формирование и эволюцию геополитических проектов отечественных мыслителей, в частности консервативного направления.

В своих донесениях К.В. Нессельроде Поццо ди Борго подробно описывал французские реалии, сокрушаясь по поводу отсутствия особых политических талантов у французского руководства, не способного объединить общество, следовать курсу, направленному на возвращение величия Франции и ее международного авторитета [18, с. 21–29].

Для Поццо ди Борго стабилизация ситуации во Франции являлась залогом преодоления революционных потрясений конца XVIII в. Помимо установления адекватного управления во Франции дипломат настаивал на том, что освобождение Франции от военного контингента зарубежных стран будет способствовать нормализации ситуации внутри страны: «необходимость освободить Францию от войск иностранных государств является признанным фактом»¹. Известно, что вывод иностранных армий с французских территорий начался уже в 1814 г., например, в официальном печатном органе Франции – газете «*Moniteur Universel*» от 5 мая 1814 г. говорится о том, что иностранные войска покинули город Страсбург 28 апреля, что способствовало выходу Франции из военной «блокады»². И когда наконец армии союзников были выведены с территории Франции, Поццо ди Борго отмечал, что «это великое событие являлось целью моей работы на протяжении более чем трех лет»³. В этом смысле Поццо ди Борго размышлял в духе современных ему роялистских установок, свойственных для французских консерваторов. Так, например, французский мыслитель и дипломат Ж. де Местр подчеркивал неизбежность реставрации монархии, которая виделась ему своего рода выздоровлением после болезни. Примечательно, что реставрация не была связана в представлениях де Местра с вооруженным вмешательством эмигрантов, получающих поддержку со стороны Австрии и Пруссии. Иностранные войска на земле Франции могли бы лишь спровоцировать еще большую нестабильность во внутривнутриполитической обстановке.

Поццо ди Борго, будучи далек от религиозных, а подчас и мистических идей Ж. де Местра, оставаясь реалистом в своих суждениях и практиком по

¹ Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo, ambassadeur de Russie en France et du comte de Nesselrode depuis la restauration des Bourbons jusqu'au Congrès d'Aix-la-Chapelle, 1814–1818. Paris, 1897. P. 519.

² *Moniteur Universel*. 05.05.1814. P. 2.

³ Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo, ambassadeur de Russie en France et du comte de Nesselrode depuis la restauration des Bourbons jusqu'au Congrès d'Aix-la-Chapelle, 1814–1818. Paris, 1897. P. 598.

роду своей деятельности, также полагал, что залог спокойствия в Европе – это стабильность во Франции, но этого можно достичь лишь благодаря заключению общеевропейского альянса. Он полагал, что «Европа для общего спокойствия должна заключить общий союз»¹, который будет сдерживать революционные движения и обеспечит восстановление порядка после длительных войн начала XIX в. Кроме того, в «союзе русского и французского влияния» Поццо ди Борго видел «...формулу мира», необходимого для Европы [14, с. 184]. Дипломат настаивал, что необходимо следовать курсу, намеченному российским кабинетом. По его словам, «предложения, сделанные нашим кабинетом, кажутся мне простыми, легкими, понятными; их целью является достижение внутренней стабильности во Франции, мира в Европе и предполагают для достижения этой достойной похвалы цели, прямое и дружественное сотрудничество»².

Можно отметить, что после победы над Наполеоном в общественном сознании европейцев утверждаются настроения, связанные со строительством новой политической реальности. Идеи формирования нового общеевропейского порядка буквально витали в воздухе. Так, например, именно первые годы после эпохи наполеоновских войн были особенно отмечены «национальным брожением» [20, с. 3]. Эти явления были связаны с развитием политических свобод, обсуждением вопросов национального освобождения и объединения. «Разбитые на клочки народы, чувствовавшие свое тожество, единственным путем для общественного развития» называли «национально-политическое объединение, которое одно обещало дать удовлетворение национальному чувству и политическую свободу» [20, с. 3]. Подобное движение было свойственно и для Германии, и для Италии, а также для славянского мира.

Безусловно, судьбоносных решений ожидали от Венского конгресса. И во многом надежды были связаны в том числе с появлением новых механизмов во взаимодействии народов Европы, с возможностями предотвращения войн.

В данный период появляются первые концепции объединения Европы, политики и общественные деятели занялись разработкой принципов подобного единства. В частности, предлагаемые проекты сводились в основном к дискуссиям вокруг имперского или федеративного принципов, а также объединения на основе католической церкви.

Так, например, консервативный мыслитель Л.Г.А. Бональд в своей брошюре «Размышление об общем интересе Европы» сравнивал значимость Венского конгресса с Вестфальским миром 1648 г. Он отмечал, что если Вестфальский мир покончил с религиозным противостоянием, которое явилось следствием Реформации, то Венский конгресс подвел итог революции, «по-

¹ Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo, ambassadeur de Russie en France et du comte de Nesselrode depuis la restauration des Bourbons jusqu'au Congrès d'Aix-la-Chapelle, 1814–1818. Paris, 1897. P. 327.

² Ibid. P. 522.

рожденной так называемыми философскими идеями, которые на самом деле есть вырождение Реформации, и крайняя степень ее учения» [21]. Более того, судьба Венского договора должна быть намного более долговечной, «надо надеяться, что он будет шедевром политики – науки, ставящей народы в наиболее естественное, а, следовательно, наиболее стабильное положение» [21]. Основой подобной стабильности должен явиться монархический принцип устройства власти.

Суждения Бональда в этом смысле, являясь по сути выражением ультраконсервативных, роялистских установок, оказались особенно близки концепциям таких деятелей, как Ж. де Местр и Поццо ди Борго. Именно Поццо ди Борго, находясь буквально в центре событий посленаполеоновской Европы, был назначен Александром I в качестве комиссара-генерала¹ при созданном Временном правительстве во Франции, что давало дипломату возможность на практике реализовать свои надежды на достижение стабильности и победы над Революцией.

Можно отметить, что если внешнеполитические взгляды Поццо ди Борго касались в большей степени вопросов европейского устройства после наполеоновских войн, то внутривнутриполитические оказали существенное воздействие на развитие отечественной общественной мысли, в особенности ее консервативного крыла. Подобные воззрения становятся характерными для славянофилов, представителей русского консерватизма: М.П. Погодина, Ф.И. Тютчева, М.Н. Каткова и др. Безусловно, геополитические построения российских консерваторов первой половины XIX в. складывались и эволюционировали под влиянием тех процессов, которые происходили на международной арене. В частности, речь идет и об Отечественной войне 1812 г., об обострении восточного вопроса в 1820–1849-е гг., о революционных потрясениях в Европе, о Крымской кампании. Однако суждения, выдвинутые такими мыслителями, как Ж. де Местр и Поццо ди Борго, относительно роли и места России на мировой арене, во многом укрепились и получили свое дальнейшее развитие в концепции отечественных государственных и общественных деятелей. Так, анализируя события первой четверти XIX в., Ф.И. Тютчев писал об особой, фактически определяющей, роли России в европейской политике, что, например, наглядно показало вторжение Наполеона в 1812 г.: «Поразительно: личный враг Наполеона – Англия. И тем не менее разбился-то он об Россию. Ибо именно Россия была его истинным противником – борьба между ними была борьбой между законной Империей и коронованной Революцией» [22]. Продолжая идеи французских роялистов, российские консерваторы выступали против революционных проектов переустройства России.

Несомненно, идеи Поццо ди Борго нашли свой отклик и продолжение в общественно-политических установках отечественных мыслителей, в боль-

¹ Moniteur Universel. 05.04.1814. P. 2.

шей степени консервативного направления. Собственно, корсиканский и, в целом, французский опыт развития общественных отношений, политической борьбы и т.д. являлся прекрасным примером для осмысления истоков революции. И Поццо ди Борго, наблюдая подобный пример, осознавал, что лишь несколько шагов может отделять от зарождения революционной идеи к ее воплощению на практике. Нарастание революционной волны заметно, например, по документам департамента Корсика (откуда был родом Поццо ди Борго), в частности, по воззваниям Генерального Совета департамента к городам Франции. Революционные призывы, обличения королевской власти, стремление сбросить «рабство» и достичь «свободы» – вот какими заявлениями пестрят документы периода 1789 – начала 1790-х гг.¹

Анализируя влияние воззрений французских эмигрантов, служивших русскому двору в первой половине XIX в., и в частности Поццо ди Борго, на эволюцию внешнеполитического курса России, на общественно-политическую мысль, можно выделить и еще один немаловажный аспект. Данный период характеризуется активизацией полемики по вопросам мировой и российской истории. И помимо изучения традиций политической и социальной жизни России отечественные мыслители в своих теоретико-методологических построениях неизбежно обращались к вопросу о месте России в мировом историческом процессе, в особенности в рамках традиционной историософской парадигмы «Россия–Запад». Россия на протяжении своей многовековой истории постоянно стремилась к разрешению сложнейшего вопроса о своей роли в мировой цивилизации. И, по мнению российских консерваторов, эта роль в полной мере проявилась в ходе наполеоновских войн, когда Россия превратилась в ту державу, которая могла оказывать существенное влияние на европейскую политическую ситуацию, в частности, привнося консервативные, антиреволюционные элементы. Именно об этой важной функции России в мире и писал Поццо ди Борго, призывая российский кабинет всеми силами способствовать стабилизации ситуации во Франции и в Европе в целом.

Немаловажным аспектом воззрений Поццо ди Борго является его восприятие Наполеона и наполеоновской Франции, его суждения относительно власти и личности французского императора. Его оценки в немалой степени повлияли на эволюцию образа Наполеона в представлениях российской политической и интеллектуальной элиты. Французский историк М. Верже-Франчески вполне справедливо называет Поццо ди Борго заклятым врагом Наполеона [1]. Подобная непримиримость в отношении своего политического оппонента была свойственна дипломату и в годы пребывания в России. Личность Наполеона, его деятельность, военные кампании, победы и поражения, – все эти проблемы активно обсуждались в российском и европейском обществе.

¹ Archives departementales. Departement de la Corse du sud. Le Conseil général du Département de Corse aux départements et clubs de Marseille et de Toulon. Fevrier 1793 // Troublespolitiques. 1L93. L. 2.

Образ французского императора претерпевал определенные изменения, романтический ореол начала XIX в. постепенно сменялся критикой, отношением к Наполеону как к тирану, правителю «деспотической Франции» [23, с. 205]. Наполеон представлялся своеобразным «продуктом» Революции, т.е. того начала, которое априори противостоит русским традиционным ценностям, самодержавию, соборности, поступательному развитию, основанному на уважении традиций и истории (например, в этой связи И.С. Аксаков вспоминает слова самого Наполеона о силе русского национального начала: «Стоит только русскому Императору отпустить себе бороду, и он непобедим...» [23, с. 221]).

Выводы

Можно отметить, что изучение личности, взглядов и деятельности Поццо ди Борго открывает перед исследователями возможность обращения к широкому спектру вопросов, связанных с ролью иностранцев на русской службе, с определением их вклада в развитие государства, общества и отдельных сфер общественно-политической жизни страны. Эмигранты попадали в Россию по разным причинам: «одни мечтали разбогатеть, другие – уйти от тягостного прошлого и начать жить заново...» [24, с. 93], третьи – бежали от революционных потрясений в надежде найти политическое убежище. Французская миграция в Россию имела место уже в XVII – начале XVIII вв. и была довольно распространенным явлением.

Представляется важным и то, что на примере деятельности Поццо ди Борго можно выявить и рассмотреть влияние взглядов эмигрантов на эволюцию не только внутренней и внешней политики, но и на развитие общественной мысли, в частности на оформление отечественного консервативного направления. Более того, личные воззрения Поццо ди Борго в немалой степени повлияли на эволюцию образа такой фигуры мирового масштаба, как Наполеон Бонапарт. Поццо ди Борго внес свой заметный вклад в деромантизацию личности императора, в распространение критического восприятия его деятельности, что нашло определенный отклик и свое продолжение в доктрине российских консерваторов. И именно корсиканский эмигрант, став российским дипломатом, выступил одним из главных оппонентов Наполеона на международной арене, подталкивая императора Александра I к решительным действиям против наполеоновской Франции. Все же, видимо, можно согласиться со словами французского императора, который говорил о Поццо ди Борго как о человеке, определившем судьбу Франции.

Интересным является и тот факт, что в XIX в. в России фамилия корсиканца становится нарицательной и нередко олицетворяется с профессией дипломата. П.А. Вяземский отмечал, что «у нашего провинциала все русские послы и посланники Поццо ди Борги...» [25, с. 652]. Вот почему вполне обо-

снованно можно говорить о том, что случай Поццо ди Борго – корсиканского эмигранта на русской службе – это замечательный пример служения иностранца России в условиях общеевропейских потрясений.

© Линькова Е.В., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Литература

- [1] *Vergé-Franceschi M.* Pozzo di Borgo. L'ennemi juré de Napoléon. Paris: Editions Payot et Rivages, 2016.
- [2] *Vergé-Franceschi M.* Paoli : Un Corse des Lumières. Paris: Fayard, 2005.
- [3] *Graziani A-M.* Pascal Paoli. Père de la Patrie corse. Paris: Tallandier, 2002.
- [4] *Bély L.* Catherine II, Pascal de Paoli et l'Empire ottoman // La Corse, la Méditerranée et la Russie. Seizièmes Journées Universitaires d'Histoire maritime de Bonifacio. Mai 2014. Ajaccio, 2014. Pp. 49–60.
- [5] *Черкасов П.П.* Шпионские и иные истории из архивов России и Франции. URL: <http://fictionbook.ru/static/trials/11/97/85/11978529.a4.pdf> (доступ от 03.09.2017).
- [6] *Bagni B.* Les Russes en Corse//Etudes corses. Paris, 1995.
- [7] Les français en Russie au siècle des Lumières. / Publ. sous la direction de A. Mézin, V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire : Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2011. T. 1.
- [8] *Rjéoutski V.* La communauté francophone de Moscou sous le règne de Catherine II // Revue des études slaves. Paris, 1996. P. 445–461.
- [9] L'influence française en Russie au XVIIIème siècle / Publ. sous la direction J.-P. Poussou, A. Mézin, Y. Perret-Gentil. Paris: Institut d'études slaves, Presse université de Paris-Sorbonne, 2004.
- [10] *Мезен А., Ржеутский В.* Французская колония в России XVIII в.: источники и проблемы исследования // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVIII–XX вв.) М: ИНИОН РАН, 2002. С. 92–103.
- [11] Великая французская революция и Россия / Под ред. А.В Адо, В.Г. Сироткина. М.: Прогресс, 1989.
- [12] *Rance K.* L'historiographie de l'émigration // Les noblesses françaises dans l'Europe de la Révolution. Rennes: Presses Universitaires de Rennes & Presse Universitaire Blaise-Pascal Rennes, Clermont-Ferrand; 2010. Pp. 355–368.
- [13] *Туссэн И.* Поццо диБорго: Другой корсиканец. Человек, который ненавидел Наполеона. Спб.: Крига, 2013.
- [14] *Ordioni P.* Pozzo di Borgo. Diplomate de l'Europe française. Paris: Librairie Plon, 1935.
- [15] *Шатобриан Ф.Р.* Замогильные записки. М.: Издательство Сабашниковых, 1995.
- [16] *Местр Ж.* де Петербургские письма. 1803–1817. Спб.: ИНАПРЕСС, 1995.
- [17] *Местр Ж.* де Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. Спб.: Владимир Даль, 2007.
- [18] *Мильчина В.А.* Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. Спб.: «ГИПЕРИОН», 2006.

- [19] Русская историософия. Антология / Составители тома: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: РОССПЭН, 2006.
- [20] *Пытин А.Н.* Панславизм в прошлом и настоящем. М.: Граница, 2002.
- [21] *Bonald L. G. A.* Réflexions sur l'intérêt général de l'Europe, suivies de quelques considérations sur la noblesse. Paris, 1815. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k206528/f6.image>.
- [22] *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 3. М.: Издательский Центр «Классика», 2003.
- [23] *Аксаков И.С.* Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002.
- [24] Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVIII–XX вв.) / Отв. ред. В.Я. Берелович. М.: ИНИОН РАН, 2002.
- [25] *Вяземский П.А.* Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003.

2. Документы и материалы

- [26] Archives départementales. Département de la Corse du sud. Le Conseil général du Département de Corse aux départements et clubs de Marseille et de Toulon. Février 1793 // Troubles politiques. 1L93. L. 2.
- [27] Correspondance diplomatique du comte Pozzo di Borgo, ambassadeur de Russie en France et du comte de Nesselrode depuis la restauration des Bourbons jusqu'au Congrès d'Aix-la-Chapelle, 1814–1818. Paris, 1897. P. 519.
- [28] Moniteur Universel. 05.04.1814. P. 2.
- [29] Moniteur Universel. 05.05.1814. P. 2.
- [30] Материалы Международного коллоквиума «Вторая Родина. Жить и мыслить по-другому». Университетская лаборатория истории, культуры, Италии, Европы», Университет Гренобль-Альпы, Гренобль, Франция. 8–10 ноября 2016 г. Гренобль, 2016.
- [31] Собственноручная записка г. Поццо ди Борго о нем самом, представленная им послу русск. в Вене, графу Разумовскому, 1-го июля нов. ст. 1804 года // Сборник Русского исторического общества. Том. 2. Москва, 1868. URL: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/212/SRIO-002.pdf>.

Рукопись поступила в редакцию: 5 сентября 2017 г.

Для цитирования: *Линькова Е.В.* Шарль Андре Поццо ди Борго – корсиканец на русской службе, «решивший судьбы Франции» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2017. Том 16. № 4. С. 602–616. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-602-616.

Информация об авторе: *Линькова Елена Валентиновна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России Российского университета дружбы народов (Москва, РФ).

**CARLO ANDREA POZZO DI BORGIO –
A CORSICAN IN RUSSIAN SERVICE,
WHO “SHAPED DESTINY OF FRANCE”**

Elena V. Linkova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198

e.v.linkova@yandex.ru

The article is devoted to the study of the worldview and activities of Carlo Andrea Pozzo di Borgo, the Russian diplomat of Corsican descent. The author considers such aspects as the role and influence of Pozzo di Borgo on the foreign policy of Russia in the early 19th century, on the evolution of the Russian social thought, in particular, its conservative direction.

It is also important to analyze the very phenomenon of French emigration in Russia in the late 18th – early 19th centuries. The French revolution was an important stage of the Russian-French rapprochement. Despite the political and ideological confrontation between the revolutionary France and autocratic Russia, one can observe the development of humanitarian relations, intercultural contacts, etc., which was carried out largely due to the French emigrants in the Russian service.

In the late 18th – early 19th centuries in Russia, at the invitation of Catherine II and later Paul I, there came a large number of French emigrants-royalists, who, when making an oath of loyalty to the monarchical regime, not only retained their titles in Russia, but also got high positions in the government, property, position in the society etc. The diplomatic activities of Pozzo di Borgo is an example of such service to «the Second Homeland» – that is, Russia. Pozzo di Borgo played an important role in resolving international issues of Europe after the Napoleonic wars, tried to implement the concept of a stable Europe, in which the primary role was played by the monarchical principles and the legitimacy of the authorities.

The general conclusion of the article is the recognition of the contribution of Pozzo di Borgo not only to the settlement of the international issues related to the solution to European problems after the Napoleonic wars, but also to the determination of Russia's position in the world. In the context of the public policy debates that unfolded in Russia in 1830–1840, Pozzo di Borgo's views played a key role in the evolution of the Russian conservative thought as well as the foreign policy course of Alexander I.

Keywords: Pozzo di Borgo, emigration, Corsica, Napoleon, French Revolution, Alexander I, conservatism, social thought

REFERENCES

- [1] Vergé-Franceschi M. Pozzo di Borgo. *L'ennemi juré de Napoléon*. Paris: Editions Payot et Rivages; 2016.
- [2] Vergé-Franceschi M. *Paoli : Un Corse des Lumières*. Paris: Fayard; 2005.
- [3] Graziani A-M. *Pascal Paoli. Père de la Patrie corse*. Paris: Tallandier; 2002.

- [4] Bély L. Catherine II, Pascal de Paoli et l'Empire ottoman. *La Corse, la Méditerranée et la Russie. Seizièmes Journées Universitaires d'Histoire maritime de Bonifacio. Mai 2014.* Ajaccio, 2014: 49–60.
- [5] Cherkasov PP. *Shpionskie i inye istorii iz arhivov Francii* [Spyware and other stories from the archives of Russia and France]. Available at: fictionbook.ru/static/trials/11/97/85/11978529.a4.pdf (Date of access: 03.09.2017) (in Russian).
- [6] Bagni B. Les Russes en Corse. *Etudes corses.* Paris; 1995.
- [7] Mézin A, Rjéoutski V, eds. *Les français en Russie au siècle des Lumières.* Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIIIe siècle; 2011; Vol. 1.
- [8] Rjéoutski V. La communauté francophone de Moscou sous le règne de Catherine II. *Revue des études slaves.* Paris; 1996: 445–461.
- [9] Poussou J.-P, Mézin A, Perret-Gentil Y, eds. *L'influence française en Russie au XVIIIème siècle.* Paris: Institut d'études slaves, Presse université de Paris-Sorbonne; 2004.
- [10] Mezen A, Rzhetskij V. Francuzskajakolonija v Rossii XVIII v.: istochniki i problema issledovanija [French colony in Russia of XVIII century: sources and problems of research]. *Otnoshenija mezhdu Rossiej i Franciej v evropejskom kontekste (v XVIII–XX vv.)* [The Relations between Russia and France in the European context (in XVIII–XX centuries)]. Moscow: INIONRAN Publ.; 2002: 92–103 (in Russian).
- [11] Ado AV, Sirotkin VG, eds. *Velikaja francuzskaja revoljucija i Rossija* [The French revolution and Russia]. Moscow: Progress Publ.; 1989 (in Russian).
- [12] Rance K. L'historiographie de l'émigration. *Les noblesses françaises dans l'Europe de la Révolution.* Rennes: Presses Universitaires de Rennes & Presse Universitaire Blaise-Pascal Rennes, Clermont-Ferrand; 2010: 355–368.
- [13] Tussjen I. *Pocco di Borgo : Drugoj korsikanec. Chelovek, kotoryj nenavidel Napoleona* [Pozzo di Borgo: Another Corsican. The man who hated Napoleon]. Moscow: Kriga Publ.; 2013 (in Russian).
- [14] Ordioni P. *Pozzo di Borgo. Diplomate de l'Europe française.* Paris: Librairie Plon; 1935.
- [15] Shatobrian FR. *Zamogil'nyezapiski* [Sepulchral notes]. Moscow: Izdatel'stvo Sabashnikovyh Publ.; 1995 (in Russian).
- [16] Mestr Zh. de *Peterburgskie pis'ma. 1803–1817* [The St. Petersburg letters. 1803–1817]. Saint-Peterbourg: INAPRESS Publ.; 1995 (in Russian).
- [17] Mestr Zh. de *Chetyre neizdannye glavy o Rossii. Pis'ma russskomu dvorjaninu ob ispanskoy inkvizicii* [Four unpublished chapters on Russia. Letters to a Russian gentleman on the Spanish Inquisition]. St-Peterbourg: Vladimir Dal' Publ.; 2007 (in Russian).
- [18] Mil'china VA. *Rossija i Francija. Diplomaty. Literaturnye shpiony* [Russia and France. Diplomats. Writers. Spies]. St-Peterbourg: GIPERION Publ.; 2006 (in Russian).
- [19] Novikova LI, Sizemskaja IN, eds. *Russkaja istoriosofija. Antologija* [Russian historiography. Anthology]. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2006 (in Russian).
- [20] Pypin AN. *Panslavizm v proshlominastojashhem* [Panslavism in past and present] Moscow: Granitsa Publ.; 2002 (in Russian).
- [21] Bonald LGA. *Réflexions sur l'intérêt général de l'Europe, suivies de quelques considérations sur la noblesse.* Paris, 1815. Available at: gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k206528/f6.image.
- [22] Tjutchev FI. *Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma. V 6-ti tomah* [The Complete works. Letters. In 6 volumes] Moscow: Klassika Publ.; 2003: (3) (in Russian).
- [23] Aksakov IS. *Otchego tak nelegko zhivetsja v Rossii?* [Why is it so difficult to live in Russia?]. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2002 (in Russian).

- [24] Berelovich VJa, ed. *Otnoshenija mezhdru Rossiej I Franciej v evropejskom kontekste v XVIII–XX vv.* [Relations between Russia and France in the European context (in XVIII – XX centuries)] Moscow: INION RAN Publ.; 2002 (in Russian).
- [25] Vjazemskij PA. *Starjazapisnajaknizhka. 1813–1877* [An Old notebook. 1813–1877]. Moscow: Zaharov Publ.; 2003 (in Russian).

Article received: 5 September 2017

For citations: Elena V. Linkova, Carlo Andrea Pozzo di Borgo – a Corsican in Russian service, who “shaped destiny of France”. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 602–616. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-602-616.

About the author: Elena V. Linkova, PhD (in History), Associate Professor of the Department of Russian History at Peoples` Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-617-640

ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ ДАТЧАНКИ В СССР В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКО-ДАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1920–1950-Х ГГ.

И.Ф. Давидович

Независимый исследователь

innrid@gmail.com

В данной статье рассматривается трансформация восприятия жизни в СССР гражданкой Дании, которая в 1924 г. стала супругой генерал-майора иностранного отдела НКВД и переехала в Советский Союз. Автор показывает, как колебания в советско-датских отношениях непосредственно влияли на судьбу датчанки и накладывали отпечаток на ее мировоззрение. Особое внимание уделяется постепенному отдалению иностранки от ее корней, необходимости вживаться в новую реальность и усваивать правила игры, диктовавшиеся советской действительностью. Исследование построено на анализе писем датчанки Сигрид Ульрикки Альмы Огорд из Советского Союза, адресованных матери и младшей сестре, а также воспоминаний ее сыновей и людей из близкого окружения. Все эти материалы хранились в личном архиве автора и публикуются впервые.

Ключевые слова: Сигрид Ульрикка Альма Огорд, иностранцы в СССР, датчане в СССР, советско-датские отношения XX века, женщины в ГУЛАГе, ТЕМЛАГ

Введение

После Октябрьской революции в глазах мирового сообщества Советский Союз превратился в символ прогресса, социальных реформ, многообещающих изменений в социальной жизни. Это притягивало внимание жаждущих социальной справедливости, много иностранцев приезжало в СССР, чтобы ознакомиться с происходящим и окунуться в атмосферу государства диктатуры пролетариата. Из многих стран приезжали специалисты, которые вносили свою лепту в построение нового государства. Дания не была исключением. В Коминтерне насчитывалось более трехсот датчан, которые приезжали и учились в партийных школах СССР. Эта статья о молодой датской идеалистке, которая верила в идеалы коммунизма и была вовлечена в водоворот советского эксперимента. Попав в советскую реальность, датчанка Сигрид Ульрикка Альма Огорд, как и многие другие, прошла через все испытания советского государства. На своем собственном опыте она испытала все ужа-

сы ареста, необоснованных обвинений, последовавшего вслед за этим заключения в ГУЛАГ.

Колебания в советско-датских отношениях непосредственно влияли на судьбу Сигрид и определяли ключевые моменты ее жизненного пути. В процессе этих колебаний ее отношение к реальности трансформировалось. Данная статья прослеживает изменение этого восприятия. Особое внимание уделено постепенному отдалению иностранки от ее собственных корней, необходимости вживаться в новую реальность и принятию правил игры для выживания.

Для изучения поставленной проблемы были использованы методы устной истории с ее индивидуальным подходом к биографии, которые позволяют понять, как пережитое человеком в разные периоды жизни формировало его личность.

Исследование базируется на воспоминаниях и фактах из писем, в которых события предстают в непереработанном виде.

В распоряжении автора находится архив из большого количества писем, написанных женщиной, и воспоминания об этой женщине, записанные ее сыновьями. Адресатами писем являются мать и младшая сестра Сигрид. Несмотря на явную открытость повествования, письма не дают полного представления о событиях, а содержат описания отдельных моментов и личностей. В письмах, которые писались раз в несколько дней, по понятным причинам не делается попытка осмыслить больший период и дать ему оценку, что могло бы быть в настоящей автобиографической прозе. С другой стороны, это дает возможность исследователю анализировать и делать выводы на основании имеющихся данных. Воспоминания составлены сыновьями Сигрид, которые только частично являлись свидетелями событий. Воспоминания дорабатывались в течение десятка лет, дополнялись и переосмысливались. К ним добавлены отрывочные воспоминания нескольких женщин, подруг и родственниц героини. Если письма относятся ко времени непосредственных событий, то воспоминания, эти события описывающие, содержат многолетний опыт авторов. Можно сказать, что это – конечный результат переосмысления и понимания ими произошедшего.

Также при написании рукописи были использованы некоторые официальные документы: официальная автобиография, поданная в Институт военных переводчиков в 1949 г., протоколы допросов из архива КГБ, книжка отличника из ТЕМЛАГА, справка об освобождении, заменяющая паспорт, хранящиеся в личном архиве автора.

Своей задачей автор видит внесение вклада в литературу, описывающую межнациональные отношения, рассматривая частную жизнь иностранки – датчанки Сигрид Огорд в тесной связи с внешней политикой СССР в отношении Дании. В условиях явной политизации, идеологизации науки, типичных для XX в. и современности, устная история, включая устную женскую исто-

рию, – это возможность сохранить без искажений слово правды и справедливости, возможность донесения до читателя голосов “молчаливого большинства” [1, с. 172].

Начальный период: Копенгаген – Париж – Рим – Стокгольм – Москва

Сигрид Ульриikka Альма Огорд (Sigrid Ulrikka Alma Aagaard) родилась в Копенгагене в 1901 г. в семье бухгалтера и домохозяйки. Сигрид была старшей дочерью. Ее отец придерживался либеральных взглядов. К тому времени, как Сигрид пошла в школу, отношения Дании и России продолжали развиваться, подпитываемые родственными связями монархических династий. В начале века Николай II с размахом отпраздновал юбилей датского короля, своего родного дедушки, а ежегодные визиты великой императрицы Марии Федоровны (датской принцессы Дагмар) со своим супругом Александром III до сих пор не забыты в Копенгагене¹.

В начале XX в. торговля с Россией испытала столь мощный рывок, что в 1916 г. русский предложено было ввести в число предметов, изучаемых в датской гимназии, а русские языковые курсы не были редкостью.

Изучала ли Сигрид русский язык в гимназии или на курсах или проявляла какой-то особый интерес к России в этот период – неизвестно. Тем не менее, общая атмосфера в Копенгагене, настрой молодежи, симпатизировавшей русской революции, могли повлиять на взгляды Сигрид. Датская социал-демократическая партия к 1915 г. насчитывала более 60 тысяч членов и была серьезной политической силой в стране. Во время политических трений партия пошла на соглашение с правящими элитами и вместо глобальных изменений удовлетворялась частными уступками, такими, как улучшением условий труда рабочих. Радикально настроенные члены партии заявили о своем выходе из партии в знак несогласия и стремления продолжить политическую борьбу [2, с. 55, 76].

В такой обстановке Сигрид заканчивала гимназию. Нет никаких документов, указывающих на причастность Сигрид к молодежному революционному движению, но ее отъезд из Дании в 1920 г. может быть косвенным свидетельством этого. После окончания гимназии в 1919 г. она начала работать в страховой компании мореходства в Копенгагене, но уже в 1920 г. вдруг уехала во Францию.

Истинная причина ее отъезда неизвестна, однако в семье остались воспоминания о том, что Александра Коллонтай покровительствовала Сигрид в первые годы их знакомства, которое произошло в конце десятых или в начале

¹ Отношение датчан к русским. Датское видение России // Портал о странах по русскоязычному вещанию и публикациям разных стран мира. URL: www.portalostranah.ru/view.php?id=61.

двадцатых годов. До революции, как известно, Александра Коллонтай жила в Копенгагене, где, вероятно, женщины познакомились до назначения Коллонтай послом в Швецию. Впоследствии Сигрид поддерживала отношения с Александрой Михайловной вплоть до ее смерти в 1952 г. Близкой подругой Сигрид до последних дней оставалась и Эмма Генриховна Лоуренсон, секретарь А.М. Коллонтай.

В своей официальной автобиографии Сигрид пишет, что познакомилась со своим будущим мужем, сотрудником иностранного отдела НКВД, в марте 1924 г. в Копенгагене¹. Тем не менее, из писем, которые она писала домой из Парижа в 1923 г., уже явно следует, что она знакома и путешествует с А. (Антоном), ее будущим мужем². Не осталось свидетельств их знакомства: познакомились ли они в Париже случайно или во время ее работы «в конторе» во Франции, где она начала работать в 1922 г., с чем ее поздравляет отец в письме³. Очевидно, что мы имеем дело с выросшей в эмансипированной семье самостоятельной женщиной, которая выбирает свой собственный жизненный путь. В начале 1924 г. Сигрид вместе с Антоном переезжают из Парижа в Рим. В марте того же года она пишет матери в письме, что получила дипломатический паспорт⁴. Этот факт дает основание предположить, что речь идет о советском дипломатическом паспорте. Возможно, что именно в Париже Сигрид начала работать с секретными советскими службами, которые в то время активно действовали в столице Франции. Она могла быть дипкурьером, что объяснило бы появление у нее дипломатического паспорта.

После договоренности между РСФСР и Германией в Рапалло в 1922 г. западная коалиция распалась, и Дания начала официальные переговоры, которые привели к подписанию в Москве в 1923 г. соглашения об основах будущего экономического сотрудничества между двумя странами. Датские компании не готовы были терять русский рынок, в котором они так преуспели в начале века. В результате политический курс был взят на подписание соглашений с СССР. 18 июня 1924 г. Дания и СССР заключили соглашение в форме обмена нотами об установлении сношений «де-юре», а также подписали декларацию о взаимных претензиях [3].

Возможно ли считать совпадением то, что как только официальные отношения между странами были установлены, датская гражданка вышла замуж за гражданина СССР, а брак был заключен в советском консульстве в Стокгольме в августе 1924 г.?

¹ Автобиография Сигрид Огорд (1946) // Личный архив автора.

² Письма Сигрид Огорд из Парижа матери Каролине Огорд в Копенгаген, 1923 // Личный архив автора.

³ Письмо Карла Огорд из Копенгагена дочери Сиригд Огорд в Париж, 29.12.1921 // Личный архив автора.

⁴ Письмо Сигрид Огорд матери из Рима, 27.03.1924 // Личный архив автора.

Избранником Сигрид стал «советский дипломат» Антон Шустер, так она представляла своего жениха, а впоследствии мужа, своим датским родным и друзьям. Романтическая история, рассказанная Сигрид своим сыновьям в пятидесятых годах в Москве, звучала так: «Я познакомилась с вашим отцом весной 1924 г. в Копенгагене. Он мне был представлен нашим общим знакомым. Мы встречались, и как-то он позвал нас с матерью в ресторан. Там он впервые и единственный раз на моих глазах пил красное вино. Он был галантен и предупредителен. Когда он привез нас домой и оставил, мама сказала мне: “Это будет твой муж”, но предложения не последовало. Антон уехал по делам в Стокгольм. В августе он прислал мне телеграмму: “Срочно приезжай в Стокгольм”. И я поехала. Он встретил меня на вокзале с шофером, привез в здание Советского консульства, взял документы и оставил в комнате. Какое-то время я сидела там одна и ждала его. В комнату заглядывали люди, хихикали, снова прикрывали дверь. Вскоре вернулся Антон, он принес мне мои документы, показал свидетельство о браке. Мы женаты, теперь можешь возвращаться в Копенгаген к маме. Но я возразила, раз я твоя жена, то поеду с тобой в Москву. Он неожиданно быстро согласился. Так я впервые попала в Москву осенью 1924-ого»¹.

Этот рассказ совпадает с версией, предоставленной в конце 1940-х гг. в официальные органы самой Сигрид. Но из писем двадцатых годов следует, что ни временной промежуток знакомства, ни, скорее всего, и место знакомства не соответствуют действительности. Здесь налицо подтасовки фактов, дабы избежать лишних вопросов.

Своим сыновьям и знакомым в Москве она рассказывала, что поехала во Францию подработать гувернанткой, но из писем матери и отца в Париж, а также из ее собственных писем домой создается впечатление, что работает она явно не гувернанткой, живет в пансионе, а вскоре начинает работу в «конторе», чем занимается, непонятно, в добавок ко всему, впервые попав в Москву, Сигрид пишет матери: «Я не так мало понимаю из того, что слышу вокруг. Все-таки нужно будет поднатереть в русском»². Где и когда она могла выучить русский настолько, чтобы уже понимать устную разговорную речь? Могла ли она выучить русский лишь благодаря знакомству со своим будущим «русским» мужем?

Таким образом, осенью 1924 г. Сигрид впервые оказалась в Советском Союзе. Антон Шустер, будучи закордонным работником, сотрудником ИНО НКВД, по приезде в Москву селится в гостиницах. На сей раз это гостиница «Европа» на Волхонке, первое место, куда попадает Сигрид по приезде в Москву, не считая Лубянки, места работы своего мужа.

¹ Воспоминания Феликса Чапского // Личный архив автора.

² Письмо Сигрид Огорд матери, из Москвы в Копенгаген. 28.09.1924 // Личный архив автора.

Первые впечатления были наполнены восторгом. Она подробно описывает матери все, что с ней происходит. 28 сентября 1924 г. Сигрид отправила свое первое письмо из Москвы, в котором описывала друзей своего мужа, с которыми проводила дни напролет, отмечая, что они милы и обходительны, и она очень рада знакомству. В деталях Сигрид передавала свои впечатления о городе: «Вчера мы ездили по городу, и я с уверенностью могу сказать, что тут есть на что посмотреть! – Это самый красивый и интересный город из всех, которые мне приходилось видеть. – Вы и представить себе не можете, какая тут красота! Величественные купола церквей и Кремль, крепостная стена которого впервые возведена в 14 веке – с ума сойти можно! А еще сразу бросается в глаза, что вокруг тебя много всего азиатского, на улицах много азиатов, а улицы живут своей заведенной жизнью. Тут мало автомобилей, но вместо них есть дрожки и извозчик, так они называют повозку на двоих, запряженную лошадьми, которыми управляет погонщик. Это так увлекательно! Прямо на улицах продают фрукты – самые ароматные груши, яблоки, виноград, огромные красные арбузы с Кавказа. Город огромный, население около двух миллионов человек! Нам так повезло: нам досталась очень приятная чистая комната в гостинице. Я очень довольна! Здесь все совсем недорого, а цены на продукты вообще смешные, да и рестораны весьма доступны.

Ресторанная жизнь тут такая, словно я никуда не уезжала: звучат одни и те же мелодии, все то, что крутят в Копенгагене. Да и вообще, это какая-то несурезица, когда ты думаешь о голоде и подобном... Я больше не верю ни слову из того, что пишут газеты, после того как я увидела все своими глазами. Здесь немало нищих, но их везде много, особенно в южных городах»¹.

В ее описаниях явно прослеживается симпатия к стране и ее жителям: «В Петрограде, где мы пробыли 4 часа в пятницу, я толком ничего не видела, потому что уже три дня как город затопило вследствие ужасного шторма, улицы полностью под водой, корабли унесло в море из портов, снесены пути, поезда на плаву. Подплывая к гавани, мы видели множество деревьев, которые унесло штормом в открытое море, заборы и ограды. А ведь Петроград только недавно оправился после войны. Городу нанесен серьезный ущерб. А ведь прошло всего сто лет со времен подобного бедствия². Мы собирались обойти музеи, которые славятся своей живописью, я приеду сюда снова. Вечером мы должны были посетить оперный театр, но все билеты были проданы»³.

¹ Письмо Сигрид Огорд матери из Москвы в Копенгаген. 28.09.1924 // Личный архив автора.

² Речь идет о наводнении 23 сентября 1924 г., когда вода поднялась на уровень 369 см. Это было величайшее наводнение со временем последнего, ровно столетней давности (1824). В этот раз по городу был брошен клич: все на борьбу со стихией, победим всеобщими усилиями.

³ Письмо Сигрид Огорд матери из Москвы в Копенгаген. 28.09.1924 // Личный архив автора.

Не успев приехать, семья уже собирается в очередную командировку. Антон снова возвращается в Рим первым секретарем посольства. 3 октября 1924 г. Сигрид снова пишет домой о друзьях мужа, о своих завязывающихся отношениях, о легкости в общении: «Вчера мы были в оперном театре, мы слушали потрясающую оперу “Золотой петушок” Римского-Корсакова. Декорации, мизансцены, постановка, актеры – все это превзошло мои ожидания. Ничего лучше я в жизни не видела. Что и говорить, оперный театр в Париже неподражаем и ему не откажешь в величии, но такие костюмы как тут... каждый из них стоит целое состояние. Да и вообще одежда тут неоправданно дорога, оно и понятно, фабрики работают с переборами, зато еда хорошая и весьма доступна. Огромная курица стоит всего один рубль, цыпленок – 50 копеек и так далее. В ходу серебро, не то, что у нас – бумажные деньги. Ну а о фруктах я уже говорила, они отличные и дешевые! Все выглядят здоровыми, и вообще народ привлекательный. Мне очень интересно смотреть на людей, какие они разные. Многие женщины тут ходят в носках или гольфах, и это достаточно распространено. Крестьянки носят красные платки на голове, а некоторые – многоцветные.

Я побывала в нескольких музеях, какие тут великолепные коллекции! А после мы пошли с Антоном в Мавзолей посмотреть Ленина. Это произвело на меня неизгладимое впечатление. Так трогательно видеть, насколько Ленин был почитаем и любим тут. Везде его портреты: в магазинах, в гостиных, да где угодно. Я думала, что мы просто идем смотреть на саркофаг или что-то подобное. Но сам Мавзолей – это необыкновенное здание, расположенное на исторической площади, где церкви и монументы, построенные до эпохи Петра Великого. Ты сперва заходишь в вестибюль, идешь по коридору, стены обиты красным, иходишь в усыпальницу, которая ярко освещена – и можно предположить, что Ленин просто живой, так хорошо он забальзамирован.

Я сперва не могла смотреть на него. Но должна признаться, что это очень красиво – он лежит в стекле, двое солдат его охраняют, везде висят красные флаги и советские эмблемы – герб рабочих: молот и серп и звезда. Ленин показался мне очень приятным – он не красавец, но у него очень человеческое лицо, совсем не такое, как его описывали, – и смерть его не исказила. На нем обычный военный мундир цвета хаки, одна рука его лежит вдоль тела, другая покоится на груди. Щеки его подернуты легким румянцем, идеальная форма носа и рта, глаза закрыты. Я бы сказала, что на него приятно смотреть, не чувствуешь неудобства. И вот ты проходишь мимо него – *Castrum doloris*¹ – и ощущаешь величие смерти и полон страха»².

¹ *Castrum doloris* – дворец скорби, обычно погребальница монархических особ с соответствующими декорациями и атрибутами.

² Письмо Сигрид Огорд матери. Москва-Копенгаген. 3.10.1924 // Личный архив автора.

На одиночество пожаловаться Сигрид не может, скорее наоборот. Из Берлина она пишет матери через пару недель по горячим следам 16 октября 1924 г.: «Всю прошлую неделю, еще в Москве, мы ходили в театры каждый вечер. Все время я окружена незнакомцами. Ни дня мы не провели вместе, только Антон и я, – даже едим мы в компании. Не сказала бы, что нам плохо, мы оба отлично проводим время. Только вот Антон такой худой – и не потому, что мы недоедали в России, просто он все время куда-нибудь да спешит.

Сегодня мы отметили два месяца нашего замужества. Антон преподнес мне букет фиалок и коробку шоколада. Его просто обожают его знакомые и друзья, и я даже иногда думаю, что это чересчур»¹.

На основании вышеприведенных писем можно заключить, что Сигрид с самого первого дня чувствовала себя в СССР как дома. Она легко сходилась с людьми, находила с ними общий язык, даже если это был только русский, в котором ей нужно было еще поднатореть. Круг общения Сигрид складывается весьма быстро – это прежде всего семьи сотрудников и соратников ее мужа. Нередко это также иностранки, но чаще просто образованные женщины, свободно говорящие на французском или немецком языках. Она очарована этими людьми, их кругозором, у них много общих тем для обсуждения (книги, театры, концерты, опыт жизни в других странах). Это люди ее круга, равнозначного социального статуса, часто те, у кого ей есть, чему поучиться.

В это время или чуть позже Сигрид посещает «салон» Лили Брик, с которой продолжает общение до самого конца, о чем свидетельствует наличие телефонного номера Лили в последней записной книжке Сигрид. Судя по воспоминаниям, к этому времени она уже была знакома с Айви Литвиновой, Верой Яковлевной Сыркиной (упоминается в письмах 1923 г. и далее), Эстер Розенцвейг, в будущем Елизаветой Зарубиной, женой Василия Зарубина. Интересно, что чета Зарубиных на легализацию поехала в Данию, что еще раз подчеркивает датско-советские связи, пусть речь идет и не об официальных связях в данном случае.

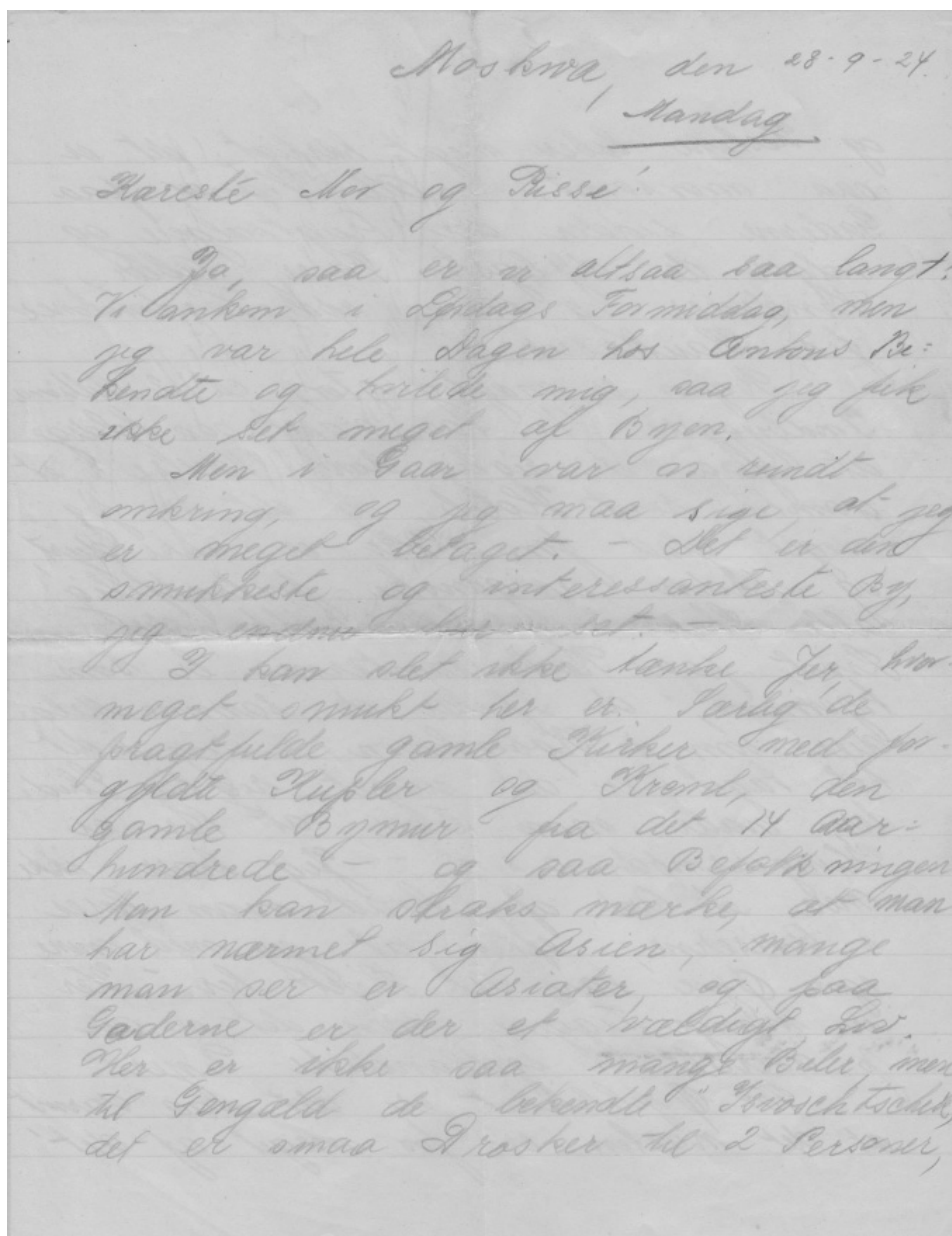
В течение тринадцати лет супружества Сигрид нередко бывала в Москве. В следующий свой длительный приезд в 1927–1928 гг. она начала работать в Госбанке, пока командировки мужа носили эпизодический характер. В это время ее социальные связи укреплялись.

Окончательное возвращение в СССР приходится на лето 1937 г., когда мужа отзывают в Москву из Лондона, где под прикрытием второго секретаря посольства он работает легальным резидентом. В середине лета Сигрид, еще ни о чем не подозревая, писала в письме матери из Чехии, где она летом 1937 г. лечилась в санатории: «Скоро мы поедem в Москву, но ты можешь писать мне на наш старый адрес в Лондоне»². Несмотря на предупреждение мужа,

¹ Письмо Сигрид Огорд матери. Берлин–Копенгаген. 16.10.1924 // Личный архив автора.

² Письмо Сигрид Огорд матери. 12 км от Москвы, название места не указано. 12.07.1937 // Личный архив автора.

что «меня могут арестовать, но тебя и детей не тронут», она продолжала доверять советскому государству и вернулась в Москву. В Москве ей действительно не пришлось задержаться надолго. 19 сентября 1937 г. арестовывали мужа, обвинив его в шпионаже против СССР. В результате обыска из квартиры забрали все документы, фотографии и деньги.

Фрагмент письма Сигрид Огорд из Москвы
своей матери в Копенгаген 28 сентября 1924 г.

26 сентября 1937 г. Сигрид вызвали на Лубянку по телефону «для разговора». С этого дня в ее деле появился ордер на арест постфактум. Сигрид в эти дни вела себя с подчеркнутым достоинством. В пересказе Нины и Натальи Михоэлс Сигрид после ареста каждый день снимала воротничок с платья, стирала его в кружке с водой, которую она получала в тюремной камере, сушила и гладила его о дверную ручку камеры, и на каждом допросе гордо подчеркивала, может, и не словесно, что в этом платье она была на коронации. Возможно, это возымело свое действие: на первом же вечернем допросе усталый следователь машинально предложил Сигрид бутерброд с колбасой, но она гордо отказалась, не веря, что ей предстоит лишиться свободы на много лет. Все время в лагере она вспоминала этот бутерброд и нелепую гордость своего отказа¹.

В протоколе допроса был поставлен вопрос, «известно ли ей о шпионских связях ее мужа». Несмотря на отрицательный ответ, Сигрид получит восемь лет лагерей как член семьи изменника родины (ЧСИР) и в ноябре 1937 г. окажется в Мордовском лагере ТЕМЛАГ.

ТЕМЛАГ

До 1937 г. Сигрид имела возможность быть не только женой, но и отстаивать свое право на личное пространство, на работу и досуг. В сентябре 1937 г. ее жизнь кардинально изменилась. Это касалось не только ареста, последующего заключения в тюрьму, а далее – в лагерь, что лишало ее морального статуса на личную свободу. У нее нет собственного дела, нет обвинения. Она обвиняется лишь в том, что была женой «изменника родины». Попирается не только ее фактическая свобода, отбирается ее роль как самостоятельной личности.

В этот период четко прослеживается ее гендерная зависимость, она сталкивается с подавлением воли и шантажом. С момента заключения Сигрид была лишена возможности принимать решения без ссылки на свою материнскую роль. В лагере вожделенные методы поощрения – это даже не еда или теплая одежда, а возможность написания внеочередного (второго) письма детям в детский дом, так как в месяц было разрешено только одно письмо. Казалось бы, базисное право становится пряником в руках руководства для стимулирования и подавления.

Маховик репрессий опередил все сроки. К концу 1937 г. должен был быть построен новый женский лагерь в Акмолинске – А.Л.Ж.И.Р., но его строительство еще не завершили, а тюрьмы крупных городов и пересылочные пункты уже были переполнены женщинами – членами семей изменников родины. Осенью 1937 г. женским лагерем для «жен»² стал ТЕМЛАГ, куда попали жены

¹ Беседы с Ниной и Натальей Михоэлс, 2001 // Личный архив автора.

² «Женами», а также «врагинями» называли осужденных женщин без статьи, политических или осужденных по пунктам 58-й статьи уголовного кодекса СССР «Измена родине».

крупных военачальников, бывших партийных функционеров. Н.И. Сац так писала о нем: «Лагерь абсолютно закрытый, для жен “самых ответственных врагов народа”» [4, с. 342]. До начала войны в лагере были в основном «врагини», то есть жены и дочери «врагов народа». И хотя привезли их под конвоем и гнали с собаками до лагеря, в лагере долгое время конвоиры не знали, как с ними обращаться. Громкие имена их мужей еще были у всех на слуху.

Начальник лагеря Левин, по воспоминаниям Сигрид и других женщин, был понимающим человеком. Его сестра тоже сидела, правда, не в его лагере. Скоро его сменили и на его место пришел Шапочкин, «не менее понимающий», как о нем отзывалась Наталья Сац в своих воспоминаниях [4, с. 343]. Карцер в лагере хоть и был, но некоторые женщины даже утверждали в своих воспоминаниях, что вообще не видели карцера в глаза, потому что его физически не существовало. Карцер был, но им не пользовались. Администрация лагеря договаривалась с женщинами без угроз¹.

За первые годы своего пребывания в лагере женщины, в начале растерявшиеся, наладили быт, организовали повседневную жизнь. Это были интеллигентные женщины, многие – старые революционерки, приспособленные к жизни в тяжелых условиях. Они разбили огороды, распределили обязанности по уборке и поддержанию тепла и горячей воды в бараках. До 1939 г. женщины практически не имели занятости в лагере, кроме самообеспечения [4; 6].

Во время войны контингент лагеря стал разнообразнее: помимо политических появились осужденные за бытовые преступления. В первый день по приезде «бытовички»² вытоптали все огороды, возделанные «врагинями»³. Со временем женщины научились сосуществовать. У них появилась своя миссия. Пережитые в заключении голод и лишения они стремились наполнить духовным содержанием по аналогии с христианским институтом мученичества [7]. Стал устанавливаться тесный контакт между представителями различных социальных групп, который был неизбежен в условиях лагеря. Каждая «врагиня» взяла на «перевоспитание» «бытовичку». Сигрид тоже досталась женщина-бытовичка, которая была из местных, из мордовских. Она с интересом расспрашивала Сигрид о заграничной жизни, о семье, муже. Ничего не потрясло ее так, как «особенность, исключительность» ее мужа Антона. Он не ругался! Она долго не могла поверить и все переспрашивала. Антон не пил, не курил, не был склонен к рукоприкладству. Но еще больше ее поразило неиспользование в повседневной жизни этой семьи нецензурной брани. Сама Сигрид до конца жизни так и не могла понять, «почему русские ругаются в половые органы»⁴.

¹ Беседы с Татьяной Иваровной Смилгой в 2002 и 2013 гг. // Личный архив автора.

² «Бытовичками» называли осужденных по бытовым статьям, таким как кража, мелкое хулиганство и прочее.

³ Беседы с Татьяной Иваровной Смилгой в 2002 и 2013 гг. // Личный архив автора.

⁴ Воспоминания Феликса Чапского // Личный архив автора.

Интересно и внедрение лагерного сленга в повседневную жизнь образованных женщин, таких просторечий, как «бытовичка» (женщина, осужденная за бытовые преступления, не политическая, попавшая в лагерь по 58-й статье), «вольняшка» (вольнонаемная, расконвоированная, отбывшая свой срок и продолжающая работать при лагере за неимением другой работы), «начальник» (любой конвоир вне зависимости от воинского звания и занимаемого положения в лагерной иерархии). Эти лексемы Сигрид использовала в постлагерной повседневной жизни, но нецензурная лексика так и осталась вне сферы ее понимания. Она не смогла ни освоить русский мат, ни употреблять его по назначению.

Столкновение с «бытовичками» было для Сигрид первым длительным опытом общения с простым русским народом, с теми женщинами в красных косынках, которых она с восторгом описывала матери в 1924 г.

«Политические» женщины в ее бараке владели несколькими языками, вели литературные беседы и вспоминали театральные и оперные постановки в СССР и за рубежом. С некоторыми своими солагерницами Сигрид была знакома до лагеря, в частности, с Нонной Марьясиной, женой председателя Госбанка (в котором Сигрид довелось поработать), супругой Семена Урицкого, соратника Адольфа. Это были женщины ее круга. Ее ближайшей подругой в лагере стала Валерия Стэн, жена Яна Стэна, известного философа-марксиста, о котором говорили, что он учил марксизму самого Сталина. Через Любовь Самойловну Дробнис, которая жила с ней в соседних бараках, Сигрид узнала, что ее дети в том же детском доме, что и дочь Любви Самойловны – Шура Дробнис. Яков Дробнис, отец Шуры, был близким другом Адольфа, о чем Любовь Самойловна на допросе рассказывала следователю, отвечая на вопрос о связях мужа. Это находит отражение и в протоколах допроса Адольфа¹.

Татьяна Смилга, дочь Ивара Смилги, вспоминала, как находила с Сигрид общих знакомых и говорила о Ромене Роллане, которого Сигрид читала в подлиннике².

Несмотря на тяжелую жизнь, которую женщины владели в лагере, выжить помогала сплоченность, человеческое отношение не только начальства, но и конвоиров. Но ни огороды, возделанные женщинами, ни взаимная помощь не уберегли их от недоедания, а отсутствие витаминов всерьез подкосило здоровье. Сигрид оказалась в бараке «пеллагриков», в которые переводили женщин, заболевших пеллагрой. Эту категорию заключенных расконвоировали, и тем женщинам, кто еще мог двигаться, было позволено уходить в лес за ягодами и грибами, чем были богаты мордовские леса. Однажды потерявшись, женщины в страхе заметались в поисках своих конвоиров, те, в свою

¹ Архивно-следственное дело Адольфа Сигизмундовича Чапского // Центральный архив ФСБ России. На момент знакомства с документом (1993): б/ф., б/оп. Д. 1184. Л. 12.

² Беседы с Татьяной Иваровной Смилгой в 2002, 2013 гг. // Личный архив автора.

очередь, искали потерявшихся женщин. Наконец-то, отыскав друг друга, они бросились друг другу в объятия [8, с. 7].

В лагере складывалось ее очередное представление о советском строе. И оно вновь было весьма однобоко. В ТЕМЛАГе в тот период отбывали наказание «без статьи» те женщины, с которыми она была либо связана до лагеря, либо с которыми познакомилась и дружила бы, встретить она их в нормальной обстановке. Это был тот же социальный срез, к которому она принадлежала. Отношения с лагерными подругами не прерывались до самой смерти. Женщины выделяли ее как иностранку, о чем свидетельствуют воспоминания Татьяны Смилги, но это вызывало скорее повышенную симпатию и сочувствие, нежели отторжение. На ее счастье, основная масса конвоиров относилась к женщинам человечно. Хотя речь и идет о лагере, но, по словам Наталии Сац, которая побывала в нескольких лагерях и одним из них был ТЕМЛАГ, «чистота, порядок в бараке, на немногих аккуратных клумбах растут аккуратные цветы, тишина... могильная», доверительные беседы с начальником лагеря – все это потрясло ее, попавшую в ТЕМЛАГ в 1939–1940 гг. [4, с. 342–343]. Общение с «простым народом» сводилось к минимуму, часто оно носило скорее покровительственный характер.

В лагере отточилось умение концентрироваться только на положительных моментах. Ирония, чувство юмора брало вверх над страданиями и жалобами. Наталья и Нина Михоэлс, у которых Сигрид некоторое время снимала комнату после ареста М. Вайнберга, запомнили ее именно такой – «у нее было восхитительное чувство юмора. Когда забрали Метека, она пришла к нам и увидела опечатанную комнату: “Где он?” “На Лубянке” И, зная супруга Талы и его любовь к чистоте, Сигрид воскликнула: “О, Талочка! Там так чисто!”»¹.

В сентябре 1945 г. восемь лет заключения истекли, но по окончании срока Сигрид не получила на руки документы и не могла покинуть лагерь. Формально она была расконвоирована и уведоmlена, что «отбыла наказание», но в документе, который она получила, было указано – «до особого распоряжения». Только закончилась война, положение иностранцев пока было не определено, но советских военнопленных уже перемещали из нацистских лагерей в советские, а советские войска еще не ушли с Борнхольма, куда высадились 9 мая 1945 г. [9].

1946: Возвращение из ТЕМЛАГа

Особое распоряжение так и не поступало. Сигрид стала вольнонаемной – «вольняшкой». Жизнь ее не сильно изменилась, формально она была уже не заключенной, жить могла за пределами лагеря, но по-прежнему была с ним тесно связана: жила хоть и по ту сторону забора, но тоже в бараке, работала на территории лагеря в том же пошивочном цехе. Правда, на заработанные

¹ Беседы с Ниной и Натальей Михоэлс, 2001 // Личный архив автора.

гроши могла покупать какую-то еду в местном сельпо. В начале 1946 г. она написала своему старшему сыну, который в то время служил в армии, и пожаловалась на сложившуюся ситуацию. Он пошел к своим командирам, у которых был на хорошем счету, и рассказал, что происходит с матерью [10, с. 24]. Командиры написали письмо в лагерь, и в феврале 1946 г. Сигрид получила долгожданную справку об освобождении, которая давала ей возможность покинуть лагерь, но которая ограничивала ее в правах¹. Она не имела права селиться в 39 крупных населенных пунктах Советского Союза, что, разумеется, включало и Москву. Решению выпустить Сигрид из лагеря могло способствовать и другое событие, а именно решение советской стороны оставить Борнхольм и готовить специалистов для повторного внедрения на остров.

Советские войска высадились на датский остров Борнхольм 9 мая 1945 г. 16 мая, через неделю после высадки, были восстановлены дипломатические отношения между СССР и Данией, хотя речь пока не шла о восстановлении посольств, а только миссий.

Однако ситуация в целом была неоднозначной. Страны-союзники не могли прийти к соглашению, и в результате остров стал разменной монетой в политической игре. В марте–апреле 1946 г. советские войска неожиданно покинули остров. В историографии отмечается: «Никогда полностью не выяснилось, чем было вызвано решение Кремля покинуть Борнхольм без всяких условий. Наиболее вероятное предположение состоит в том, что Сталин принял это решение, услышав, что датские коммунисты готовы завоевать власть избирательными средствами, и только проблема Борнхольма стоит у них на пути» [11].

Не имея права возвращаться в Москву, Сигрид именно туда и поехала. Там были ее единственные друзья, и это было единственное место, где она могла выжить. По месту прописки, на 101-м километре, в знаменитых впоследствии Петушках найти работу она не могла.

Всему, что случилось с ней в этот период, Сигрид была обязана не только людям, которые помогали ей, но и сложившейся благоприятной внутривнутриполитической ситуации. Страна находилась в эйфории после победы в войне, формировалось кольцо соцлагеря, казалось, что намечались послабления, и в воздухе витала надежда.

Одним из тех, кто в трудную минуту помог Сигрид, был ее приятель Воронов, с которым она работала в 1928–1929 гг. в Госбанке. К 1946 г. он сделал весьма приличную карьеру, заняв высокий пост в Министерстве речного флота СССР. Сигрид обратилась к нему с просьбой выволить из детского дома ее младшего сына, которому в то время было уже 14 лет. Мальчик писал матери о невыносимой жизни в детдоме, что было связано также со сменой руко-

¹ Справка об освобождении. ТЕМЛАГ. Выдана 29 сентября 1945 г. // Личный архив автора.

водства в нем. Воронов направил своего подчиненного, который забрал подростка и привез его в Москву. Жить в Москве было опасно, да и негде. Сигрид ночевала у знакомых, в квартирах и на дачах, старалась никогда не ночевать две ночи подряд, чтобы соседи не донесли и не нажить неприятностей. Привезенного в Москву ребенка пришлось определить в подмосковный детский дом. Условия содержания там были намного лучше, порядки либеральные. Через полгода тот же Воронов помог сыну Сигрид поступить в Рижское речное училище, и на ближайшие четыре года судьба его была решена, чего нельзя сказать о Сигрид. Она было устроилась домработницей в одну семью, но хозяин быстро обнаружил, что у нее справка об освобождении, и выгнал ее¹.

**Фотография Сигрид Огорд, сделанная в 1946 г.,
несколько месяцев спустя после освобождения из ТЕМЛАГА**

И тут появилось предложение от ВИИЯ – Института военных переводчиков в Лефортово. Долгое время семья рассматривала это как случайное везение, но, судя по всему, случайностью это не было, если связывать данное официальное предложение с реальным положением дел: Сигрид только что выпустили из лагеря, и при этом она не имела права жить и работать в Москве. А тем временем армия СССР покинула остров Борнхольм, но советское командование продолжало готовить высадку своих войск на остров в 1948 г. [11]. В этой связи нужны были знатоки датского языка среди своих. Александр Новакович, в будущем создатель и заведующий кафедрой редких языков стран Западной Европы в МГИМО, учился в ВИИЯ и изучал датский, в котором он

¹ Воспоминания Феликса Чапского // Личный архив автора.

успел сделать заметные успехи, и в результате в ноябре 1945 г. был послан на остров Борнхольм военным переводчиком [12, с. 284]. Тут вспомнили о Сигрид, носителе языка, и в мае 1946 г. она поступила в ВИИЯ на должность частного преподавателя датского. Вероятно, к сентябрю политическая ситуация изменилась, и в конце сентября 1946 г. ее уволили с формулировкой «за невозможностью использовать». Тем не менее, Новакович продолжал поддерживать отношения со своей учительницей вне стен института. Возможно, это было не только его личное желание, но и указ сверху. До самой ее смерти Новакович был нередким гостем у своего педагога.

В течение последующих трех лет Сигрид давала уроки немецкого, английского и французского школьникам и студентам, что помогало ей хоть как-то сводить концы с концами. Это было возможно только в Москве, мало кому на 101-м километре нужны были иностранные языки, устроиться же на любую другую работу Сигрид не позволяло отсутствие документов.

1949: Гостелерадио

Тем не менее, в 1949 г. она получает приглашение на работу в недавно созданную датскую редакцию «Московского радио», как его называли в Скандинавии. На Гостелерадио официально к работе Сигрид приступила в мае 1949 г. Было ли это удачей или все объяснялось внешнеполитической ситуацией? 4 апреля 1949 г. двенадцать стран подписали Североатлантический договор, среди них была и Дания. Нейтралитет, которого Дания придерживалась на протяжении нескольких лет после окончания войны, сменился конфронтацией. Но в Дании по-прежнему существовала коммунистическая партия, которая была дружелюбно настроена по отношению к СССР, и получившая к тому времени беспрецедентные 18 мест в датском парламенте. Для датской демократии компартия представляла проблему. С одной стороны, мало кто сомневался в тесной связи коммунистов с товарищами из Москвы. После того, как Советский Союз стал главным противником в «холодной войне», все предполагали, что коммунисты – своего рода «пятая колонна», ожидающая прихода русских, чтобы взять власть. Никто не сомневался в истинной природе СССР и товарища Сталина, так что к коммунистам относились с глубокой подозрительностью, и они никогда не получали больше 8–9 мест в парламенте на выборах после 1945 г. [11]. Возможно, именно в это время понадобился послушный, четко понимающий задачу, «дрессированный» диктор. Сигрид, прошедшая лагерь и впитавшая в себя «правила игры», вероятно, подходила на роль «придворного» диктора, точно передающего «политику партии». К тому же в 1948 г. умерла мать Сигрид, с которой она восстановила переписку сразу после освобождения из лагеря. Оборвалась последняя ниточка надежды. И хотя в Дании оставалась ее младшая сестра, налицо было отчаяние. Последние письма сестре Сигрид пишет с горечью. Она пытается взглянуть на прожитую жизнь в ретроспективе, с тоской говорит о

том, что ее жизнь начиналась так ярко, а теперь она – одна, и жизнь почти что прошла¹. На тот момент Сигрид было 47 лет, за плечами 13 лет «дипломатической жизни» и почти девять лет советских лагерей, о которых в письмах, разумеется, нет ни слова.

Переписку с сестрой Сигрид вынуждена была прервать из-за вступления Дании в НАТО. Теперь Дания – политический противник, и поддерживать личные связи с гражданами такого государства возбранялось.

На тот период (1949-й год) в датской редакции работал старый датский коммунист Георг Лаурсен, в Москве известный как Георг Мольтке, и Карл Сняды [13, с. 125]. В сентябре 1949 г. Георг Мольтке исчез из датской редакции. Он был арестован и вышел из тюрьмы только в конце 1951 г. После реабилитации уже после смерти Сталина он вернулся в датскую редакцию и продолжил работу.

Карл Сняды, сын датчанки и польского коммуниста, родился в Дании и ребенком был привезен родителями в СССР в 1932 г. По воспоминаниям диктора норвежской редакции Май Весенберг, супруги Карла Сняды, Сигрид была единственной в скандинавской редакции, которая переводила дословно. Май объясняла, что все сотрудники переводили постановления партии на идиоматичный норвежский, шведский, датский, делали вольный перевод, адаптированный к языковому контексту, и только Сигрид переводила все слово в слово, избегая лишних слов и разнотолков². Май, свободную женщину, самостоятельно приехавшую в послевоенную Москву, это удивляло, хотя она прекрасно знала, что пришлось пережить Сигрид. Со временем и Май столкнулась с советской реальностью того времени и неписаными законами. Выйдя замуж за Карла Сняды, мать которого была датчанкой, а отец был репрессирован в 1938 г., она обнаружила, что уехать из СССР не может. В течение двадцати лет Май Весенберг пыталась вернуться на родину, в Норвегию, но удалось ей это сделать только в 1968 г. До этого времени она посетила Норвегию самостоятельно лишь дважды, каждый раз оставляя при этом «в заложниках» в Москве мужа и двоих сыновей, рожденных от советского гражданина (кем являлся Карл Сняды). «Выправить» бумаги Карла, уроженца Дании, оказалось также непростым делом, и на это ушло почти двадцать лет³.

В период работы в датской редакции бытовая жизнь Сигрид налаживалась. Первые годы она еще вынуждена была самостоятельно снимать жилье, но уже больше никто не мог упрекнуть ее в том, что она находится в Москве нелегально. Своими визитами к друзьям Сигрид больше не могла им навредить. Она продолжала поддерживать отношения с уцелевшими подругами двадцатых годов, с теми, с кем свела ее дружба в лагере. В это время Сигрид

¹ Воспоминания Феликса Чапского // Личный архив автора.

² Письмо Сигрид Огорд сестре Ригмор Эрикссон в Копенгаген, 21.10.1948 // Личный архив автора.

³ Интервью-беседа с Май Весенберг, июнь 2017 г. // Личный архив автора.

уже позволяла себе говорить на родном языке с подругами, не опасаясь, что кто-то на нее донесет. В их числе были норвежка Герда Йохансен, сотрудница по норвежской редакции, Эмма Лоуренсон, секретарь Александры Коллонтай, с которыми Сигрид говорила на датском, а те отвечали ей соответственно на норвежском и шведском. Со своим учеником Александром Новаковичем она говорила на датском.

С сердечным коммунистическим приветом – в Данию!

В августе 1955 г., спустя десять лет после восстановления дипломатических отношений между СССР и Данией, была достигнута договоренность о преобразовании миссий в посольства. В том же году возобновилась переписка Сигрид с родной сестрой, которой она писала, что летом скорее всего сможет приехать в гости, и в этой связи просила: «Пожалуйста, сходи в Советское консульство с письмом-приглашением, официально заверь. Как только это будет готово, и я получу его, я смогу приехать»¹. Сигрид не позволили воспользоваться ее датским паспортом, который был отобран еще при обыске в 1937 г. В Данию Сигрид отбыла в январе 1956 г. в качестве гражданки СССР. Очевидно, что ее возможности в поездке были ограничены. Она получала инструкции, которым в точности следовала. Сигрид встречается как посланник Советского Союза с датскими коммунистами, произносит нужные слова, не вспоминая при этом о том, что произошло с ней за годы жизни в СССР и как пострадала ее семья. Это не означает, что не было других датчан на территории СССР. В частности, член движения Соппротивления Томас Дёссинг находился в Москве в 1944 г., а с мая 1945 г. он стал официальным посланником своей страны в СССР [9]. Но именно Сигрид была тем самым «маленьким» человеком, которого было выгодно предьявить Западу как пример того, что советские люди выживали, несмотря на все ужасы чисток и лагерей, о которых кричала западная пресса.

Своим родным Сигрид ни слова не говорила ни о лагере, ни о расстреле мужа. Обо всем этом они узнают уже в семидесятых годах от ее сыновей. На вопрос родственников, почему же она столько лет (с конца 1937 г. по начало 1946 г. – восемь с половиной лет заключения) не писала, Сигрид ответила, что болела малярией и не хотела расстраивать семью. Кто-то из родных упал в обморок от такого известия. Сигрид и не сомневалась, что начини она рассказывать что-то из своей советской жизни, ее просто не поймут, а может, и просто не поверят. За долгие годы пребывания в СССР она научилась говорить то, что от нее ждали, и молчать тогда, когда было нужно.

Наверняка она могла приспособиться и найти единомышленников, если бы смогла уехать из СССР, но со свойственной ей иронией своим московским друзьям она любила повторять, что в молодости уехала из Дании от обывате-

¹ Интервью-беседа с Май Весенберг, июнь 2017 г. // Личный архив автора

лей, от которых устала. Теперь она не могла покинуть СССР, поскольку ее возвращение из Дании было обязательным, а молчание было условием поездки. Она прекрасно понимала, что в результате «неправильных действий» могли пострадать дети, пусть уже и взрослые, их семьи, а также появившиеся к тому времени внуки. С потерей свободы выбора Сигрид, вероятно, к этому времени уже полностью смирилась.

К тому времени начали налаживаться советско-датские двусторонние отношения. В 1956 г. датский премьер-министр Хансен одним из первых западных лидеров посетил в послевоенный период Москву с официальным продолжительным визитом. С ним приезжал в составе делегации был также Херлуф Бидstrup, с которым Сигрид встречалась и познакомила своих сыновей.

Сигрид проработала девять лет в датской редакции Московского радио. В последние пару лет она много болела и к сентябрю 1958 г. приняла решение уйти на пенсию, а спустя два месяца, 4 ноября, Сигрид не стало. По странному совпадению, именно 4 ноября, правда, 1937 г., был расстрелян ее муж, получивший «десять лет без права переписки». Сигрид хоронили ее близкие и сотрудники скандинавских редакций «Московского радио». Гроб невозможно было внести в лифт, и его несли на руках с шестого этажа по лестницам. Карл Сняды, ее товарищ по датской редакции, рассказывал своей жене о непригодности лифтов и лестниц для последнего пути в домах на Новопесчаной, где жили все работники иностранных редакций Гостелерадио¹.

Выводы

Динамика советско-датских отношений находила свое прямое отражение в повседневной жизни датчанки Сигрид Огорд. Летом 1924 г. Сигрид смогла официально оформить брак с советским гражданином только после того, как Дания признала СССР «де юре». Из писем известно, что она была знакома со своим супругом, ездила с ним и даже обладала дипломатическим паспортом, но оформить брак смогла, только когда внешнеполитическая ситуация позволила ей это сделать. Отношения СССР с Данией никак не повлияли на ее арест, но неопределенность в датско-советских отношениях в сентябре 1945 г., когда истек ее срок наказания, могла быть причиной того, что ее сразу не выпустили из лагеря, а продержали там до февраля 1946 г., когда, вероятно, и было принято решение об уходе советских войск с Борнхольма, которое было осуществлено в марте–апреле. В мае того же года, несмотря на общий запрет на нахождение в крупных городах СССР для отбывших наказание в лагерях и тюрьмах, Сигрид, только вернувшись из лагеря, начала официально работать в Институте военных переводчиков. Это совпало с уходом советских войск с Борнхольма и возвращением в ВИИЯ студентов, таких как Алек-

¹ Письмо Сигрид Огорд из Москвы сестре Ригмор Эрикссон в Копенгаген, 15.12.1955 // Личный архив автора.

сандр Новакович, которые специализировались в датском языке. Вероятно, это было вызвано прямой необходимостью иметь в штате преподавателей института носителя языка. В 1949 г., когда Дания сменила долго удерживаемый нейтралитет на конфронтацию, понадобился «свой» датчанин для вещания на Данию, для поддержки еще не потерявших свои позиции коммунистов и сочувствующих им в стране, оказавшейся в лагере противника. В этом же году прервалась переписка с сестрой, которая возобновилась только в 1955 г., когда дипломатические отношения были восстановлены в полной мере и миссии были преобразованы в посольства. В конце 1955 г. Сигрид с коротким визитом посетила Копенгаген. Бесспорно, важную роль в этом сыграл и XX съезд партии, и новая политика Н.С. Хрущева, и быстрая реабилитация и восстановление в правах репрессированных. Тем не менее, Сигрид так никогда и не получила назад своего датского паспорта и в Данию приехала как советская гражданка – в гости.

Будучи иностранкой особого статуса, кем она была в самом начале, она быстро научилась подстраиваться под уготованные ей судьбой ситуации. Ее богатый жизненный опыт дал ей возможность понять, как работает система, это понимание повлияло на ее работу. Уловив четкие требования, она старалась не экспериментировать и «не лезть на рожон», хотя выражения этого так и не понимала, пока младший сын не объяснил ей, что рожон – это острый кол. Это сказалось на ее подходе к работе, в частности, в ее «не идиоматичном» переводе, в ее отношении к требованиям «сверху». Жизнь в лагере научила Сигрид находить смешное в грустном, не хандрить, искать выход из любой ситуации. Она почувствовала и поняла эту систему изнутри, вжилась в нее, научилась в ней функционировать. Из идеалистки она превратилась в покорную исполнительницу воли государства. Для коллег по скандинавской редакции, приезжавших по линии партии и имевших возможность вернуться на родину, жизненный опыт Сигрид был чуждым. Прошедшая школу советской жизни, она не так легко сходилась со скандинавами, у которых за плечами не было этого опыта. Ни реабилитация, ни развенчание культа личности не дали ей расслабиться. Она знала, что всегда была «на виду», «на крючке», и в любой момент ее могли вызвать и поставить перед моральным выбором. Своим сыновьям она признавалась, что всегда старалась не подставлять людей и выходить из скользких ситуаций достойно.

Поездка в Данию резко очертила основные моменты жизни Сигрид: она уже не принадлежала стране, в которой родилась и выросла. То, что она познала за тридцать лет жизни вне родины, навсегда отделило ее от своих соотечественников. Сигрид и ее родные, друзья, знакомые говорили с ней на ее родном датском, но в их жизни не было понятий, к которым апеллировала она, не было реалий, без которых немислим бы был каждый прожитый ею день в Москве. Уклад жизни, повседневная необходимость выживать, договариваться, – все это было абсолютно недоступно пониманию датчан.

Стала ли она своей в советской стране – этот вопрос также остается открытым, хотя уже ее младший сын, который попал в пятилетнем возрасте в детский дом и не помнил никакого другого языка, кроме русского, считал себя советским человеком.

Немалое количество жен номенклатурных работников прошли через лишения, аресты и заключение. Достаточно сказать, что в лагере именно среди этих «жен» Сигрид находила себе собеседниц и подруг. Женщины эти, освободившись, предпочитали, как и она, не делиться своими воспоминаниями о лагере и старались делать то, что от них ждут. Те, кто, как Сигрид, умерли до шестидесятых, так и не оставили подробных свидетельств. Иностранки, прошедшие через лагерь, попытались вернуться в страны, откуда они были родом, как, например, шотландка Флора Липман [14] или Барбара Армонас [15], чья дочь публично обратилась к Хрущеву во время его визита в США. Англичанка Айви Литвинова, не прошедшая лагерь, после смерти своего мужа – дипломата М.М. Литвинова, «повинуясь» его предсмертной воле покинула СССР [16]. Но все это происходило уже в шестидесятые годы и позже.

Покинув СССР, иностранки писали книги о своей жизни или этим занимались их биографы, как в случае с Айви Литвиновой. Уникальность судьбы Сигрид Огорд – в ее причастности к секретной службе. Можно спекулировать на тему, могла бы она или позволили бы ей уехать тогда, в шестидесятые, когда это удавалось другим, но отметить вероятность того, что такой возможности ей бы не дали, было бы опрометчивым. Можно лишь предполагать, что могла бы рассказать миру супруга генерал-майора иностранного отдела НКВД и как бы это отразилось на характере отношении двух стран.

© Давидович И.Ф., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Литература

- [1] *Пушкарева Н.Л.* Устная история и гендерная история: сближение и перспективы развития // *Общественные науки и современность*, 2012, № 1. С. 168–176.
- [2] *Lidegaard Bo.* A short history of Denmark in the 20 century. Nordisk Forlag A/S, Copenhagen: Gyldendal, 2009.
- [3] *Белковец Л.В.* Первые шаги советской дипломатии (из истории российского законодательства о дипломатическом праве). URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=17122.
- [4] *Сац Н.И.* Жизнь – явление полосатое. М.: Новости, 1991.
- [5] *Недовесова В.Г.* Записки врача. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=3954>.
- [6] *Ким Ю.Ч., Ким А.Ч.* О нашей маме Нине Всесвятской – учительнице: очерки, воспоминания, материалы из домашнего архива. М.: Звенья, 2007.

- [7] Васильева, Е. Лагерь как представление. Театральная тема в тюремном нарративе у Достоевского и Довлатова. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/6317>.
- [8] *Смилга Т.И.* Ау, Начальник // Новые известия, 28 декабря 2001.
- [9] *Вайль Б.* Об одном забытом эпизоде войны на Балтике. Датский историк о советской оккупации Борнхольма // Звезда. 1999. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/8/vail.html>.
- [10] *Чапский К.* Красной армии оплот // Вести: Еженедельное приложение «Окна». 27 ноября 2008.
- [11] *Морозов Н.* Датский историк об отношениях с Россией в XX веке. URL: <http://www.godon.org/society-100428114523>.
- [12] *Чеканский А.Н.* Шеф-наставник Александр Сергеевич Новакович // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3. С. 283–286.
- [13] *Йентофт М.* Гуд даг! Говорит Москва! Радио Коминтерна, советская пропаганда и норвежцы. Москва: РОССПЭН, 2013.
- [14] *Ворошилов С., Ревуненков В., Фураев В.* Новейшая история. М.: Просвещение, 1960.
- [15] *Leipman F.* The long Journey home. London: Bantam, 1987.
- [16] *Artonas B.* Leave Your Tears in Moscow. Philadelphia: J. P. Lippincott Company, 1961.

2. Документы и материалы

- [17] Письма, написанные Сигрид Огорд своей матери Каролине Огорд и сестре Ригмор Ерикссон (дев. Огорд) в период с 1921–1957 // Личный архив автора.
- [18] Протоколы допросов Сигрид Огорд-Чапской // Центральный архив ФСБ России. На момент знакомства с документом (1993): б/ф., б/оп. Д. 1184.
- [19] Книжка отличника. ТЕМЛАГ (Темниковский Исправит.-Трудовой Лагерь НКВД СССР. Выдана 31 января 1942 // Личный архив автора.
- [20] Воспоминания Феликса Чапского // Личный архив автора.
- [21] Беседы с Татьяной Иваровной Смилгой в 2002 и 2013 гг. // Личный архив
- [22] Справка об освобождении. ТЕМЛАГ. Выдана 29 сентября 1945 г. // Личный архив автора.
- [23] Интервью-беседа с Май Весенберг, июнь 2017 г. // Личный архив.

Рукопись поступила в редакцию: 31 июля 2017 г.

Для цитирования: *Давидович И.Ф.* Жизненный опыт датчанки в СССР в контексте советско-датских отношений 1920–1950-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Том 16. № 4. С. 617–640. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-617-640.

Информация об авторе: *Давидович Инна Феликсовна* – магистр филологических наук, выпускница кафедры Русской литературы XX века филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова 1997 года (Москва, Россия).

LIFE EXPERIENCE OF A DANISH WOMAN IN THE USSR I N THE CONTEXT OF SOVIET-DANISH RELATIONS OF THE 1920–1950S

Inna F. Davidovich

Independant researcher
innrid@gmail.com

This article deals with the transformation of a Danish woman's perception of the Soviet life through the prism of her personal life experience. The study is based on the analysis of Sigrid Ulrikka Alma Aagaard's letters addressed to her mother and younger sister from the Soviet Union, the memoirs of her sons and closest associates. All these materials were stored in the author's personal archive and published for the first time. The study reveals a close connection of the woman's personal life with foreign political events, changes in the Soviet-Danish relations that directly influenced her fate and worldview. Particular attention is paid to the gradual alienation of the woman from her roots, the need to get used to the new reality and master the rules of the game dictated by the Soviet reality.

Having understood the work of the Soviet system, she tried to comply fully with all its requirements. She turned from an idealist into a submissive performer of the will of the state. She was aware that she was always under surveillance, "hooked", and at any time she could be put before a moral choice. Sigrid ceased to be a Dane, she no longer belonged to the world in which she had been born and grown up. What she had learned in thirty years of her life outside her homeland forever alienated her from her compatriots. At the same time, she found faithful friends in the Mordovian camp TEMLAG, where she was from 1937 to 1946, among the wives of appointees, who, like her, went through hardships, arrests and imprisonment.

Keywords: Sigrid Ulrikka Alma Aagaard, foreigners in the USSR, the Danes in the USSR, Soviet-Danish relations, women in the GULAG, TEMLAG

REFERENCES

- [1] Pushkareva NL. Ustnaya istoriya i gendernaya istoriya: sblizhenie i perspektivy razvitiya [Oral history and gender history: rapprochement and development prospects]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 2012; (1): 168–176 (in Russian).
- [2] Lidegaard Bo. *A short history of Denmark in the 20 century*. Nordisk Forlag A/S, Copenhagen: Gyldendal; 2009.
- [3] Belkovets LV. *Pervye shagi sovetskoi diplomatii (iz istorii rossiiskogo zakonodatel'stva o diplomaticheskoy prave)* [The first steps of Soviet diplomacy (from the history of Russian legislation on diplomatic law)]. Available at: www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=17122 (in Russian).
- [4] Sats NI. *Zhizn' – yavlenie polosatoe* [Life is a striped phenomenon]. Moscow: Novosti Publ.; 1991 (in Russian).
- [5] Nedovesova VG. *Zapiski vracha* [Doctor's notes]. Available at: www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=3954 (in Russian).

- [6] Kim YuCh, Kim ACh. *O nashei mame Nine Vsesvyatskoi – uchitel'nitse: ocherki, vospominaniya, materialy iz domashnego arkhiva* [About our mother Nina Vsevlyatskaya – teacher: essays, memoirs, materials from the home archive]. Moscow: Zven'ya Publ.; 2007 (in Russian).
- [7] Vasil'eva E. *Lager' kak predstavlenie. Teatral'naya tema v tyuremnom narrative u Dostoevskogo i Dovlatova* [The camp is like a performance. Theatrical theme in the prison narrative of Dostoevsky and Dovlatov]. Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/6317> (in Russian).
- [8] Smilga TI. Au, Nachal'nik [Au, Chief]. *Novye izvestiya* [New tidings]. 28 December 2001 (in Russian).
- [9] Vail' B. Ob odnom zabytom epizode voyny na Baltike. Datskii istorik o sovetskoj okkupatsii Bornhol'ma [About one forgotten episode of the war in the Baltic. Danish historian on the Soviet occupation of Bornholm]. *Zvezda* [Star]. 1999; (8). Available at: magazines.russ.ru/zvezda/1999/8/vail.html (in Russian).
- [10] Chapskii K. Krasnoi armii oplot [The Red Army's mainstay]. *Vesti: Ezhenedel'noe prilozhenie "Okna"* [News: Weekly application "Windows"]. 27 November 2008 (in Russian).
- [11] Morozov N. *Datskii istorik ob otnosheniyakh s Rossiei v XX veke* [Danish historian on relations with Russia in the twentieth century]. Available at: www.rodon.org/society-100428114523 (in Russian).
- [12] Chekanskii AN. Shef-nastavnik Aleksandr Sergeevich Novakovich [Chef-mentor Alexander Sergeevich Novakovich]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. 2014; (3): 283–286 (in Russian).
- [13] Ientoft M. *Gud dag! Govorit Moskva! Radio Komintern, sovetskaya propaganda i norvezhtsy* [Good dag! Moscow is speaking! Radio of the Comintern, Soviet propaganda and Norwegians]. Moscow: ROSSPEN Publ; 2013.
- [14] Voroshilov S., Revunenkov V., Furaev V. *Noveishaya istoriya* [The newest history]. Moscow: Prosveshchenie Publ.; 1960 (in Russian).
- [15] Leipman F. *The long Journey home*. London: Bantam; 1987.
- [16] Armonas B. *Leave Your Tears in Moscow*. Philadelphia: J. P. Lippincott Company; 1961.

Article received: 31 July 2017

For citation: Inna F. Davidovich, Life experience of a Danish woman in the USSR in the context of Soviet-Danish relations of the 1920–1950s. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 617–640. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-617-640.

About the author: Inna F. Davidovich, Master of Philology, Alumna of the Philological Faculty, the Division of the Russian Language and Literature, the Department of Russian Literature of the 20th century at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-641-655

**«УРЯНХАЙСКИЙ ВОПРОС»
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ НАЧАЛА XX В.
И ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ В НЕМ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ**

В.А. Василенко

Иркутский государственный университет
664003, Россия, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
vasil-vic79@yandex.ru

В статье представлен анализ участия иностранных государств в решении проблем, связанных с вопросами ведения внутренней и внешней политики в Туве в начале XX в. Помимо рассмотрения проблемы взаимоотношений России, Китая и Монголии по «урянхайскому вопросу», ставшей традиционной в отечественной и зарубежной историографии, автор уделяет внимание аспектам присутствия интересов в регионе других государств, находящихся за пределами «центральноазиатского треугольника». Приведены подробные факты, относящиеся к вопросам пребывания иностранных подданных в Туве.

Ключевые слова: Урянхайский край, центральноазиатский треугольник, Россия, Китай, Монголия, Тува, Урянхай

Введение

Соблюдение территориальной целостности, задачи, связанные с безопасностью государственных границ, являются приоритетными в национальной политике каждого государства. С республикой Тыва исторически связано понятие лимитрофа – пространства пересечения цивилизаций. Уникальность географического расположения обусловила пересечение интересов в регионе Монголии, Китая и России. История соперничества указанных стран в Туве сохраняет свою актуальность и активно обсуждается на страницах отечественных и зарубежных исследований. Богатый ресурсный потенциал Тувы (до 1921 г. – Урянхайского края) обусловил присутствие интересов в регионе стран, не входящих в состав «центральноазиатского треугольника».

В контексте соблюдения национальных интересов, в числе которых по-прежнему приоритетными остаются поддержание стабильности в трансграничных регионах, таких, как Тува, история участия различных государств в «урянхайском вопросе», изучение методов, которые использовала российская сторона в решении споров по означенному вопросу в отношениях как с Кита-

ем и Монголией, так и со странами, не входящими в состав «центральноазиатского треугольника», несомненно, являются актуальными.

Вопрос об участии в «урянхайском вопросе» стран, территориально удаленных от Тувы – Японии, США, Франции, Германии, Бельгии и других государств Западной Европы, рассматривался косвенным образом в сборнике документов «За три века: тувинско-русские-монгольские-китайские отношения (1616–1915 гг.)», опубликованном в 1995 г. Большая часть неопубликованных материалов содержится в Архиве внешней политики Российской империи (фонды «Миссия в Пекине», «Китайский стол», Государственном архиве республика Тыва (фонд «Комиссар по делам Урянхайского края и Усинского округа»), Государственном архиве Иркутской области (фонд «Канцелярия иркутского генерал-губернатора»). Данная проблематика рассматривалась в трудах С.В. Шостаковича, Н.И. Леонова, В.И. Дулова, Е.А. Белова, Ю.В. Кузьмина и других ученых [1–4]. Вклад иностранных исследователей в изучение Тувы описан подробным образом в работе М.В. Монгуш [5]. Особенности взаимодействия российских региональных властей с иностранцами, посещающими Туву, специфика отношений иностранцев с местным населением в означенных работах рассматривались косвенным образом.

Задачи настоящей статьи заключаются в изучении вопроса участия в «тувинской политике» стран, территориально удаленных от Тувы – Японии и государств Западной Европы, а также проведении комплексного анализа политики российских властей на местах в отношении иностранного контингента, пребывающего на территории Урянхайского края в период действия российского протектората. Целью исследования является определение характера геополитических интересов стран, не входящих в состав «центральноазиатского треугольника».

Хронологические рамки исследования обусловлены активизацией российской политики в решении «урянхайского вопроса» в начале XX в., которая до провозглашения Тувинской народной республики проводилась в рамках имперских традиций. В процессе решения исследовательских задач применялись как общенаучные методы (анализа и синтеза, конкретизации, обобщения), так и традиционные методы исторического анализа.

«Урянхайский вопрос» в работах ученых Западной Европы и США

Говоря о присутствии «западноевропейского», «американского» и «японского» факторов в Туве, необходимо помнить, что данный вопрос следует рассматривать не только с точки зрения вопросов геополитики и наличия интереса иностранного капитала к ресурсному потенциалу края. В различные периоды заинтересованность к региону проявляли ученые, писатели, этнографы – выходцы из стран Западной Европы и Америки: Дж. Фриттерс, Р. Квестид, Ч. Боуден, Р. Рупен, О. Латтимор и другие. Дадим им краткую характеристику.

В работе Д. Фриттерса «Внешняя Монголия и ее международное положение» внимание уделяется вопросу установления протектората России над Тувой в 1914 г. Говоря об «урянхайской политике», автор подчеркивал, что ее характер менялся в зависимости от внешнеполитической ситуации, сложившейся на восточных российских рубежах [7, с. 107]. В монографии «Экспансия России в Восточной Азии (1857–1860 гг.)» английская исследовательница Р. Квестид, оценивая характер взаимоотношений русского приграничного населения с тувинцами, характеризует Тану-Урянхай как самую «конфликтную» часть территории Северной Монголии [8, с. 36]. В исследовании «Монголы двадцатого столетия» американский ученый Роберт Рупен, приводя факты колонизации Урянхайского края русским населением, называет факт установления протектората России над Тувой вполне закономерным явлением [9, с. 17]. Ч. Боуден, автор книги «Современная история Монголии», анализируя политику России в Туве, оценивает ее как крайне агрессивную [10, с. 85].

В задачи настоящей статьи не входит подробный историографический анализ указанных выше работ. Остановимся чуть подробнее на тех трудах, чьи авторы посетили Туву в начале XX в.

Первым иностранцем, описавшим свое пребывание в Туве, стал Д. Каррутерс. Его труд «Неведомая Монголия. Урянхайский край» стал классикой в тувиноведении. Начал он свое путешествие по Туве в 1910 г., при поддержке Королевского Географического общества Великобритании. Основной задачей экспедиции было исследование района верхнего бассейна Енисея. На сегодняшний день работа Д. Каррутерса остается одной из самых востребованных по изучению географии и этнографии Тувы. Сам автор вошел в историю как «истинный азиатский путешественник», описавший в своем труде «два самых счастливых года своей жизни» [11, с. 10].

Вторым иностранцем, посетившим Туву, был немец О. Менхен-Хельфен, синолог по образованию. Он посетил край в конце 20-х гг. XX в., в составе экспедиции, собранной по инициативе Коммунистического университета народов Востока. К тому времени она уже имела статус Народной Республики. В отличие от труда английского исследователя, книга Менхен-Хельфена не содержит, по мнению ряда ученых, системной информации, и представляет собой своего рода путевые заметки о Туве [5]. Вместе с тем необходимо отметить, что наряду с описанием этнографических сюжетов, в ней сравнительно подробно представлено описание политического статуса в Туве, приведены факты, относящиеся к общему характеру политики советской власти в отношении республики [5].

Геополитическое соперничество стран на территории Урянхайского края

Присутствие интересов политического, финансового характера со стороны стран, территориально удаленных от Тувы, наиболее очевидным образом проявилось в середине XIX в., что было обусловлено развитием кризисных

явлений в Цинской империи. На данный факт также оказали воздействие смена внешнеполитической концепции маньчжурами: начало проведения политики самоусиления в 60-х гг. XIX в. сделали возможным укрепление позиций иностранных держав, в особенности на периферии Китая.

По этой же причине в начале XX в., по мере отторжения части китайских территорий Россией и другими державами, Цинское правительство стремилось закрепить на окраинах, в том числе Халха-Монголии и Туве. До начала XX в. Танну-Урянхай был территорией, закрытой для въезда китайцев. Однако в 1901 г. был официально разрешен въезд китайским торговцам, а с 1903 – свободный въезд всех китайских подданных¹. С этого времени в Туве начинается процесс, который условно носит термин «встречной» колонизации [12, с. 155]. Меняется основное направление российской политики по «урянхайскому вопросу», и с 1901 г. иркутскому генерал-губернатору было дано указание не чинить никаких препятствий к развитию русской колонизации Тувы. Таким образом, в крае наблюдалось усиление как русского, так и китайского торгово-промышленного элемента. С этого времени русские торговцы и промышленники нередко могли выступать в роли посредников между местными властями и представителями европейского промышленного капитала. Так, владелец приисков В. Черневич вел переговоры с английскими инженерами о возможном участии английского капитала в развитии золотопромышленности Урянхая. По этой же причине один из самых влиятельных представителей русского торгово-промышленного элемента в Урянхайском крае, Г.П. Сафьянов, в 1910 г. приглашал в Туву члена английского парламента Малькольма Смита [6, с. 492].

С 1904 по 1906 г. на высоком правительственном уровне обсуждался вопрос о разработке асбестовых месторождений и золотодобыче на горе Ак-Товурак польскими инженерами, Синицким и Коциолкевичем, а также членом Парижского синдиката асбестовой промышленности, инженера Плено. Крестьяне Хаиров и Кононов, обнаружившие на горе Ак-Товурак залежи асбеста, перепродали полякам документы с соответствующей информацией. Поскольку край официально считался китайской территорией, российские власти опасались, что западноевропейские специалисты могут поднять вопрос о правовом статусе края. Некоторые чиновники выступали за то, чтобы русские золотопромышленники давали обязательство в письменной форме не продавать прииски в Урянхае².

Французы все же получили разрешение китайского правительства на разработку асбеста, несмотря на возражения российских властей. Но, встретив протест со стороны влиятельного чиновника, главы Кемчикского кожууна, нойона Хайдуба, иностранцы, как и русские предприниматели, так и не смогли получить доступ к богатствам Ак-Товурак. Разработка асбеста на Кемчике

¹ Государственный архив иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 91.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26. Л. 6.

была приостановлена до 1912 г. [13, с. 63]. Помимо англичан и французов к ресурсному потенциалу края проявляли интерес бельгийцы и немцы. Так, В.И. Дулов приводит факты о том, что немецкие фирмы из Лейпцига занимались скупкой пушнины [6, с. 492].

Как уже говорилось выше, в начале XX в. у Японии также имелись геополитические интересы в Туве, носящие косвенный характер. Спустя два года после окончания русско-японской войны 1905 г. Россия и Япония подписали конвенцию, содержащую секретный договор о разделе Маньчжурии на сферы влияния – русскую (северную) и японскую (южную). Россия обязалась не мешать политическим действиям в Корее, а Япония, в свою очередь, признавала «специальные интересы» России во Внешней Монголии. В 1910 г. договор был пролонгирован. Однако вопреки достигнутым соглашениям, же в 1908 г. во Внешнюю Монголию было направлено несколько японских разведывательных партий, изучающих пути, ведущие в Забайкалье. Следствием этого стало распространение среди населения Тану-Урянхия слухов о скором переходе края Японии, что подтверждалось в отчетах усинского пограничного начальника, А.Х. Чакирова¹.

Уполномоченный российский посланник в Пекине, действительный статский советник И.Я. Коростовец подчеркивал: «В отношении Застенного Китая и особенно Внешней Монголии ... где предоставлена свобода действий, мы должны учитывать последствия подобного посвящения Японии в наши спорные вопросы с Китаем... Ввиду вышеизложенного, казалось бы предпочтительнее не заходить слишком далеко в обмене мнений с японцами по поводу Застенного Китая и особенно не посвящать их в такие подробности, которые обнаружат слабые стороны нашего положения на этой границе»². Одной из «слабых сторон» России на восточной границе с Китаем был участок Северо-Западной Монголии – Тува. В материалах российских архивов и отечественной историографии приводятся другие сведения, подтверждающие присутствие интересов Японии в Танну-Урянхайском крае в первой четверти XX в.

С началом Синьхайской революции китайское присутствие в Туве было сведено на нет. По замечанию С.Р. Минцлова, «изгнавший от себя во время китайской революции всех китайцев, отделившийся от Монголии и, в свою очередь, отделенный беспредельными пространствами ее от Китая, богатейший край этот, населенный разрозненными племенами нищих кочевников, остался без хозяина и резко тяготеет к России. Такая неопределенность политического положения края привлекла к себе внимание иностранцев и шведы, американцы и англичане посылали в него свои ученые экспедиции, обрисовывавшие, вместе с тем, свои правительствам состояние дел в этом лакомом куске» [14, с. 2]. С этого времени российское правительство стало предпринимать ряд по-

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 17. Л. 9.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 137. Оп. 475. Д. 617. Л. 466.

следовательных мероприятий по расширению сферы политического влияния в Урянхае.

К их числу относилось хозяйственное и культурное освоение края.

Среди участников научных и хозяйственных экспедиций, отправляемых российской стороной, были и иностранцы. За ними устанавливалось наблюдение, все сведения об их пребывании тщательно фиксировались в Усинском пограничном управлении, а с 1913 г. – пограничном комиссариате. Так, в 1912 г. австрийский подданный Франц Шиллингер обратился с ходатайством предпринять охотничью экспедицию по Сибири, Монголии и Тибету с целью сбора коллекции диких зверей, по поручению музея естественной истории в Вене. Китайскую границу Шиллингер планировал перейти в Усинском крае. В Енисейскую губернию австрийский исследователь должен был прибыть в январе 1914 г., с этого времени над ним надлежало установить наблюдение, поскольку Шиллингер подозревался в причастности к военному шпионажу¹.

Политика российских властей в Туве в отношении иностранных подданных в период действия протектората

В 1914 г., на основании прошений глав наиболее крупных тувинских кожуунов о принятии в российское подданство, был установлен протекторат России над Тувой. Сам факт протектората не был признан ни одним государством. В силу защиты государственных интересов российское правительство установило особый режим охраны границ края и въезда на его территорию иностранных подданных.

Протекторат стал одним из отправных моментов, положивших начало поэтапному включению Урянхайского края в пределы российской государственности. С его установлением пребывание китайцев на территории края было крайне нежелательным для российской стороны. Сыграло немаловажную роль и изменение геополитической обстановки с началом Первой мировой войны.

В циркуляре Главного управления генерального штаба Министерства внутренних дел от 28 августа 1914 г. № 4932 в Красноярск и Усинское пограничное управление было указано: «Отмечается, что в последние годы наблюдается массовый наплыв в Россию китайцев, прибывающих за пределы Российской империи в качестве мелких торговцев. Рассеиваясь и проживая без всякого надзора по всей стране, китайцы-торговцы представляют собой элемент, из которого легко могут требоваться военные разведчики в пользу иностранных держав». Было отмечено также, что, «в целях пресечения шпионских поползновений со стороны прибывающих в пределы Империи китайцев признается крайне необходимым установить повсеместное в России, через посредство чинов жандармской и общей полиции тщательное на-

¹ Государственный архив республики Тыва (ГА РТ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 2.

блюдение за китайцами на предмет выяснения истинных их занятий и целей пребывания в Империи». Кроме того, управление потребовало докладывать о всех прибывающих китайцах в Урянхайской край: «обо всех заподозренных в шпионстве надлежит оповещать в надлежащие Окружные штабы и Департамент полиции»¹.

Иными словами, соблюдение национальных интересов требовало применения необходимых мер безопасности, и это требование распространялось, в первую очередь, на самые «проблемные» участки российской границы, в том числе в Урянхай. Любое пребывание китайских торговцев в крае местные власти стремились свести на нет. Так, в августе 1914 г. двум китайским торговцам было отказано во въезде туда по причине «неустойчивого положения в... крае», а также по причине того, что «безопасность их жизни не может быть достаточно обеспечена покровительственными мерами со стороны русской местной власти»².

С началом действия протектората колонизационные процессы в крае проходили с большей интенсивностью: российское правительство предпринимало ряд мер по политическому и хозяйственному переустройству края, в результате которых за Урянхаем должен был закреплён статус российской территории. С другой стороны, в его хозяйственном и промышленном освоении был заинтересован частный российский торговый и промышленный капитал. И в тех, и других процессах были задействованы, пусть и с небольшой долей участия, представители других государств.

С целью открытия ветеринарной станции в Белоцарске в 1914 г. была командирована ветеринарная экспедиция в Урянхайский край, в состав которой был включен в качестве зоотехника германский подданный агроном П.М. Вейгель. Деятельность иностранца находилась под пристальным вниманием местных властей, а сам пограничный комиссар В.Ю. Григорьев в письме Князеву отмечал, что внимание агронома «как исследователя поглощалось в значительной мере задачами, посторонними зоотехнике... г. Вейгель проявлялся в Урянхае не столько в качестве объективного исследователя, сколько лица, которое намеренно или ненамеренно ведет антирусскую агитацию в крае»³.

Иркутский генерал-губернатор, в свою очередь, обратил внимание министра внутренних дел на то, что командирование иностранца считает «неудобным» в крае, «находящемся в переходном состоянии, где предстоит постепенное устройство русского управления иностранца в качестве русского официального лица»⁴.

¹ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 2.

² Там же. Л. 13.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 170. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 9.

До получения ответа на данное замечание со стороны Маклакова (МВД) Князев задержал Вейгеля в Иркутске, однако иностранец выехал в Россию дальше. В Урянхае Вейгель продолжал вести свою деятельность, а в январе 1915 г. был принят в русское подданство¹.

В июле 1914 г. Урянхайский край посетили знаменитый специалист по горной промышленности, полный член Великобританского Королевского Горного и металлургического Института Нокс и его помощник Вайт. Основная цель поездки заключалась в оценке речных систем с точки зрения их эксплуатации в золотодобыче².

На золотых приисках Черневича, Железнова, Воронина работали японские подданные, корейцы по национальности. В период с 1914 по 1917 г. их число варьировалось до 17, а к 1919 г. возросло до 48 человек³.

Дальнейшее укрепление позиций России в период действия протектората требовало немалых финансовых вложений, а их существенным образом не хватало. Участие в России в Первой мировой войне отразилось негативным образом на материальном обеспечении деятельности русских властей в крае. Иркутскому генерал-губернатору с трудом удалось получить кредитные средства от Министерства внутренних дел на ведение разведывательной деятельности в крае⁴. В то же время монгольское и китайское правительства стремились по-прежнему изменить ситуацию в свою пользу. Зачастую в край направлялись эмиссары из Урги для проведения активной агитации⁵. В 1916 г. был организован мятеж против русской власти, в подготовке и проведении которого большую роль сыграли монголы, они же пожаловали предводителю восстания Ванчику титул гуна (князя). В этом же году был убит ставленник российской власти Агбан Шарып⁶. Таким образом, к 1916 г. обстановка в Урянхае была крайне напряженной. С российской стороны был предпринят ряд мер, в том числе увеличение вооруженных сил в крае до числа сотни. Российские власти, во избежание усиления позиций Китая, установили также в 1916 г. временный запрет для большинства китайцев, пересекающих тувинскую территорию. Так, на основании распоряжения иркутского генерал-губернатора в июне 1916 г. был наложен запрет на проезд через Урянхай китайского чиновника, а приставам и урядникам края пограничным комиссаром было рекомендовано выдворять китайцев, всех без исключения⁷.

Однако исключения, обусловленные необходимостью присутствия китайских рабочих, все же были. Так, в начале 1917 г. заведующий устройством русского населения ходатайствовал перед комиссаром по делам Урянхайского

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 170. Л. 12.

² ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 15.

³ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 1, 14.

⁴ ГАИО. Ф. 5. Оп. 11. Д. 132.

⁵ ГАИО. Ф. 25. Д. 129. Л. 171.

⁶ Там же. Л. 23 (об).

⁷ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 23. Л. 66.

края об оставлении артели китайцев из 10 человек «на работах по добыче угля для казенных надобностей», поскольку, как отмечалось, работников «заменить в настоящее время без ущерба для казны ни в коем случае не представляется возможным, так как добыча здесь каменного угля примитивными приспособлениями сопряжена с большим затруднением и поэтому нанять... другую артель из русских, которые на эту работу не идут, совершенно невозможно»¹. Ходатайство было удовлетворено, и китайцев оставили до марта 1918 г. при условии бдительного наблюдения².

Приход к власти Временного правительства в феврале 1917 г. не изменил, в целом, концепции управления Урянхайским краем – протекторат России по-прежнему сохранялся. Период 1917–1919 гг. был переходным, власть в крае переходила от сторонников поддержания старого порядка к большевикам и наоборот. Однако методы надзора и контроля за пребыванием иностранных граждан в крае оставались неизменными, а самим подданным иностранных государств приходилось находить общий язык с постоянно меняющейся властью.

В июле 1917 г. по поручению российской академии наук в край были командированы ученый хранитель минералогического музея Академии наук, О.А. Баклунд и профессор Гельсингфорского университета Я.И. Седерхольм. Основной целью поездки было «научное исследование гранитов»³. В составе экспедиции были также ученые-норвежцы Стейнар Фослие и Гакс-Гауген.

Российские власти пристально следили за членами экспедиции, постоянно докладывая о событиях краевому комиссару в Иркутск. Вскоре действия иностранцев были «признаны не соответствующими своему назначению».

По словам исполняющего обязанности комиссара В.Н. Самойлова, иностранцы «сорят деньгами, столбят золотиносные каменноугольные и прочие площади не имея на это никакого разрешения», заняли золотосодержащую местность по левому берегу р. Енисей (Улу-Кем) примерно в 22 верстах от Белоцарска⁴. Они же намеревались, по сообщениям комиссара, открыть кожевенный завод и приобрести лесопилку у одного из русских поселенцев. Указанные действия стали предметом специального обсуждения на совещании, состоявшемся 25 июля 1917 г., собранном по инициативе временно исполняющего обязанности комиссара В.Н. Самойлова. На нем было принято решение «о содействии исполнению поручений академии по научному исследованию гранитов в Урянхайском крае... остальные мероприятия прекратить, в случае сопротивления их выслать за пределы края»⁵. Решение, принятое на совещании, не было единогласным: 25 участников выразили мнение о том, что «ниче-

¹ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 65.

² ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 23. Л. 66.

³ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 65. Л. 5–5 (об).

⁴ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 65. Л. 15. Л. 15 (об).

⁵ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 65. Л. 24, 25.

го не имеют против исследования богатств в Урянхае», а в протоколе общего собрания населения г. Белоцарска от 18 августа 1917 г. сказано, что решение комиссара запретить разведку является неправильным¹. Но В.Н. Самойлов, по-прежнему придерживаясь мнения о том, что «иностранцы являются подставными лицами иностранного капитала», активно добивался прекращения предпринимательской деятельности О.А. Баклунда и Я.И. Седерхольма. В конечном итоге комиссар получил ответ от заведующего горным подотделом о том, «все золотоносные местности в пределах Урянхайского края, согласно декрету о земле от 26.10.1917. доступны для разведок и разработок исключительно трудовыми артелями»². На этом, по всей видимости, данный вопрос был исчерпан.

Усиленное наблюдение было также установлено в конце августа 1917 г. японцами – Томи Сатоо и Санзира Токадо³.

Смена позиций по «урянхайскому вопросу» в политике России после 1917 г.

Смена власти в России с приходом большевиков изменила общее направление курса «восточной политики», которая, по справедливому замечанию Н.М. Моллерова, на первых этапах была весьма противоречивой [15, с. 17]. В контексте принципа самоопределения народов, зачастую в ущерб геополитическому положению страны, советская дипломатия пошла на разрушение систем, служивших своеобразным «щитом безопасности». К такой системе относилась и кяхтинская, обеспечивавшая относительную стабильность и автономность существования Халха-Монголии и Танну-Урянхая [13, с. 18]. Ослабление в этой связи позиций России на восточных рубежах привело к тому, что летом 1918 г. на территорию Монголии и Тувы были введены монгольский и китайский военные отряды. Приход к власти Омского правительства, возвращение к прежней форме управления краем – протекторату – не изменил ситуации: в долине р. Хемчик был организован антиколчаковский мятеж, который вскоре принял характер антирусского и вскоре перерос в гражданскую войну [16, с. 72]. Против правительства Колчака выступало население Тувы, нередко сражаясь в монгольских и китайских вооруженных отрядах. Сторонниками Временного Сибирского правительства были представители тувинской элиты [16, с. 72].

Само правительство Колчака, потерпев серию неудач и поражений в борьбе с большевистскими войсками, нередко меняло тактику в отношениях с китайской и монгольской стороной, все больше придерживаясь нейтралитета в

¹ Там же. Л. 26.

² Там же. Л. 68.

³ ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б. Л. 23. Л. 108.

сношениях с иностранными государствами, а методы наблюдения и контроля за пребыванием иностранцев в Урянхайском крае оставались неизменными. Министерство иностранных дел Омского правительства до последнего рекомендовало комиссару воздержаться от выдачи каких-либо разрешительных документов китайцам для въезда в Урянхай¹.

С помощью партизанских отрядов под руководством А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина власть большевистского правительства была восстановлена, а в июле 1919 г. СНК РСФСР обратился к правительствам Северного и Южного Китая с декларацией, в которой говорилось о готовности прекратить все действия неравноправных договоров и отказаться от всех завоеваний царского правительства [15, с. 21]. В данном контексте выстраивалась линия отношений по «урянхайскому вопросу» и в дальнейшем: советская власть до начала 1920-х гг. основной задачей ставила защиту интересов русских поселенцев в Урянхае. Вопрос о территориальном статусе края не был первостепенным, поскольку все внимание было сосредоточено на регионах, где решалась судьба Гражданской войны, поэтому вопрос о вводе китайских войск и дальнейшие действия иностранных государств в отношении Монголии и Тувы на данном этапе не считался приоритетным. Однако в дальнейшем советская сторона прилагала все усилия для проведения политической работы в Туве [16, с. 218–220]. В августе 1921 г. вопрос о ее национальном самоопределении был решен. На Всетувинском съезде было объявлено об учреждении Тувинской народной республики (ТНР). В своей внутренней политике ТНР действовала самостоятельно, во внешней – под покровительством Советской России. С определением политико-правового статуса Тувы вопрос об ее участии во взаимоотношениях с иностранными государствами решался в контексте общего направления «восточной политики» советского государства.

Выводы

Таким образом, участие иностранных государств в решении «урянхайского вопроса» в начале XX в. проявлялось по-разному: и со стороны ученых-этнографов, и со стороны специалистов по горной промышленности.

Заинтересованность к ресурсному потенциалу Танну-Урянхая стала проявляться у представителей западноевропейского промышленного капитала по мере развития кризисных явлений Цинской империи. Можно также отметить, что попытка освоения природных богатств края европейскими промышленниками предпринималась на фоне столкновения интересов стран «центральноазиатского треугольника». В силу собственных геополитических причин Россия и Китай одновременно стремились укрепить свои позиции в регионе. Фактическая неопределенность политико-правового статуса края вынуждала французских, немецких, английских промышленников балансировать между

¹ ГА РТ .Ф. 112. Оп. 1.Д. 123. Л. 138–139.

китайскими и российским властями, русскими колонистами и местным населением для решения вопросов об их дальнейшем участии в разработке естественных богатств Тувы.

Косвенным образом в первой четверти XX в. сохранялся интерес к Туве и соседней с ней Халха-Монголии у Японии, вопреки секретному договору последней с Россией от 1907 г.

Установление российского протектората над Тувой не было признано на международном уровне. По этой причине российское руководство вынуждено было проводить крайне осторожную политику как по реформированию политического устройства края, так и по вопросам взаимодействия с иностранными государствами. Вместе с тем в вопросах, касающихся распространения китайского, монгольского, японского или европейского влияния в крае, российская дипломатия заняла уверенную позицию. Пребывание подданных любых иностранных государств находилось под контролем местных властей. Об их деятельности, перемещениях по территории края докладывалось вышестоящему руководству. Наблюдение за подданными иностранных государств, к числу которых российское правительство относило после 1914 г. Китай и Монголию, усилилось с началом Первой мировой войны. С этого же времени ужесточается порядок выдачи разрешительных документов для иностранцев. Необходимо также отметить факт ужесточения режима пребывания иностранцев в крае с 1916 г., в особенности для китайских граждан, что было связано с ростом прокитайских и промонгольских настроений в крае.

С приходом к власти Советского правительства прекратила существование «кяхтинская система», которая в качестве гаранта относительной стабильности в центрально-азиатском регионе защищала Халха-Монголию и Туву от интервенции со стороны Китая. Причина ее ликвидации повлияла на смену политической ситуации в Танну-Урянхае и появлению новых вооруженных столкновений с китайскими отрядами в период Гражданской войны в России. Лишь с учреждением Тувинской народной республики в 1921 г. территориальные претензии других государств формально на данном этапе были нивелированы.

© Василенко В.А., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Литература

- [1] *Шостакович С.В.* Политический строй и международно-правовое положение в прошлом и настоящем. Иркутск, 1929.
- [2] *Белов Е.А.* Борьба за Урянхайский край в 1915–1919 гг. // Отечественная история. №1. 1998. С. 55–65.

- [3] Кузьмин Ю.В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России: (конец XIX – 30-е гг. XX в.) Иркутск, 1997.
- [4] Монгуш М.В. Зарубежные исследователи Тувы (краткий обзор) // Новые исследования Тувы. № 2. 2010. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_6/1731-mongush.html (дата просмотра 25.07.2017).
- [5] Леонов Н. Тану-Тува. Страна голубой реки М., 1927.
- [6] Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы XIX – начало XX вв. М., 1956.
- [7] Каррутерс, Д. Неведомая Монголия. Ч. I. Урянхайский край // Урянхай. Тывадептер. Том 4. Часть 1. М., 2007. С. 10–261.
- [8] Fritters G.M. Outer Mongolia and its international position / G.M. Ed. By E. Lattimore. Hopkins, 1949.
- [9] Qusted R. The expansion of Russia in East Asia 1857–1860. Singapore, 1968.
- [10] Bawden Ch. The modern History of Mongolia. L-N-Y, 1989.
- [11] Lattimore E. The making of modern China. N-Y, 1944.
- [12] Бомбужай А. К-О. Россия и Тува: проблема становления связей в конце XIX – начале XX вв.: дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1999.
- [13] Василенко В.А. На пути к протекторату (Отношения правительства имперской России с Китаем и Монголией по вопросам политического влияния в Туве во второй половине XIX – 1914г.) Иркутск, 2014.
- [14] Минцлов С.Р. Урянхайский край // Енисейская мысль. № 2. 1915. С. 2.
- [15] Моллеров Н.М. История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.). М., 2005.
- [16] Дацышен В.Г. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл, 2003.

2. Документы и материалы

- [17] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 137. Оп. 475. Д. 617.
- [18] Государственный архив республики Тыва (ГА РТ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б.
- [19] ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 65.
- [20] ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 17 б.
- [21] ГА РТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 123.
- [22] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 17.
- [23] ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 26.
- [24] ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 129.

Рукопись поступила в редакцию: 4 сентября 2017 г.

Для цитирования: Василенко В.А. «Урянхайский вопрос» во внешней политике России начала XX в. и проблема участия в нем иностранных государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Том 16. № 4. С. 641–655. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-641-655.

Информация об авторе: Василенко Виктория Александровна – к.и.н., доцент кафедры прикладной информатики и документоведения Иркутского государственного университета (Иркутск, РФ).

**“URIANKHAI ISSUE”
IN FOREIGN POLICY OF RUSSIA IN EARLY 20TH CENTURY
AND THE PROBLEM OF FOREIGN STATES’ PARTICIPATION IN IT**

Victoria A. Vasilenko

Irkutsk State University
1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003, Russia
vasil-vic79@yandex.ru

The article presents the analysis of the participation of foreign countries in solving the problems related to the management of domestic and foreign policy in Tuva in the early twentieth century. The problem of determining the legal and political status of Tuva and its territorial jurisdiction is traditionally bound in domestic and foreign historiography with the words “Uriankhai issue”. The latter, as a rule, is considered in the context of rivalry between Russia, China and Mongolia – the countries of the “Central Asian triangle”.

The author pays attention to the interests of other countries, including Japan and the countries of Western Europe, in this region. There has been conducted a generalized analysis of the information relating to the presence of Western industrial capital in Tuva, shows the nature of the relations between the European entrepreneurs from Russia, China and Tuva authorities. The article provides the detailed facts of the presence of various groups of foreign citizens in the province in the period of the protectorate. In the context of the analysis of the general geopolitical situation in Central Asia, the author describes the actions of the Russian authorities against foreign troops, including the methods and forms of work in that direction.

The author comes to the conclusion that, despite the use of exclusively peaceful measures against foreign troops in Tuva, the local authorities sought to prevent any actions aimed at undermining the Russian positions in the region. For this reason, depending on the geopolitical situation in Tuva, the regime of stay of foreigners, issuance of permits softened or hardened. The author concludes the study with the description of the events of the 1920s, the time when there was a change of concept relations with foreign states due to the Bolsheviks’ coming to power.

Keywords: Russia, China, Mongolia, Tuva, Uriankhai

REFERENCES

- [1] Shostakovich S.V. *Politicheskiy stroy i mezhdunarodno-pravovoe polozhenie Tuvi v proshlom I nastoyaschem* [Political order and international legal position in the past and present]. Irkutsk; 1929 (in Russian).
- [2] Belov EA. Borba za Uryanhayskiy kray v 1915–1919 gg. [The struggle for the Uryanghai region in 1915–1919]. *Otechestvennaya istoria*. 2003; 1: 55–65 (in Russian).
- [3] Kuzmin YuV. *Mongoliya i «Mongolskiy vopros» v obschestvenno-politicheskoy myisli Rossii: (konets XIX – 30-e gg. XX v.)* [Mongolia and the “Mongolian question” in the socio-political thought of Russia: (the late 19th – 30th of the 20th century)]. Irkutsk; 1997 (in Russian).

- [4] Mongush MV. Zarubezhnyie issledovateli Tuvyi (kratkiy obzor) [Foreign researchers of Tuva (short review)]. *Novyie issledovaniya Tuvyi*. 2010; (2). Available at: https://www.tuva.asia/journal/issue_6/1731-mongush.html (in Russian).
- [5] Leonov N. *Tanu-Tuva. Strana goluboy reki* [The country of the blue river]. Moscow, 1927 (in Russian).
- [6] Dulov VI. *Sotsialno-ekonomicheskaya istoriya Tuvyi XIX – nachalo XX vv.* [Social and economic history of Tuva of the XIX – early XX centuries]. Moscow; 1956 (in Russian).
- [7] Karruters D. Nevedomaya Mongoliya [Unknown Mongolia. Part I. The Uryanhai Territory]. *Uryanhay. Tyiva depter*. Moscow; 2007; 1(4): 10–261 (in Russian).
- [8] Fritters GM. *Outer Mongolia and its international position*. Hopkins; 1949.
- [9] Qusted R. *The expansion of Russia in East Asia 1857–1860*. Singapore; 1968.
- [10] Bawden Ch. *The modern History of Mongolia*. London – New-York; 1989.
- [11] Lattimore E. *The making of modern China*. New-York; 1944.
- [12] Bombuzhay AK-O. *Rossiiai Tuva: problema stanovleniya svyazey v kontse XIX – nachale XX v.: dissertatsia na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02.* [Russia and Tuva: the problem of the formation of ties in the late XIX – early XX centuries: PhD thesis]. Moscow; 1999 (in Russian).
- [13] Vasilenko VA. *Na puti k protektoratu (Otnosheniya pravitelstva imperskoy Rossii s Kitaem I Mongoliej po voprosampoliticheskogovliyaniya v Tuvevovtoroyopolovine XIX – 1914g.)* [Towards a Protectorate (Relations of the Government of Imperial Russia with China and Mongolia on Political Influence in Tuva in the Second Half of XIX – 1914)]. Irkutsk; 2014 (in Russian).
- [14] Mintslov SR. *Uryanhayskiy kray* [Uryanhai region]. *Eniseyskaya myisl*. Krasnoyarsk; 1915; (2): 2 (in Russian).
- [15] Mollerov NM. *Istoriya sovetско-tuvinskih otnosheniy (1917–1944)* [The history of Soviet-Tuvan relations (1917–1944)]. Moscow; 2005 (in Russian).
- [16] Datsyishen V.G. *Sayanskiy uzel: Usinsko-Uryanhayskiy kray i rossiysko-tuvinskie otnosheniya v 1911–1921 gg.* [Sayan knot: Usinsk-Uryanhai region and Russian-Tuvan relations in 1911–1921]. Kyizyil; 2003 (in Russian).

Article received: 4 September 2017

For citation: Victoria A. Vasilenko, “Uriankhai issue” in foreign policy of Russia in the early 20th century and the problem of foreign states’ participation in it. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 641–655. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-641-655.

About the author: Victoria A. Vasilenko, PhD in History, Associate Professor of Department of Applied Informatics and Documentation Department at Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-656-669

ПОНЯТИЙНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНТЕКСТА ТРУДОИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ЭКОНОМИКЕ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н.А. Гаража

Новороссийский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
353907, Россия, Новороссийск, ул. Видова, 56
ngarazha@yandex.ru

В статье рассмотрены официальные и персональные характеристики и размышления относительно понятийной составляющей феномена трудоустройства советских граждан в экономике Третьего рейха. Результаты настоящего исследования подтверждают факт значимости для экономики нацистской Германии больших контингентов гражданских лиц и военнопленных стран – военных противников с точки зрения введения, распространения и закрепления в официальном и бытовом лексиконе определенного количества терминов и понятий, характеризовавших процесс трудовой эксплуатации и, собственно, лиц, ей подвергавшихся. Также в письмах и воспоминаниях бывших «восточных рабочих» зафиксировано не только отношение к сложившемуся семантическому полю их жизни в Германии, но и выработан собственный набор лексем, которые стали опознавательными маркерами для людей схожей судьбы.

Ключевые слова: «восточные рабочие», остарбайтеры, Третий рейх, национал-социализм, пропаганда, Великая Отечественная война

Введение

История определенных исторических этапов и событий концентрируется в наполненных значением понятиях. Именно в них, олицетворяющих событийную канву истории, спрятана «история опыта». В настоящей статье осуществлен анализ процесса доставки и трудоустройства советских граждан на территории Третьего рейха посредством закрепившихся устойчивых определений, характеризовавших эти действия. Мы акцентировали внимание на наиболее часто употребляемых дефинициях.

Соотнося официальные и персональные характеристики, сопровождавшие повседневную жизнь, мы учитывали варианты соотношения понятий и

реальности, которые объединяет важность коннотации понятий, многообразие смысловых нюансов и влияние временных наслоений на бытование понятий и символов в описательных характеристиках событий насильственного пребывания миллионов советских граждан на работах в государстве – военном противнике [1, с. 23].

Так как представления о феномене массовой депортации населения оккупированной территории Советского Союза и его труда в интересах Третьего Рейха лежат в основе политического обоснования и конкретных мобилизационных решений нацистской Германии, а также отображены в пропагандистской и иной документации, а их рефлексия реципиентом – в источниках личного происхождения, то, соответственно, источниковая база настоящего исследования охватывает широкий круг опубликованных и архивных документов нормативно-правового, статистического, делопроизводственного и личностного характера.

Также в работе была учтена интерпретация отечественными и зарубежными исследователями смыслов определений и самоопределений «восточных рабочих», формировавшихся и эволюционировавших под воздействием условий времени и места. Несмотря на определенную дискуссионность и даже «щепетильность» отдельных аспектов феномена трудоиспользования советских граждан в экономике Третьего рейха в период Великой Отечественной войны, отметим отсутствие ярко выраженных зон непонимания или конфликта относительно анализа понятийного аппарата проблемы, хотя очевидно, что специфика самой проблемы сказывается на региональной атмосфере ее историописания. Государства и народы, вовлеченные в процесс трудоиспользования значительных контингентов рабочей силы в экономике Третьего рейха в период Великой Отечественной войны, наиболее активны в исследовании вопроса.

Все исследователи – российские и зарубежные, занимающиеся вопросами трудоиспользования военнопленных и гражданских лиц в период войны, делают безусловный акцент на понятийной составляющей проблемы, приводят официально документированные с авторскими комментариями либо собственные классификации подневольных рабочих [2–4]. В качестве специального исследования, анализирующего терминологический аспект проблемы в соединении с нормативным и статистическим, можем выделить статью украинского историка Р. Пилявца [5]. Работы Т. Пастушенко [6] и Х. Холланда [7] – это уже своеобразный методологический прорыв с точки зрения пополнения объекта исследования новыми терминологическими конструктами, определяющими как авторское видение вопроса, так и будущие исследовательские ориентиры в рамках анализа вопросов трудоиспользования иностранных граждан Германией в период войны.

В силу специфики хронологии настоящей темы, а именно: сохраняющейся возможности использования методов устной истории, некоторые ученые, интерпретирующие данные интервью с бывшими «подневольными работни-

ками», закономерно фиксируют множественность их понятийного аппарата, коллизии отношения к официальной терминологии [8; 9]. Тем не менее, специально не анализируют проблему. В настоящей статье изучение личностного среза формулирования устойчивых, оригинальных понятий, характеризовавших условия жизни и работы в Германии, представлено впервые.

К проблеме численности «восточных рабочих» в Третьем рейхе

Проблема трудоустройства граждан оккупированных государств и территорий измеряется не только качественными исследовательскими практиками, но и количественными. Именно они способны категорично подчеркнуть масштаб применения технологий принуждения и рабского труда Третьим рейхом. По материалам Нюрнбергского процесса (в частности, заключительного слова Главного обвинителя от СССР Р. Руденко 29–30 июля 1946 г.), в промышленности и частично в сельском хозяйстве Германии во время войны было использовано около 10 млн «подневольных рабочих», как вывезенных с оккупированных территорий, так и из числа военнопленных¹. По другим данным, во время Второй мировой войны на территории Третьего рейха работали 13 млн 500 тыс. иностранных рабочих и узников лагерей, от 80 до 90% из которых были «подневольными рабочими». С учетом изменений (иногда многократных) статуса – это было 8 млн 400 тыс. гражданских рабочих, 4 млн 600 тыс. военнопленных и 1 млн 700 тыс. узников концлагерей и «евреев-рабочих»².

По подсчетам П. Поляна, число перемещенных лиц с территории СССР на территорию, принадлежавшую или контролировавшуюся Третьим рейхом или его союзниками перед нападением на СССР, составляло около 8 млн 700 тыс. человек. Из них примерно 5 млн 450 тыс. – гражданских лиц и 3 млн 250 тыс. – военнопленных [4, с. 95]. По данным «Всероссийской книги памяти», с оккупированных территорий СССР на работу в рейх было насильно вывезено 5 млн 269 тыс. 513 человек.

Из общего количества вывезенных из Советского Союза гражданских лиц, по данным «Всероссийской книги памяти», после войны было репатрировано в СССР 2 млн 654 тыс. 100 человек. Не вернулись по разным причинам и остались в эмиграции 451 тыс. 100 человек [5, с. 95]. Более 2 млн 160 тыс. рабочих погибли или умерли на чужбине. Эти цифры, по мнению некоторых исследователей, чрезмерно завышены. П. Полян пишет о

¹ Нюрнбергский процесс. В 2 т. Т. 2. М.: Госиздат юридич. лит., 1955. URL: <http://lib.rus.ec/b/379437/read#t7>.

² Иностранная рабочая сила при национал-социализме. Термины, цифры, сферы ответственности // Сайт Бундесархива. URL: <http://www.bundesarchiv.de/zwangsarbeit/geschichte/auslaendisch/begriffe/index.html.ru>.

80–100 тыс., В. Земсков – о 100–200 тыс. погибших «восточных рабочих» на территории Германии [6].

Солидаризируемся с тем, что точный подсчет угнанных или выехавших по собственному желанию в рейх, репатриированных, умерших на территории Германии или еще в процессе депортации невозможен в силу ряда причин: недостаточного документального обеспечения проблемы, иногда неточной фиксации выезжавших в Германию, персональных коллизий судеб «восточных рабочих» и т.д.

Но, исходя только из представленных объемов контингентов дешевой, чаще – бесплатной рабочей силы, можно оценить их актуальность для германской военной экономики, оперативно реагировавшей таким образом на экономические затруднения и осуществлявшей поиск ресурсов максимизации прибыли предприятий [7, с. 391–393].

Соответственно, уровень важности вопроса для руководителей Третьего рейха демонстрирует вовлеченность в его решение знаковых политических структур и фигур. Организацией использования иностранной гражданской рабочей силы на высшем уровне в Третьем рейхе занимались уполномоченный по выполнению четырехлетнего плана (Герман Геринг), рейхсминистр труда (Франц Зельдте), а с 1942 г. – большей частью главный уполномоченный по использованию рабочей силы (Фриц Заукель), кроме того, рейхсминистр оккупированных восточных территорий (Альфред Розенберг) совместно с рейхскомиссарами Остланда (Генрих Лозе) и Украины (Эрих Кох), а также главное управление имперской безопасности (Рейнхард Гейдрих, Генрих Гиммлер, Эрнст Кальтенбруннер).

Мобилизация значительного количества иностранных рабочих, изъятых с оккупированных территорий, а также военнопленных очевидно невозможна была без насилия и принуждения к труду [8]. Плохое обращение, сложные бытовые условия и тяжелейшие работы стоили жизни многим привлекаемым к работе в Германии. Поэтому определения «принудительный труд» не боялись и не избегали в документации, оно стало неотъемлемым критерием социально-экономической политики германского государства в период войны.

Понятийный аспект проблемы в официальном, научном, повседневном дискурсе

Говоря непосредственно о терминологических зигзагах проблемы, в первую очередь апеллируем к общепризнанному авторитетному исследователю проблемы трудоустройства иностранных граждан в нацистской Германии – У. Герберту, который выделил четыре категории работников, отличавшихся друг от друга в отношении типа и метода набора, социального статуса и правового положения, а также продолжительности и условий рабочих отношений [2, с. 193]:

- иностранные гражданские рабочие, доставленные в Германию с 1939 по 1945 г. (Fremdarbeiter);

- военнопленные, которые использовались в качестве рабочей силы. В эту группу входят также итальянские военнослужащие, задержанные после выхода Италии из военного блока с Германией, значительное число польских заключенных, квалифицированных в качестве «гражданских служащих» (Zivilarbeiter);

- заключенные концентрационных лагерей в пределах территории рейха;
- евреи по месту жительства, в гетто, принудительных трудовых лагерях или в разветвленной сети концентрационных лагерей.

Гражданских рабочих зачастую не отделяли от военнопленных, что мы находим в рассказах участников событий с обеих сторон. В воспоминаниях и военнопленных и гражданских рабочих есть понятие – «гражданские пленные» – это в основном квалифицированные рабочие, учителя, инженеры и т.д.¹ В целях выполнения железо-стальной программы и с тем, чтобы обеспечить требования угольной промышленности, А. Гитлер приказал профессиональных горнорабочих в возрасте от 16 до 55 лет приравнять к категории военнопленных².

В целом, данная классификация воспроизводит официальную терминологию Третьего рейха с безусловно важными авторскими акцентами. У Герберт обращает внимание на селективный подход к проблеме со стороны национал-социалистов, который заключался не только в утилитарном упорядочивании рабочей силы, но и в желании подчеркнуть отношение к различным группам рабочих. Формированию слоев и групп, стравливанию их друг с другом в этой и так многоликой среде способствовали избирательность насилия, искусственно создаваемая нищета, агония тяжелого труда, провоцирование межнациональной и межконфессиональной вражды, в том числе – настраивание немецких рабочих против военнопленных и заключенных концлагерей [9, с. 101–102]. Манипуляция групповым и индивидуальным сознанием в собственных целях как одно из средств фашизма и немецкого финансового капитала в полной мере проявилось и в этом вопросе. Таким образом, вся система трудоустройства Германией иностранных граждан в период войны строилась в замкнутом круге: насилие для сегрегации, сегрегация для насилия.

В этой связи особый смысл приобретает поставленная М. Шперером проблема социально-правового статуса трудоустройства. Исследователь выделяет факторы подневольности и изолированности труда в качестве основного признака для классификации иностранных рабочих [3, с. 173]. Этот тезис не нарушает общей логики трудовой политики Третьего рейха и подтверждаем исследователями.

¹ Рассказ бывшего военнопленного военврача 3 ранга Розенберга Александра Павловича // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 48. Л. 16.

² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 257.

Наиболее отчетливо такие элементы, как наделение или же, наоборот, лишение определенных прав и привилегий работников представлены в категории «восточных рабочих», выступавших частью группы иностранных рабочих и имевших собственное подразделение в иерархии.

«Восточный рабочий», или «Остарбайтер» (нем. *Ostarbeiter* – работник с Востока) – определение, принятое в Третьем рейхе для обозначения людей, вывезенных из Восточной Европы с целью использования в качестве бесплатной или низкооплачиваемой рабочей силы в 1942–1944 гг.

Термин сохраняет свою научную и социально-историческую актуальность в силу насыщенного присутствия во всех группах источников. Эквивалентом ему также может выступать понятие «принудительные рабочие с Востока» (Г. Геринг, как автор термина «остарбайтер», ставил знак равенства между понятиями, подразумевая характер мобилизации рабочих ресурсов на Востоке) или «подневольные работники»¹ (понятие, поддерживаемое в современной Германии). Среди понятийных новообразований можем выделить «остарбайтерство» Ю.Ф. Скрипниченко [10]. В лексикон русскоязычного исследователя этот термин не войдет, но он логично звучит при осмыслении групповой психологии принудительных рабочих.

К категории «восточных рабочих» причислялись рабочие из старых советских или старорусских областей. Они обязаны были носить знак «OST», хорошо видимый на груди, на каждом виде одежды. Национальная принадлежность «восточных рабочих» не имела значения. Понятие «восточный рабочий» распространялось не только на все демографические и профессиональные группы советских граждан, попавших в рейх, но и включало советских военнопленных, чей труд также активно использовался в промышленности и сельском хозяйстве.

Для руководства по вопросу применения труда «восточных рабочих» в экономике рейха и отношения к ним были изданы специальные директивы, как, например, «Памятка об обращении с гражданскими иностранными рабочими в Германии» от 1 октября 1942 г. В шести пунктах документа определялись характер мест содержания остарбайтеров, их права (два раза в месяц посылать одно письмо или открытку) и ограничения (запрет на посещение церкви, интимных отношений, самовольные отлучки из хозяйства работнанимателя)². Очевидно, что в процессе войны понятие «восточный рабочий» могло подменять собой понятие «иностраный рабочий», возможно, в силу превалирующих контингентов с оккупированной территории СССР.

В некоторых нацистских документах, регламентировавших процесс набора и трудоустройства советских граждан, иногда присутствовали се-

¹ Фонд «Память, ответственность и будущее». URL: <http://www.stiftung-evz.de/rus/o-nas>.

² Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Экономика, 1985. С. 194–195.

тования, что понятие «восточный рабочий» более узкое, чем «иностранные рабочие», поэтому «затронутые этим лица должны воспринимать это как несправедливость»¹. Скорее в этом находим лицемерный акт оправдания изначально неприемлемого, жестокого, вне правил и даже предписаний отношения к рабочим из СССР.

Современная историография проблемы достаточно педантична в этом вопросе: два понятия употребляются в строго первоначально приобретенном значении.

«Восточные рабочие» как особая группа по национальному составу, конфессионально, в социально-профессиональном аспекте не представляла собой единства, что подчеркивалось и умело использовалось в пропаганде Германии. Достаточно часто в самых разнообразных источниках Третьего рейха – пропагандистских, делопроизводственных – в качестве синонима понятию «восточный рабочий» употреблялось «русский рабочий». Так, в пропагандистской брошюре «Политические задачи немецкого солдата в России в свете тотальной войны» говорилось следующее: «Необходимое в тотальной войне использование русской рабочей силы породило понятие “восточный рабочий”. ...Работают они хорошо и не подают повода недовольства, обращаются с ними так же, как и с другими иностранными рабочими, согласно следующих принципов: хорошее питание, чистота, здоровая квартира, справедливое обращение»².

В этом выделении в особую категорию «русских» рабочих находим воплощение в жизнь концепта «разделяй и властвуй». Рознь активно разжигалась между представителями народов СССР и Восточной Европы. Особенной «удачей» были прорастающие семена раздора между русскими, украинцами и белорусами. Даже в послевоенном политическом сленге присутствовали понятия «восточники» и «западники». К последним причисляли выходцев из Западной Украины и Западной Белоруссии, а также прибалтийские народы, которые якобы составляли особый контингент и выезжали на работы в Германию по собственной воле³. Это было крайне условное деление, не всегда соответствовавшее действительности. В этом контексте приведем пример исследования Л. Макдоуэлл [11].

Анализируя интервью с 25 латышскими женщинами, выехавшими после Второй мировой войны в Великобританию, автор отмечает, что статус выезда в Германию они определяют не однозначно: от «мобилизации», «призыва помочь в войне» до «принудительных работ». При этом едины во мнении о крайне тяжелом труде, в котором поддерживало только ощущение «особенно-

¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 256. Л. 407.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 166. Л. 53.

³ Остарбайтеры // Демоскоп Weekly. 2001. № 15–16. URL: <http://demoscope.ru/weekly/015/tema04.php>.

го» к ним отношения со стороны немецких властей благодаря участию родственников в латышском легионе. В целом добровольный отъезд был крайне редок, зачастую условен независимо от территории. Добровольно выезжавшие на работы в Германию из числа местных жителей и освобожденные военнопленные получили название «лица, желающие оказывать содействие – hilfswillige»¹. В свидетельствах «восточных рабочих» находим утверждения, что при насильственных методах угона с вручением номера иногда выдавались документы о добровольном выезде в Германию². Поэтому красноречива фраза из немецкого документа: «рабские добровольцы»³, подразумевавшая очевидность расхождения между пропагандой и действиями нацистской Германии. Украинский исследователь Т. Пастушенко пишет, что независимо от того, поехали украинцы в рейх добровольно или принудительно, они относились к категории рабочих из Советского Союза [12, с. 96].

В целом радикализация в отношении к иностранным работникам возрастает после нападения Германии на СССР в результате возросшего спроса на рынке труда в связи с началом войны на Востоке [13, с. 47–48], что находит отражение в риторике официальных документов, регламентировавших вопросы доставки и трудоустройства советских граждан в экономических интересах Третьего рейха. Мы видим терминологическое многообразие в фиксации постановки задач и методах набора рабочей силы на оккупированной территории в следующих формулировках: «необходимую дополнительную рабочую силу следует максимально изъять с территории вновь оккупированных восточных областей...»⁴; «вербовка на государственные работы должна на ближайшие месяцы стоять во главе всех мероприятий»⁵; «во всех не эвакуированных населенных пунктах должны быть немедленно мобилизованы и вместе с именными списками к 30.08.1943 г. направлены в штаб дивизии...»⁶; «...мобилизация жителей оккупированных областей должна производиться по соглашению с трудовыми управлениями...»⁷.

Такие понятия, как «спрос», «бронь», «удовлетворение потребности», оказались наиболее распространены в деловой переписке между органами, осуществлявшими набор, и работодателями. Обратимся к документам: «Чис-

¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 11. Л. 52.

² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 48. Л. 2–3.

³ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 31. Л. 95 об. – 96.

⁴ Копии руководящих указаний Главного Уполномоченного по использованию рабочей силы и о мобилизации рабочих в оккупированных восточных областях для германской военной экономики. 1941–1944 гг. // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 230. Л. 4.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 230. Л. 5.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 190. Л. 1.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 84. Л. 18 об.

ло используемых русских рабочих зависит от спроса...»¹; «В связи с необходимостью высвободить из военной промышленности значительное количество ранее забронированных рабочих для отправки их в армию, использование рабочей силы военнопленных приобрело еще более важное значение, чем до сих пор...»².

Сами «восточные рабочие», описывая методы угона и доставки на территорию Третьего рейха, используют различные слова, в которых отражены как переживания ситуаций насилия, так и неосознанно повторяемая официальная риторика: «угоняли», «ловили», «эвакуировали» и т.д. Вот свидетельства очевидцев: «...Немцы отступая угоняли по доносам людей в Германию или расстреливали»³, «...Делали облавы на женщин, стариков, подростков на рытье окопов и прочих укреплений... В том числе и меня в 1943 году в начале поймали и вместе с такими как я узниками под конвоем были привезены в поселок Горный-Новороссийского района»⁴, «...Нас эвакуировали вернее угнали весь хутор старых и малых»⁵; «... Я вместе с нашей семьей была интернирована и находилась в концлагере»⁶.

В свидетельствах бывших «восточных рабочих» также обращает на себя внимание и постоянное оперирование категорией «мы», слияние собственного опыта с множественным опытом других людей: «нас угоняли», «мы ехали», «нас распределяли», «мы жили», «мы работали» и т.д. [14, с. 57].

Таким образом, объективируясь посредством языковых единиц, фрагменты действительности жизни «восточных рабочих» в совокупности образуют специфическую область «истории опыта» жизни в неволе, разлуки с домом и родными и, в целом, специфических военных испытаний в принудительной работе на врага.

Выводы

Понятийный комплекс проблемы использования Германией принудительного труда гражданских лиц и военнопленных оккупированных государств сложился еще во время происходивших событий, в полной мере отражает цели, характер, региональную характеристику рабочих. К настоящему времени такие понятия, как «иностранцы-рабочие», «восточные рабочие», «остарбайтеры», «русский рабочий», «принудительный труд», введены в научный оборот и не вызывают серьезных разночтений в силу изначальной однозначности в смысловой наполненности.

¹ ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 200. Л. 1.

² ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 84. Л. 34.

³ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 218. Л. 5.

⁴ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 218. Л. 14.

⁵ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 219. Л. 40.

⁶ ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 220. Л. 7.

В части складывания повседневного дискурса представлений о системе насильственного трудоустройства самих рабочих отмечается как апеллирование официальными понятиями, так и конструирование собственных. Последние отражают многообразие реакций людей на формы и способы воздействия в процессе доставки и трудоустройства. Выработанный подневольными работниками понятийный круг выступает и неким опознавательным маркером для людей схожей судьбы. В условиях болезненного процесса репатриации и практически полного отсутствия механизмов социальной адаптации в СССР найти помощь и поддержку многим удавалось только в своей группе.

В то же время актуальность темы, углубление межпредметных связей, а также развитие теоретико-методологического базиса исторической науки оказывают влияние на пополнение семантического поля проблемы новыми словообразованиями, например, такими, как «вынужденные отношения» [2, с. 15] или «дискурс страдания» «остарбайтеров» [16, с. 245–247].

В целом, особый учет взаимообусловленности социально-исторического и языкового контекста, даже с учетом неизбежности ограничения анализа первого языковыми условностями и доступными интеллектуальными ресурсами обеспечивает комплексность и устойчивость исследовательской парадигмы проблемы при безусловном приращении новых смыслов.

© Гаража Н.А., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Литература

- [1] Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–34.
- [2] Herbert U. Forced Laborers in the Third Reich: An Overview // International Labor and Working-Class History. 2000. № 58. P. 192–218.
- [3] Spoerer M., Fleischhacker J. Forced Laborers in Nazi Germany: Categories, Numbers, and Survivors // Journal of Interdisciplinary History. 2002. xxxiii: 2. Autumn. P. 169–204.
- [4] Полян П.М. Советские граждане в Рейхе: сколько их было // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 95–100.
- [5] Пилявець Р.І. Робітники з України в нацистській Німеччині: питання термінології, правового та соціального статусу // Війна. Окупація. Пам'ять: Примусові робітники з України в окупованій Європі: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції, м. Київ, 27 вересня 2012 р. Київ: НВЦ «Пріоритети», 2012. С. 88–125.
- [6] Земсков В.Н. К вопросу о масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (в поисках истины) // Мир и политика. 2012. № 5 (68). URL: <http://mir-politika.ru/301-lyudskiepoteri.html>.

- [7] *Grieger M.* Zwangsarbeit in einem Industrieunternehmen der Deutschen Arbeitsfront (DAF) // Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. Essen: Klartext-Verl., 1999. P. 391–582.
- [8] *Красноженова Е.Е.* Социальная помощь семьям военнослужащих в Нижнем Поволжье 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2012. № 3. С. 141–147.
- [9] *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945. Band I: 1939–1941. Berlin: Akademie verlag, 1971.
- [10] *Скрипниченко Ю.Ф.* «Остарбайтерство» на Харьковщине в годы Второй мировой войны: рассмотрение проблемы периода конца XX–XXI столетия в источниках и историографии // Псковский военно-исторический вестник. 2015. № 1. С. 189–193.
- [11] *McDowell L.* Cultural memory, gender and age: young Latvian women's narrative memories of war-time Europe, 1944–1947 // Journal of Historical Geography. 2004. № 30. P. 701–728.
- [12] *Пастушенко Т.* Остарбайтери з Київщини: вербування, примусова праця, репатріація (1942–1953). Київ: Інститут історії України НАН України, 2009.
- [13] *Liedke K.* Das KZ-Außenlager Schillstraße in Braunschweig 1944–1945. Braunschweig, 2006.
- [14] *Гринченко Г.Г.* Особенности реконструкции прошлого в свидетельствах бывших остарбайтеров // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. ст. Київ: Інститут історії України. НАН України, 2004. Вип. 8. Ч. 1. С. 52–58.
- [15] *Holland H.-H.* Materialien zur Geschichte der Zwangsarbeiter in Herten. Herten, 2002.
- [16] *Grinchenko G.* (Re)Constructing Suffering: «Fascist Captivity» in Soviet Commemorative Culture // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2013. Vol. 35. P. 243–261.

2. Документы и материалы

- [17] Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 218.
- [18] ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 219.
- [19] ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 220.
- [20] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 11.
- [21] ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 48.
- [22] ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 84.
- [23] ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 190.
- [24] ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 200.
- [25] ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 230.
- [26] ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 256.
- [27] Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 31.
- [28] Иностранная рабочая сила при национал-социализме. Термины, цифры, сферы ответственности // Сайт Бундесархива. URL: <http://www.bundesarchiv.de/zwangsarbeit/geschichte/auslaendisch/begriffe/index.html>.
- [29] Нюрнбергский процесс. В 2 т. Т. 2. М.: Госиздат юридич. лит., 1955. URL: <http://lib.rus.ec/b/379437/read#t7>.
- [30] Остарбайтеры // Демоскоп Weekly. 2001. № 15–16. URL: <http://demoscope.ru/weekly/015/tema04.php>.

- [31] Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М.: Экономика, 1985. С. 194–195.
- [32] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 166.
- [33] Фонд «Память, ответственность и будущее». URL: <http://www.stiftung-evz.de/rus/o-nas>.

Рукопись поступила в редакцию: 10 ноября 2016 г.

Для цитирования: *Гаража Н.А.* Понятийное измерение контекста трудоустройства советских граждан в экономике нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2017. № 4. С. 656–669. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-656-669.

Об авторе: *Гаража Наталия Алексеевна* – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Информатика, математика и общегуманитарные науки» Новороссийского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Новороссийск, РФ).

CONCEPTUAL DIMENSION OF CONTEXT OF USING SOVIET CITIZENS' LABOUR IN THE NAZI GERMANY ECONOMY (1941–1945)

Nataliia A. Garazha

Novorossiysk branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
56 Vidova St., Novorossiysk, 353900, Russia
ngarazha@yandex.ru

The article considers the official and personal characteristics and thoughts concerning the conceptual component of the phenomenon of using the labour of Soviet people in the Third Reich economy. There were formulated the basic concepts, which characterize all the stages of the use of labour of eastern workers.

The results of the research showed that the reflection on the analysis of the new position was typical of eastern workers regardless of their gender, age or social characteristics. It took a key place in their conversations and texts on a par with the discussions of household burdens.

At the same time, the feelings of Ostarbeiters and their thoughts about the fundamental changes in life were reflected in the desire of the adequate definition of their position, the con-

cise formulation of the major aspects of the German authorities' and civilians' attitude towards them, as well as their own perception of the new life.

Being convinced of the fairness of the servile nature of the use of Soviet people's labour, the population of Germany naturally enriched their vocabulary by the concepts of "owner", "buy", etc. It also caused a whole range of emotions of Ostarbeiters. Despite the challenges that the Soviet people faced while working in Germany, this harsh experience could not break their faith in themselves, in the human and humanity; it strengthened their spirit, and the ability to focus on the positive emotions and getting pleasure from small events helped them to survive.

From the point of view of evaluation features, the socio-cultural connotations and manipulative potential of the conceptual field of the phenomenon of using Soviet people's labour in the Third Reich economy were characterized by integrity and by diversity at the same time.

Keywords: Eastern workers, Ostarbeiter, concept, the Third Reich, National Socialism, propaganda, World War II, historical source

REFERENCES

- [1] Kozellek R. K voprosu o temporal'nyh strukturah v istoricheskom razvitii ponjatij [On the question of temporal structures in the historical development of concepts]. *Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta [History of concepts, history of discourse, history of mentality]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2010: 21–34 (in Russian).
- [2] Herbert U. Forced Laborers in the Third Reich: An Overview. *International Labor and Working-Class History*. 2000; (58): 192–218.
- [3] Spoerer M, Fleischhacker J. Forced Laborers in Nazi Germany: Categories, Numbers, and Survivors. *Journal of Interdisciplinary History*. 2002; xxxiii: 2, Autumn: 169–204.
- [4] Polian PM. Sovetskie grazhdane v Reikhe: skol'ko ikh bylo [Soviet citizens in the Reich: how many they were]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*. 2002; (5): 95–100 (in Russian).
- [5] Piliavec' RI. Robitniki z Ukraïni v nacists'kij Nimechchini: pitannja terminologii, pravovogo ta social'nogo statusu. Vijnna. Okupacija. Pam'jat'. *Primusovi robitniki z Ukraïni v okupovanij Evropi. Materiali Vseukraïns'koï naukovoï konferencii, m. Kiïv, 27 veresnja 2012 r.* Kiev: SPC «Ppriorities», 2012: 88–125 (in Ukrainian).
- [6] Pastushenko T. *Ostarbaiteri z Kiïvshchini: verbuvannya, primusova pratsya, repatriatsiya (1942–1953)*. Kiev: Institutional of History of Ukraine, 2009 (in Ukrainian).
- [7] Holland HH. *Materialien zur Geschichte der Zwangsarbeiter in Herten*. Herten, 2002.
- [8] McDowell L. Cultural memory, gender and age: young Latvian women's narrative memories of war-time Europe, 1944 – 1947. *Journal of Historical Geography*. 2004; 30: 701–728.
- [9] Grinchenko GG. Osobennosti rekonstrukcii proshlogo v svidetel'stvah byvshih ostarbajterov. [Features of the reconstruction of the past in the testimony of former Ostarbeiters]. *Storinki voennoi istorii Ukraïni: Zb. nauk. st.* Kiev: Institut istorii Ukraïni. NAN Ukraïni, 2004; 8 (1): 52–58 (in Russian).
- [10] Zemskov VN. K voprosu o masshtabah ljudskih poter' SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne (v poiskah istiny) [To the question of the scale of the Soviet Union's losses in the Great Patriotic War (in search of truth)]. *Mir i politika*. 2012; 5 (68). Available from: <http://mir-politika.ru/301-lyudskiepoteri.html> [Accessed 27 June 2016].

- [11] Grieger M. Zwangsarbeit in einem Industrieunternehmen der Deutschen Arbeitsfront (DAF). *Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945*. Essen: Klartext-Verl., 1999: 391–582.
- [12] Krasnozhenova EE. Sotsial'naya pomoshch' sem'yam voennosluzhashchikh v Nizhnem Povolzh'e 1941–1945 gg. [Social assistance to families of servicemen in the Lower Volga region, 1941–1945]. *Voprosy istorii*. 2012; (3): 141–147 (in Russian).
- [13] Skripnichenko YuF. «Ostarbaiterstvo» na Har'kovshhine v gody Vtoroi mirovoi voiny: rassmotrenie problemy perioda konca XX–XXI stoletia v istochnikah i istoriografii [«Ostarbaiterstvo» in the Kharkiv region during the Second World War: the consideration of the problem in the period of the late twentieth and twenty-first century in sources and historiography]. *Pskovskii voenno-istoricheskii vestnik*. 2015; (1): 189–193 (in Russian).
- [14] Eichholtz D. *Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945*. Band I: 1939–1941. Berlin: Akademie verlag; 1971.
- [15] Liedke K. *Das KZ-Außenlager Schillstraße in Braunschweig 1944–1945*. Braunschweig; 2006.
- [16] Grinchenko G. (Re)Constructing Suffering: «Fascist Captivity» in Soviet Commemorative Culture. *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 2013; 35: 243–261.

Article received: 10 November 2016

For citation: Nataliia A. Garazha, Conceptual dimension of context of using Soviet citizens' labour in the Nazi Germany economy (1941–1945). *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 656–669. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-656-669.

About the author: Nataliia A. Garazha, PhD (in History), Associate Professor, Head of the Department of Informatics, Mathematics and Humanities Sciences, Novorossiysk branch of the Finance University under the Government of the Russian Federation (Novorossiysk, Russia).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-670-685

ЖЕНЩИНЫ И ЖЕНСКИЙ БЫТ В СССР 1950–1960-Х ГГ. В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е.С. Рябкова

Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая
119334 Россия, Москва, Ленинский проспект, 32А
katerinapositiv@gmail.com

Актуальность обращения к историографии вопроса повседневности советских женщин в период «оттепели» объясняется сохранением послевоенного образа женщины – матери, жены и труженицы – и в настоящее время. Поэтому изучение этого многоролевого образа имеет не только научную, но и практическую значимость. В данной статье рассматриваются взгляды советских и современных отечественных историков на бытовые практики советских горожанок. Авторы, находясь в разных идеологических условиях, пытались реконструировать историю советских женщин и их быт, применяя различные подходы к исследованию. Данный историографический обзор дает возможность определить периодизацию изучения, а также выявить общее и особенное в восприятии исследователями быта советской женщины.

Ключевые слова: советская историография, постсоветская историография, советские женщины, «оттепель», работающие горожанки

Введение

Период «оттепели» уже полвека привлекает внимание историков и социологов. В настоящее время есть возможность взглянуть по-новому на многие процессы, которые открыл свежий ветер XX съезда КПСС. Многочисленные изменения в образе жизни людей огромной страны были тесно связаны с крутым поворотом в политике. О том, как воспринимались эти перемены рядовыми советскими людьми, прежде всего женщинами, теперь можно судить по воспоминаниям. Иной ракурс дает анализ научной литературы, выпущенной в те годы и позже, содержащей информацию о городском женском быте. Актуальность темы диктуется современным историографическим этапом, поскольку, анализируя особенности жизни людей 1950–1960-х гг. и стремясь понять детали их адаптивных стратегий, мы экстраполируем факты и события тех лет на современные, тем самым пытаюсь понять, какие из них оказались наиболее жизнеспособными и готовыми к решению современных задач.

Исследования женского быта периода «Оттепели» с первой половины 1950-х до середины 1960-х гг.

Изучение «женской истории» интересовало исследователей, бывших их современниками, хотя сама тема быта долгие годы не считалась актуальной в отечественной историографии. Продолжительное время тема быта простых людей считалась второстепенной и малозначительной. В 1950-е гг. под словом «быт», с одной стороны, понималась «сфера внепроизводственной социальной жизни. Она включала в себя как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде, жилище, лечении и поддержании здоровья, так и освоение человеком духовных благ, культуры, человеческое общение, отдых, развлечения», а с другой стороны под бытом понимался уклад повседневной жизни [1].

Исходя из данного определения, первые публикации касались и женского быта начала 1950-х гг., которые в настоящий момент дают возможность косвенно оценить охрану женского труда и здоровья в стране, продолжавшей восстанавливаться после разрушительной войны. В трудах Н.Д. Араловец [2], В.Л. Бильшай [3], А.А. Абрамовой [4], К.Г. Горшенина, М.Д. Овсянниковой [5], А.П. Ус [6], Т.Н. Зуевой [7] отразилась партийная и государственная забота о благе народа, а вместе с ней – о женщинах-работницах, особенно женах и матерях. В работах положительно оценивался рост городской инфраструктуры, улучшение трудовых условий и увеличение разнообразия досуговых возможностей для работников и работниц, а также утверждалось, что «женский вопрос» был решен в СССР, что являлось лейтмотивом всех указанных работ.

В.Л. Бильшай писала, что сам «женский вопрос» необходимо рассматривать как неотъемлемую часть «рабочего вопроса», поскольку «полное освобождение женщин – как личности, так и работницы, – может быть достигнуто как результат победы социализма над капитализмом» [3, с. 61]. В своих работах И.Н. Овсянникова, В.Л. Бильшай, К.Г. Горшенин убедительно доказывали, что новый социалистический тип женщины – это тип «советской работающей матери», а представления об охране женского труда было тесно связано с «воспитание коммунистического отношения к труду» [3, с. 247].

С середины 1950-х гг. внимание исследователей было обращено к теме женских бытовых практик. Первым в советской «женской» историографии этого времени о быте горожанок писал О. Куприн, указывая, что «быт не был частным делом». Ранее созданные советские общественные институты – партия, комсомол – были призваны «задавать стандарты поведения советского человека, давая поэтапные инструкции по четырем важнейшим направлениям – секс, любовь, замужество и воспитание детей» [8].

В начале 1960-х гг. в советской историографии также делались выводы о том, что советские женщины окружены государственной заботой. Так, Д.С. Матвеев [9], А.Б. Горбачев [10], И.Н. Овчинникова [11] и другие исследователи

дователи в своих работах, описывая повседневность советских женщин, опирались на собственный жизненный опыт, который позволял взглянуть на женский быт глазами современников. В историографии этих лет наиболее распространены работы, в которых описывался так называемый «социалистический вариант» решения женского вопроса, с акцентом только на положительные моменты. По идеологическим причинам недостатки и трудности эпохи часто замалчивались. Абсолютно все труды того времени не считали детали женского быта важными, и о них писали лишь случайно, как и в 1950-х гг. Например, о травматизме на производстве, о вредных для здоровья направлениях производства, о нехватке времени для семьи и воспитания детей.

Исследования женского быта периода «Оттепели» (середина 1960-х – начало 1980-х гг.)

С завершением эпохи надежд и политической оттепели, на новом этапе – со второй половины 1960-х гг. до начала 1980-х гг. – в историографии усилилась сложившаяся ранее тенденция писать о «женской доле» как о динамично меняющейся к лучшему. В этот период утверждалось, что «женский вопрос» в СССР решен всецело и полностью. Он понимался как неотъемлемая часть общей борьбы рабочего класса за свое освобождение, о чем ранее подчеркивалось в трудах В. Бильшай. В эти годы впервые стали писать не просто о триумфальном решении «женского вопроса», а о женщинах, «вынужденных работать на равных с мужьями, в то же время, рожать и воспитывать детей, а также уделять время семье и формировать досуговую деятельность своей семьи» [12]. Тогда впервые заговорили о вопросах внерабочего времени трудящихся, в том числе женщин, которым были посвящены работы первых российских социологов Л.А. Гордона и Н.М. Римашевской [13], Б.А. Грушина [14] и других.

Наиболее значительным, в том числе для всего последующего развития социологии свободного времени, было исследование, осуществленное в 1963–1966-х гг. под руководством Б.А. Грушина и положенное в основу его известной книги. Он считал, что «быт» следует понимать как простор для свободной деятельности и развития способностей личности. Исследователь выделил две главные функции свободного времени – восстановление сил человека и его духовное и физическое развитие, а также сформулировал определение: часть внерабочего времени, остающегося после его расходования на разного рода непреложные занятия и обязанности». [14, с. 41] Это позволяло, по его мнению, содержательно интерпретировать соответствующую эмпирическую информацию. Вслед за социологическим проектом Грушина был организован масштабный проект «Таганрог», начатый в 1968 г. и продолжавшийся до конца 1990-х гг., включивший в себя исследования семейных бюджетов, качества жизни советских семей, вопросов их стабильности и нестабильности [15].

С середины 1970-х до середины 1980-х гг. исследований вопросов женского труда, социального обеспечения, правовой защищенности и вне рабочего времени стало на порядок больше. Это было связано с резолюциями, принятыми Организацией Объединенных Наций. В частности, 1975 г. был объявлен годом женщин, а последующее десятилетие было провозглашено как Десятилетие женщин ООН. В рамках этого периода Генеральной Ассамблеей ООН был принят первый в мире так называемый «билль о правах женщин» – Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [16].

В работах этого времени отмечались не только успехи, но и значительные нарушения в вопросе равноправия женщин, а исследователи стремились предложить пути их решений. В работах В.Г. Чуманенко [17], В.С. Беловой [18], Е.М. Зуйковой [19], В.С. Языковой и Э.Е. Новиковой [20] и др. отмечалось, что государство рассматривает материнство как социальную функцию женщины, а охрану здоровья матери и ребенка – своей прямой обязанностью. Также были отражены проблемы женского труда, которые ранее изучались в отдельности от важнейшей роли женщины в процессе воспроизводства и воспитания детей дома. Кроме того, была озвучена необходимость научного обоснования и пересмотра норм для перенесения тяжестей, а также списка работ, к которым не должны допускаться женщины.

Как отмечала в своей работе В.С. Белова, наблюдалась «положительная динамика в масштабном строительстве роддомов, школ с продленным днем для удобства работниц-матерей, яслей и детских садов, а также поиск оптимальных решений для устройства наиболее удобного процесса приготовления, хранения питания и бытового обслуживания семей работниц. Техническое переоснащение предприятий, механизация и автоматизация процессов производства, новые изобретения в области борьбы с болезнями работниц – все это благотворно сказывалось на положении женщин» [19, С. 23], писала она, будто забывая о том, что эта «благодарность» приводила к усилению отдаленности женщин от воспитания детей.

В 1970-х гг. были впервые поставлены вопросы об отставании в квалификации и чрезмерной перегруженности работающих женщин, плохого качества еды в общественных столовых, высокой стоимости обедов в отличие от самостоятельно приготовленных домашних блюд. Неудобный режим посещения столовых для работниц, а также «равенство обоих полов в получении заработной платы только на бумаге», «экономическая незаинтересованность работниц в активном труде» стали центральными темами в дискуссиях советских исследователей [12, с. 13–15]. В то же время ученые в области социологии семьи по итогам социологического опроса отмечали, что домашний труд занимает у работающих мужчин около 1 часа в сутки, у женщин, имеющих детей – до 4–5 часов в день [21].

Говоря о расширении деятельности профсоюзов, призванных защищать права женщин на производстве, отмечалось, что «профсоюзным органам по-

рой не хватало политической воли отстаивать права женщин. В силу объективных и субъективных причин их действия и решения наталкивались на отсутствие понимания со стороны партийных и хозяйственных руководителей предприятий» [22]. Закономерно, что в советской историографии тема быта исследовалась завуалировано и преподносилась в рамках марксистско-ленинской парадигмы.

С наступлением социально-политических и экономических изменений в СССР, отходом от идеологического давления и провозглашением гласности в работах по данной теме появляется широкий спектр освещаемых вопросов. Все больше материалов посвящается семейным заботам женщин, их участию в общественно-политической жизни. Пристального внимания заслуживает вопрос материнства – особое положение работниц, которое требовало смягчения рабочих нагрузок и перевода беременных женщин на более легкую работу, но с сохранением заработной платы, равной зарплате рабочего [23].

Авторы положительно отмечали решение вопроса «работа или материнство». Особенно это касалось послевоенных лет, поскольку ленинские заветы относительно материнства не были забыты даже в годы военного и послевоенного лихолетья [24]. Также было уделено внимание нерешенности вопроса бытового равноправия полов и нечеткости разделения домашних задач. По мнению исследователей, главной причиной в этом были не ошибки и просчеты Советской власти, а позиция самих женщин, которые выбирали себе удобный график выполнения домашних работ, деля их поровну с мужчинами или возлагая на себя большую ответственность.

Таким образом, в период с середины 1970-х до середины 1980-х гг. советской историографии отличался привлечением достаточно широкого круга фактического материала для оценки положения советских женщин не столько на производстве, сколько в решении бытовых задач.

Исследования женского быта периода «Оттепели» во второй половине 1980-х и в течение 1990-х гг.

Модернизация общества с конца 1980-х – 1990-х гг. способствовала освобождению исторической науки от устоявшихся в сознании людей ценностей социализма и расширению границ научного познания. Перед исследователями возникла необходимость переосмысления разнообразных и противоречивых событий, устранения пробелов в изучении отдельных тем, переоценки «достижений» советского периода. Кардинальные изменения привели к появлению новых концептуальных исторических исследований, посвященных широкому кругу проблем государственного, общественно-политического и социально-экономического развития России. На ином уровне начали изучаться и вопросы женской истории.

В это время проводятся конференции, посвященные положению и роли женщин в истории страны. Исследователи все чаще дискутировали о тяже-

лой, двойной нагрузке на советских женщин, причинах их слабого участия в общественно-политической жизни, сохранении традиционного домашнего хозяйства и консервации традиционных взглядов на роль мужчины как добытчика, а женщины как домашней хозяйки. В работах С.Г. Айвазовой [25], М.Г. Панкратовой [26], Н.Н. Козловой [27] и других исследователей были проанализированы итоги «решения женского вопроса» в СССР с новых позиций, который, по мнению авторов, так и остался нерешенным. Действительно, патернализм государства оказал влияние на повседневные практики и изменение гендерных ролей советских женщин. В данном направлении интересен труд О. Хасбулатовой [28], посвященный этапам участия женщин в выборных органах власти, государственной политике в области гражданских и политических прав, образования и занятости. Особое внимание автор уделил негативным и позитивным сторонам этой политики.

Таким образом, как было показано в исторических исследованиях, на протяжении всего советского периода сохранялось фактическое неравенство в оплате труда женщин, особенно на вредных производствах. Кроме того, неразвитыми оставались службы быта и дошкольные учреждения. Однако вовлечение женщин в общественное производство и достижение высокого уровня их образования без отрыва от производства авторы оценивали положительно. В это время продолжает всесторонне исследоваться вопрос быта советской женщины, а с началом гласности авторы начинают критически подходить к анализу бытовых практик советских горожанок.

Исследования женского быта периода «Оттепели» на современном этапе

С начала 2000-х гг. появляется больше монографий и научных статей по женской тематике, чем в предыдущие периоды. На современном этапе исследователями используются методы гуманитарно-социальных наук, таких как история, философия, социология, политология, психология, где приводятся все меньше статистики по сравнению с предыдущими периодами. Исследователи рассматривают прежде всего эмоциональное состояние женщин, их психологические потребности и расстройства, взаимоотношения с различными социальными группами, увлечения и личные заботы. Стоит подчеркнуть, что большинство работ написано на материалах женской периодической печати как основном историческом источнике.

Как отмечал М.С. Петров, анализируя выпуски журналов «Работница» середины XX в., в эпоху хрущевской оттепели «изменение тона и формата подачи материалов, более полно раскрывает личные занятия и интересы женщин» [29]. Автор указал и на тот факт, что «ближе к середине 1950 гг. на обложках журналов появились не сильные, мужеподобные труженицы, а женственные и изящные девушки – представительницы разных советских республик» [29, с. 137]. Эту же точку зрения высказала Е.В. Гамелько, ука-

зывая на появление более изящных черт у изображенных на обложках номеров журнала «Работница» и «Крестьянка» советских работниц в первый послевоенный период [30].

Как и Е.В. Гамелько, В.В. Смеюха в своем труде обращает внимание на важность советских женских журналов в определении советской женской идентичности [31]. В частности, образ советской женщины, по ее мнению, на страницах периодической печати определялся влиянием ряда факторов, среди которых наиболее значительными были политические, социальные, культурные, оказывавшие воздействие на отношение социума к женской группе, ее роли в общественном производстве, жизни, в быту. По мнению автора, журналы «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина» были отражением общественных взглядов на роль женщины и прямо влияли на формирование образа и концепции ее поведения на работе и в быту [31, с. 310–311].

В работах Е.А. Шабатуры [32] и Т. Дашковой [33] образ советской женщины проиллюстрирован на основе плакатов, фотографий, статей, художественной прозы, писем и заметок читателей, опубликованных дискуссионных материалов. Они являются «репрезентативным материалом для отражения не только государственной идеологии в отношении женщин, но для оценки внешнего вида женщин, их мимики, жестов и настроения» [33, с. 103]. По мнению Дашковой, «важен не только зрительный образ в деле агитации и пропаганды, но и тексты, публикуемые редакциями женских журналов. Необходимо сочетание вербального и визуального подходов в исследовании женской повседневности в СССР» [33, с. 108]. О сочетании сразу двух методов в историческом исследовании женской повседневности писала А. Усманова, указывавшая на то, что, «с точки зрения гендерной истории визуальные источники иногда предоставляют больше информации для размышления, чем письменные документы, в которых лакун гораздо больше в том, что касается репрезентации женщин» [34, с. 49].

Помимо создания образа советской женщины исследователи в настоящее время вновь возвращаются к вопросу о государственной политике по отношению к женщине-матери и ее влиянию на женскую повседневность. Об этом продолжает писать О. Хасбулатова [35], отмечая, что «репродуктивные права женщин, семейные отношения, бюджет времени работающих женщин – все это жестко контролировалось государством и в послевоенный период, и в 1950-е годы», кроме того, «наблюдалась регламентация повседневных практик работающих женщин и выполняемых ими работ, лишь в конце 1950-х годов – начале 1970-х годов можно говорить о либерализации в отношении не только семьи, но и самих женщин, которые теперь являлись не объектом регулирования и распределения обязанностей, а объектом улучшения и заботы – об их здоровье, благополучии» [35, с. 256].

Патронажу молодых матерей и «поддержке природного предназначения женского организма» со стороны советского государства, а к началу 1970-х гг. – и со стороны профсоюзных организаций посвящена статья

Ю. Градсковой [36]. В ней указывается на концепцию «социального материнства», направленную на защиту здоровья и достойных условий жизни матерей и детей. В то же время автором рассматривается ряд серьезных недостатков социальной (и прежде всего медицинской) помощи семьям и молодым матерям в СССР, которая оказывалась низкоквалифицированными кадрами без специального медицинского или иного соответствующего образования и материальной поддержки со стороны государства [36, с. 298]. Интересен вывод автора о том, что «такой контроль женщин через “социальную помощь” был частью репрессивных мер по отношению к “нерадивым” семьям в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Во второй половине 1950-х гг. общественная работа социальных работниц расширилась: психологическая помощь стала оказываться матерям на дому» [36, с. 308–309].

В исследовании Ж. Черновой отмечается, что, несмотря на облегчение трудового графика работающих матерей в 1950-е гг., «ввиду недостаточного социального обеспечения и своей загруженности советские работницы-матери вынуждены были пользоваться сторонней помощью – родственников, знакомых, друзей, которые могли бы оказать помощь в уходе за детьми. В противном случае, работающая женщина-мать оказывалась в невыгодном положении» [37]. О трудовых буднях работниц также писала А.Г. Григорьева [38], указавшая на нерешенность жилищного вопроса, низкий уровень заработной платы и доходов основной части советского народа, недостаточную обеспеченность бытовой техникой, что не могло не сказаться на быте советских женщин в этот период.

Значительным этапом в изучении городского быта советских людей является труд Н. Б. Лебиной [39], в котором получили отражение такие аспекты городской повседневности, как питание, одежда, жилье, мода, досуг и использование свободного времени.

Анализировать особенности советских и постсоветских исследований быта советских женщин в период «оттепели» не представляется возможным без опоры на известную статью профессора Н.Л. Пушкарёвой [40], в которой автор обратила особое внимание на смену парадигмы в тоталитарном советском обществе, четко разделяя идеологические концепции гендерного подхода. Этот период (до середины 1950-х гг.) был назван ею «тотальная андрогиния» [40, с. 9–10] и далее получил название «кризис этакратического гендерного порядка». Для первого выделяемого ею периода была характерна особая гендерная мобилизация ввиду начавшейся Великой Отечественной войны, в период которой произошло «половое стирание» в профессиях, поскольку женщины осуществляли совсем не женскую, подчас вредную для их здоровья работу.

После войны, при возрастании «символической ценности» мужчин, наблюдалось разделение труда по половому принципу. Мужчины были больше задействованы на производстве с использованием мужских навыков, а также на руководящих должностях, с которых смещались женщины, погружаясь в

домашние дела в условиях дефицита. Несмотря на наступление «оттепели», государство регулировало все стороны повседневной жизни [40, с. 11–12]. Н.Л. Пушкарёва подчеркивает, что идеальной советской женщиной была та, которая должна была отработать в день две смены: в качестве работницы на производстве и жены-матери дома.

Наряду с профессором Н.Л. Пушкарёвой о методах гендерных исследований писала А.В. Белова в статье «Женская повседневность как предмет этнологического изучения» [41], в которой отмечается «дополнительность», «вторичность» и даже «экзотичность» исторической феминологии, несмотря на проведение фундаментальных исследований в области женской повседневности (в том числе и советских женщин) и применение конкретно-исторических методов [41, с. 93].

Женский быт в период «оттепели» стал объектом изучения И. Виниченко, которая рассматривала женщину сквозь призму моды и охарактеризовала женский костюм «как исторический адресат, как маленькую частицу жизни народа». Выделив особенности создания «советского стиля», она указывала на то, что исследование практик обращения с одеждой является одним из наглядных аспектов, поскольку дает возможность рассмотреть невидимые моменты повседневности советских женщин [42].

Выводы

Согласно обозначенным нами тенденциям женских исследований историю изучения повседневности советских женщин можно разделить на четыре периода: 1. 1950-е – первая половина 1960-х гг., 2. вторая половина 1960-х – начало 1980-х гг., 3. вторая половина 1980-х – 1990-е гг. и 4. современный, начиная с 2000-х гг. по настоящее время.

Первый период характеризовался повышенным вниманием партии к проецированию образа новой женщины в общественное сознание, наделением образа характерными чертами и отождествлением с действительностью. В подавляющем большинстве трудов говорилось о решенном «женском вопросе» в СССР, и практически ни слова не было сказано о быте, досуге, привычных предметах, окружавших женщин. Однако в этот период и появились первые социологические исследования, посвященные внерабочему времени, о чем ранее не писали совсем.

Труды исследователей второй половины 1960-х – начала 1980-х гг. сохранили многие схожие черты с предшествующим историографическим периодом. В них уделялось внимание не только решению «женского вопроса» и получению общественных благ и прав женщинами под руководством правящей партии. В это время появился серьезный вопрос: «успевает ли советская женщина совмещать две роли: общественно-производственную и семейно-домовую?» Вопросы такого плана чаще стали появляться с середины 1970-х гг.,

когда было написано большое количество трудов в связи с объявленным 1975 года Годом женщины.

Следующий период был обусловлен повышенным интересом к женской истории, совпавший со временем масштабных политических и экономических реформ. Этот период отличался множественностью исследовательских подходов к изучению женских бытовых практик, в которых был привлечен большой круг исторических источников, внедрены компаративный и вербально-визуальный подходы, а также использован метод устной истории для получения более богатого иллюстративного материала.

В настоящее время исследователями повсеместно подчеркивается, что, несмотря на материальную поддержку матерей государством, на женщину ложилась двойная ответственность. Женщина была мобилизована не только как репродуктивная сила, но и как работница на производстве и как трудовой ресурс для повышения производительности труда. На современном этапе привлекаются все больше фотографических, кинематографических, мемуарных материалов и интервью, что позволяет наиболее полно реконструировать быт горожанок в период «оттепели».

© Рябкова Е.С., 2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Большая советская энциклопедия. Том. 3. М.: Наука, 1970.
- [2] *Араловец Н.Д.* Женский труд в промышленности СССР. М.: Профиздат, 1954.
- [3] *Абрамова А.А.* Охрана трудовых прав женщин в СССР. М.: Госюриздат, 1954.
- [4] *Бильшай В.Л.* Решение женского вопроса в СССР. М.: Госполитиздат, 1959.
- [5] *Овсянникова М.Д.* Факты и цифры о положении женщин в СССР. М., 1954.
- [6] *Ус А.П.* Что дала советская власть женщинам. Минск: Госизд БССР, 1950.
- [7] *Зуева Т.П.* Роль советских женщин в развитии науки, культуры и искусства. М.: Профиздат, 1956.
- [8] *Куприн О.* Быт – не частное дело. М.: Профиздат, 1959. С. 77–78.
- [9] *Матвеев Д.С.* Дочь завода. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 1962.
- [10] *Горбачев А.Б.* Девушка из России. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 1962.
- [11] *Овчинникова И.Н.* Советские женщины активные строители коммунизма. Л.: Лениздат, 1961.
- [12] *Белоглазова Г.В., Савинова Л.Н.* Советская женщина – активная участница коммунистического строительства. М., 1977. С. 4–5.
- [13] *Гордон Л.А., Римашевская Н.М.* Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся. М.: Мысль, 1972.
- [14] *Грушин Б.А.* Свободное время: Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967.
- [15] *Гордон А., Возьмитель А., Журавлева И., Клопов Э., Римашевская Н., Ядов В.* Социология быта, здоровья и образа жизни населения // Социология в России. М.: Изд-во РАН, 1998. С. 438–445.

- [16] ООН и женщины // Объединение Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/women/index.html> (Дата обращения 12.07.2017).
- [17] *Чуманенко В.Г.* Положение женщины при капитализме. М.: Профиздат, 1975.
- [18] *Белова В.С.* Положение женщин в СССР. М.: Профиздат, 1975.
- [19] *Зуйкова Е.М., Плаксина Н.Н.* Решение женского вопроса в СССР и его международное значение. М.: Профиздат, 1976.
- [20] *Новикова Э.Е., Языкова В.С., Янкова З.А.* Женщина. Труд. Семья. М.: Профиздат, 1977.
- [21] *Гордон Л., Клопов Э., Оников Л.* Социальные проблемы быта // Коммунист. 1974. № 17. С. 49–60.
- [22] *Новикова Э.Е., Сидорова Т.Н., Турчанинова С.Я.* Советские женщины и профсоюзы. М.: Профиздат, 1984.
- [23] *Крылова З.П.* Советская женщина: труд, материнство, семья. М.: 1987.
- [24] *Костаков В.* Женская работа // Крылова З.П., Акивис Д.С., Костыгова Т.М., Журавская И.А. Советская женщина: труд, материнство, семья. М.: 1987. С. 48–49.
- [25] *Айвазова С.* Идеиные истоки женского движения в России // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 20–25.
- [26] *Панкратова М.Г.* Русская женщина сегодня // Женщины России вчера, сегодня, завтра. М., 1994. С. 12–24.
- [27] *Козлова Н. Н.* Советская представительная система: к вопросу участия женщин в деятельности местных органов власти // Женщины в социальной истории России: сб. науч. тр. Тверь : Издательство ТГУ. 1997. С. 12–20.
- [28] *Хасбулатова О.А.* Этапы российской государственной политики по вовлечению женщин в сферу государственного управления (1990–1999 гг.) // Женщина в Российском обществе. 1999. № 3. С. 33–42.
- [29] *Петров М.С.* Эволюция образа работающей женщины в отечественной журналистике (по материалам журнала «Крестьянка») // Труд и социальные отношения. № 5. 2010. С. 47–49.
- [30] *Гамелько Е.В.* Образ советской женщины на страницах журнала «Работница» // Молодой ученый. 2009. С. 174–177.
- [31] *Смеюха В.В.* Процессы идентификации и женская пресса. Ростов-на-Дону, 2012. С. 58–59.
- [32] *Шабатура Е.А.* Образ советской женщины в журналах «Коммунистка» и «Красная сибирячка» // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. № 8. Москва, 2004. С. 138–149.
- [33] *Дашкова Т.* Идеология в лицах. Формирование визуального канона в советских женских журналах 1920-х – 1930-х гг. // Культура и власть в условиях коммуникационных революций 20 века. Форум немецких и российских исследователей / Под ред. К. Аймермахера, Т.Бордюгова, И. Грабовского. М., 2005. С. 139–145.
- [34] *Усманова А.* «Визуальный поворот» и гендерная история // Гендерные истории Восточной Европы. Минск: ЕГУ, 2002. С. 36–57.
- [35] *Хасбулатова О.* Российская гендерная политика в 20-м столетии: мифы и реалии. Иваново: Иван. гос. унив-т, 2005. С. 254–255.
- [36] *Градскова Ю.* Дискурс «социального материнства» и повседневные практики в 1930-е – 1950-е годы // Нужда и порядок: история социальной работы в России в 20 веке. М.: Саратов, 2005. С. 304–315.
- [37] *Чернова Ж.* Семейная политика в Европе и в России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008. С. 110–115.

- [38] Григорьева А.Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг. Автореферат канд. диссертации. М.: Издательство МГУ, 2003. С. 5–6.
- [39] Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003.
- [40] Пушкарева Н.Л. Гендерная система в России 20 века и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. Вып. 117. Москва, 2012. № 5. С. 8–24.
- [41] Белова А.В. Женская повседневность как предмет этнологического изучения // Этнографическое обозрение. М.: Издательство ИЭА РАН, 2004. № 4. С. 86–95.
- [42] Виниченко И.В. Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX века: женский костюм в моделях одежды и бытовой практике. Автореферат канд. диссертации. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2009. С. 4–5.

Рукопись поступила в редакцию: 24 апреля 2017 г.

Для цитирования: Рябкова Е.С. Женщины и женский быт в СССР 1950–1960-х гг. в советской и современной российской историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Том 16. № 4. С. 670–685. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-670-685.

Информация об авторе: Рябкова Екатерина Сергеевна – аспирант Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая (Москва, РФ).

WOMEN AND THEIR WAY OF LIFE IN USSR IN 1950–1960S IN SOVIET AND MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Ekaterina S. Ryabkova

Institute of Ethnology and Anthropology of
the Russian Academy of Sciences named after Nicholas Miklouho-Maclay
119334 Russia, Moscow, Leninsky prospect, 32A
katerinapositiv@gmail.com

The urgency of the reference to the historiography of the issue of Soviet women's everyday life during the thaw period is explained by the preservation of the image of the woman of the post-war society – mother, wife and worker – at the present time. Studies of this multi-role image have not only scientific, but also practical significance. This article examines the views of Soviet and modern Russian historians on the way of life of Soviet townswomen. Being in different ideological conditions, researches tried to reconstruct the history of Soviet women and their way of life using various approaches to the studies. This historiographical review makes it possible not only to determine the periodization, but also to find out common and special characteristics in the scientists' views of Soviet women's way of life.

As a result of the research, the author singles out four historiographical periods. The first stage from the 1950s to the mid-1960s was characterized by the desire of researchers to prove that the “women’s issue” in the USSR was successfully solved, as well as to demonstrate the care for women on the part of the state. Due to the researchers’ enthusiasm for studying these aspects, the issue of women’s non-office hours became secondary. The historiographical period from the mid-1960s to the early 1980s was similar to the previous stage. However, 1975 proclaimed the Year of Women, conditioned the increase of sociologists and historians’ interest in the “time budget” issue of Soviet townspeople in their everyday life. In the period from the second half of the 1980s and throughout the 1990s, there was an increase in the range of sources. Besides that, there appeared new approaches to researching women’s everyday life. The present stage, beginning from the 2000s, is characterized by the most diverse studying of the details of women’s daily life: clothes, furniture, housing conditions, reproductive health, the microclimate in Soviet families and motherhood.

Keywords: Soviet historiography, post-Soviet historiography, Soviet women, thaw period, working townswomen

REFERENCES

- [1] *Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Moscow: Nauka Publ. 1970. Vol. 3 (in Russian).
- [2] Aralovec HD. *Zhenskij trud v promyshlennosti SSSR* [Women’s labor in the soviet industry]. Moscow: Profizdat Publ.; 1954 (in Russian).
- [3] Abramova AA. *Ohrana trudovyh prav zhenshchin v SSSR* [Protection of women’s labor rights in the USSR]. Moscow: G’osyurizdat Publ.; 1954 (in Russian).
- [4] Bil’shaj VL. *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR* [The solution of the women’s issue in the USSR]. Moscow: Gospolitizdat Publ.; 1959 (in Russian).
- [5] Ovsyannikova MD. *Fakty i cifry o polozhenii zhenshchin v SSSR* [Facts and figures about the situation of women in the USSR] Moscow: 1954 (in Russian).
- [6] Us AP. *Chto dala sovetskaya vlast' zhenshchinam* [What did Soviet government give to women?]. Minsk: Gosizd BSSR Publ.; 1950 (in Russian).
- [7] Zueva TII. *Rol' sovetskih zhenshchin v razvitii nauki, kul'tury i iskusstva* [The role of Soviet women in the development of science, culture and art]. Moscow: 1956 (in Russian).
- [8] Kuprin O. *Byt – ne chastnoe delo* [Life is not a private matter]. Moscow: Profizdat Publ.; 1959 (in Russian).
- [9] Matveev DS. *Doch' zavoda* [Daughter of factory]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatelstvo Publ.; 1962 (in Russian).
- [10] Gorbachev AB. *Devushka iz Rossii* [Girl from Russia]. Orenburg: Orenburg Publ.; 1962 (in Russian).
- [11] Ovchinnikova IN. *Sovetskie zhenshchiny aktivnye stroiteli kommunizma* [Soviet women are active builders of communism]. Leningrad: Len-izdat Publ.; 1961 (in Russian).
- [12] Beloglazova GV, Savinova LN. *Sovetskaya zhenshchina – aktivnaya uchastnica kommunisticheskogo stroitel'stva* [The Soviet woman is an active participant in the communist construction]. Moscow: 1977 (in Russian).

- [13] Gordon LA, Rimashevskaya NM. *Pyatidnevnyaya rabochaya nedelya i svobodnoe vremya trudyashchihsya* [Five-day working week and free time for workers]. Moscow: Mysl' Publ.; 1972 (in Russian).
- [14] Grushin BA. *Svobodnoe vremya: Aktual'nye problemy* [Leisure time: Actual questions]. Moscow: Mysl' Publ.; 1967 (in Russian).
- [15] Gordon A, Voz'mitel' A, Zhuravleva I, Klopov Eh, Rimashevskaya N, Yadov V. *Sociologiya byta, zdorov'ya i obraza zhizni naseleniya* [Sociology of life, health and lifestyle of the population]. *Sociologiya v Rossii*. Moscow: RAN Publ.; 1998: 438–445 (in Russian).
- [16] UN and women. *United Nations*. Available at: <http://www.un.org/ru/sections/issues-depth/women/index.html> (Data of access 12.07.2017).
- [17] Chumanenko VG. *Polozhenie zhenshchiny pri kapitalizme* [The position of women under capitalism]. Moscow: 1975 (in Russian).
- [18] Belova VS. *Polozhenie zhenshchin v SSSR* [The position of women in the USSR]. Moscow: 1975 (in Russian).
- [19] Zujkova EM., Plaksina NN. *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR i ego mezhdunarodnoe znachenie* [The solution of the women's issue in the USSR and its international significance]. Moscow; 1976 (in Russian).
- [20] Novikova EhE., Yazykova VS., Yankova ZA. *Zhenshchina. Trud. Sem'ya* [Female. Work. Family]. Moscow: Profizdat Publ.; 1977 (in Russian).
- [21] Gordon L, Klopov EH, Onikov L. Social'nye problemy byta [Social problems of daily life]. *Kommunist*. 1974; (17): 49–60 (in Russian).
- [22] Novikova EhE, Sidorova TN, Turchaninova SYA. *Sovetskie zhenshchiny i profsoyuzy* [Soviet women and trade unions]. Moscow: Profizdat Publ.; 1984 (in Russian).
- [23] Krylova ZP. *Sovetskaya zhenshchina: trud, materinstvo, sem'ya* [Soviet woman: work, motherhood, family]. Moscow; 1987 (in Russian).
- [24] Kostakov V. Zhenskaya rabota [Women's work]. In: Krylova Z.P., Akivis D.S., Kostygova T.M., Zhuravskaya I.A. *Sovetskaya zhenshchina: trud, materinstvo, sem'ya* [Soviet woman: work, motherhood, family]. Moscow; 1987: 48–49 (in Russian).
- [25] Ajvazova S. Idejnye istoki zhenskogo dvizheniya v Rossii [The ideological roots of the women's movement in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1991; (4): 20–25 (in Russian).
- [26] Pankratova MG. Russkaya zhenshchina segodnya [Russian woman today]. *Zhenshchiny Rossii vchera, segodnya, zavtra* [Russian women yesterday, today and tomorrow]. Moscow: 1994: 12–24 (in Russian).
- [27] Kozlova NH. Sovetskaya predstavitel'naya sistema: k voprosu uchastiya zhenshchin v deyatel'nosti mestnyh organov vlasti [The Soviet representative system: to the issue of women's participation in the activities of local authorities]. *Zhenshchiny v social'noj istorii Rossii: sbornik nauch trudov* [Women in Russian social history: collection of scientific works]. Tver': TGU Publ.; 1997: 12–20 (in Russian).
- [28] Hasbulatova OA. Etapy rossijskoj gosudarstvennoj politiki po vovlecheniyu zhenshchin v sferu gosudarstvennogo upravleniya (1990–1999 gg.) [Stages of the Russian state policy on the involvement of women in public administration (1990–1999)]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 1999; (3): 33–42 (in Russian).

- [29] Petrov MS. Ehvoluciya obraza rabotayushchej zhenshchiny v otechestvennoj zhurnalistike (po materialam zhurnala «Krest'yanka») [Evolution of the image of a working woman in domestic journalism (based on the journal “Krestyanka”]. *Trud i social'nye otnosheniya*. 2010; (5): 47–49 (in Russian).
- [30] Gamel'ko EV. Obraz sovetskoj zhenshchiny na stranicah zhurnala «Rabotnica» [The image of a Soviet woman in the pages of the magazine “Rabotnitsa”]. *Molodoj uchenyj*. 2009: 174–177 (in Russian).
- [31] Smeyuha VV. *Processy identifikacii i zhenskaya pressa* [Identification processes and women's press]. Rostov-na-Donu. 2012: 58–59 (in Russian).
- [32] Shabatura EA. Obraz sovetskoj zhenshchiny v zhurnalakh «Kommunistka» i «Krasnaya sibiryachka» [The image of a Soviet woman in the journals “Kommunistka” and “Krasnaya Sibiryachka”]. *Adam i Eva. Al'manah gendernoj istorii*. 2004; (8): 138–149 (in Russian).
- [33] Dashkova T. Ideologiya v licah. Formirovanie vizual'nogo kanona v sovetskikh zhenskih zhurnalakh 1920–1930 gg. [Ideology in the faces. Formation of the visual canon in Soviet women's magazines in 1920s – 1930s]. *Kul'tura i vlast' v usloviyah kommunikacionnyh revolyucij 20 veka. Forum nemeckih i rossijskih issledovatelej* [The culture and the power under conditions of communistic revolution in the 20th century. The forum of German and Russian researchers]. Moscow; 2005: 139–145 (in Russian).
- [34] Usmanova A. Vizual'nyj povorot» i gendernaya istoriya [“Visual Turn” and the gender History]. *Gendernye istorii Vostochnoj Evropy. Sbornik nauchnyh statej* [английский перевод]. Minsk; 2002: 36–57 (in Russian).
- [35] Hasbulatova O. *Rossijskaya gendernaya politika v 20-m stoletii: mify i realii*. [Russian Gender Policy in the 20th Century: Myths and Realities]. Ivanovo: Ivanovskii gos. universitet Publ.; 2005: 254–255 (in Russian).
- [36] Gradskova Yu. Diskurs «social'nogo materinstva» i povsednevnye praktiki v 1930–1950 gg [Discourse of “social motherhood” and everyday practices in the 1930s – 1950s]. *Nuzhda i poryadok: istoriya social'noj raboty v Rossii v 20 veke* [The order and the need: history of social work in Russia in the 20th century]. Moscow, Saratov; 2005: 304–315 (in Russian).
- [37] Chernova Zh. *Semejnaya politika v Evrope i v Rossii: gendernyj analiz* [Family policy in Europe and in Russia: gender analysis]. St-Petersburg: Norma Publ; 2008: 110–115 (in Russian).
- [38] Grigor'eva A.G. *Sovetskaya povsednevnost' i uroven' zhizni naseleniya SSSR v 1953–1964 gg. Avtoreferat kand. Dissertacii* [Soviet everyday life and living standards of the population of the USSR in 1953s – 1964s. Abstract of Cand. dissertation]. Moscow: MGU Publ.; 2003: 5–6 (in Russian).
- [39] Lebina NB, Chistikov AN. *Obyvatel' i reformy. Kartiny povsednevnoj zhizni gorozhan v gody nehpa i hrushchevskogo desyatiletija* [Philistine and reform. Pictures of everyday life of the townspeople during the NEP and Khrushchev's decade]. St-Petersburg; 2003 (in Russian).
- [40] Pushkareva NL. Gendernaya sistema v Rossii 20 veka i sud'by rossiyanok [The gender system in Russia in the 20th century and the fates of Russian women]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2012; 117(5): 8–24 (in Russian).
- [41] Belova AV. Zhenskaya povsednevnost' kak predmet ehtnologicheskogo izucheniya [Female everyday life as a subject of ethnological study]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2004; (4): 86–95 (in Russian).

- [42] Vinichenko IV. *Sovetskaya povsednevnost' 50-h – serediny 60-h gg. XX veka :zhenskij kostyum v modelyah odezhdy i bytovoj praktike. Avtoreferat kand. dissertacii* [Soviet everyday life of the 50's – the mid-60's. XX century: women's costume in the models of clothing and household practices. Abstract of Cand. Dissertation]. Omsk: Omskii gosudarstvennii universitet Publ.; 2009: 4–5 (in Russian).

Article received: 24 April 2017

For citation: Ekaterina S. Ryabkova, Women and their way of life in USSR in 1950–1960s in Soviet and modern Russian historiography. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 670–685. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-670-685.

About the author: Ryabkova Ekaterina Sergeevna, postgraduate student of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences named after N.N. Miklouho-Maclay (Moscow, Russia).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-686-691

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:**Гитлин С.И.****Воспоминания историка о жизни в СССР и Израиле.****М.: Собрание, 2016. 768 с.****Т.К. Афанасьева**

Московский энергетический институт
Национальный исследовательский университет
111250, Россия, ул. Красноказарменная, Москва, 14
9150867357@mail.ru

В декабре 2016 г. в Москве была издана новая книга известного ученого, доктора исторических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Узбекистан Семена Исааковича Гитлина.

Огромная по объему книга «Воспоминания историка о жизни в СССР и Израиле» – результат гигантского труда автора. Первые отклики на эту книгу свидетельствуют о том, что ее издание встречено с интересом не только в России, но и в Израиле, США, Канаде. Для меня издание этой книги весьма волнительно. Ведь я прожила в Узбекистане 45 лет, из которых 22 года были отданы научно-педагогической деятельности, поэтому мне не безразлично, что пишут о республике, занимающей выгодное геополитическое положение в Центральной Азии, где сталкиваются интересы многих государств мира. Но самое главное, что я знаю автора лично более 45 лет.

По окончании исторического факультета Ташкентского государственного университета имени В.И. Ленина (ныне Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека) и защиты кандидатской диссертации я была направлена на работу ассистентом кафедры истории КПСС гуманитарных факультетов, на которой работал в то время доцент, кандидат исторических наук Семен Исаакович Гитлин. До его перевода на должность профессора одной из кафедр исторического факультета мы проработали на одной кафедре 20 лет. Опытный педагог, блестящий лектор, он охотно откликался на просьбы коллег. Хочу особо подчеркнуть такие его отличительные черты, как трудолюбие, высокая организованность, профессионализм, упорство в достижении поставленной цели. По моим наблюдениям, Семен Исаакович всегда относился ко всем одинаково, у него не было никакого высокомерия и зазнайства, он пользовался большим авторитетом и уважением в коллективе.

Я искренне рада за Семена Исааковича, несмотря на свой почтенный возраст, выдал «на-гора» великолепную книгу-исповедь историка. Прочитав на «одном дыхании» изданные им мемуары, могу утверждать, что это сага не только о жизни профессора С.И. Гитлина, но и правдивое освещение многих процессов в СССР, приведших к его распаду. Мы знаем, что воспоминания часто подводят человека, нередко к ним примешивается множество собственных оценок и интерпретаций, так или иначе деформирующих истинную картину. Можно наблюдать, как часто люди спорят о деталях событий, которым, казалось бы, все они были свидетелями. И тем не менее, воспоминания этого человека рисуют не столько его самого, сколько говорят об эпохе. В этом плане мемуары С.И. Гитлина выгодно отличаются от многих произведений мемуарной литературы. Они подкупают своей искренностью, правдивостью, читать их легко, написаны блестящим языком.

На всех нас, в большей или меньшей степени, лежит отпечаток того времени, в котором мы жили и живем. Не случайно автор избрал в качестве эпиграфа книги строки поэта Александра Кушнера: «Времена не выбирают – в них живут и умирают». С.И. Гитлин проявил необыкновенную способность на фактах из личной биографии рассказать об исторических этапах целой страны. Это обусловлено умелым отбором огромного количества материалов его научных трудов, основанных на архивных документах и других источниках. Мемуары поражают уникальной памятью С.И. Гитлина, он приводит такие факты, события, эпизоды, которые даже для меня, в прошлом коренного жителя Узбекистана, оказались неизвестными или мало известными.

Важное достоинство этой монографии – ее объективность. Автор никого ни в чем не убеждает и не приукрашивает действительность. С.И. Гитлин просто рассказывает о событиях и людях, с которыми ему пришлось встречаться, многих из которых уже нет сегодня в живых. И он оставляет их в памяти последующих поколений.

Семен Исаакович – не просто очевидец и активный участник описываемых событий, но и историк, научный исследователь. Его «Воспоминания...» – по-настоящему научная монография. Ее текст – подлинная энциклопедия по заданной автором теме. Ценность книги в том, что автор с позиций исследователя-историка, прожившего в государствах с различным общественным строем (из 88 лет 64 года им прожиты в СССР, из которых 5 лет – в Белоруссии, 59 лет – в Узбекистане, при этом 3 года – в независимом Узбекистане, и, наконец, 24 года – в Израиле) размышляет на общем историческом фоне о сути того сложного времени, которое вместило многообразие моментов, принятых называть поворотом судьбы: канун и годы войны СССР с нацистской Германией, годы послевоенной сталинской тирании и политики государственного антисемитизма, кризиса и распада СССР, репатриации в Израиль.

Кстати, я, как и многие мои коллеги по Ташкентскому университету, знали, что жизненный путь С.И. Гитлина не был усыпан розами. Прочитав «Воспоминания историка...», я узнала, что волна антисемитской политики сталинского режима коснулась и его как в студенческие годы, так и после окончания в 1952 г. с отличием исторического факультета Среднеазиатского государственного университета. Из-за пресловутого «пятого пункта» ему – отличнику и известному активисту-общественнику города Ташкента – не удавалось даже в рамках существовавших тогда инструкций устроиться на работу по специальности. Лишь по счастливой случайности его пригласили на работу преподавателем истории СССР, а через год – преподавателем политической экономии в Ташкентском финансово-кредитном (учетно-кредитном) техникуме. И лишь в 1961 г., спустя девять лет после окончания университета, его пригласили на работу в Ташкентский государственный университет, где он проработал в общей сложности 32 года, пройдя путь от ассистента до профессора. С большим трудом и напряжением он пробивал дорогу себе сначала в университет, а затем в науку. Другой бы, возможно, сломался, опустил руки. Но Семену Гитлину присущи упорство, целеустремленность, огромная работоспособность. Благодаря этим качествам профессору С. Гитлину удалось преодолеть все трудности и добиться своего. Сначала в Московском государственном университете он защитил кандидатскую диссертацию, затем докторскую, получил звание профессора, а в январе 1990 г. ему присвоили почетное звание Заслуженного деятеля науки Узбекистана.

С.И. Гитлин показал себя как ученый, доказавший, что наукой он занимается ради поиска объективной истины, а не ради получения каких-то благ. Это особенно проявилось по приезду в Израиль, где после первых двух трудных лет абсорбции он в течение шести лет был научным сотрудником Центра Каммингса по исследованию России и стран Восточной Европы при Тель-Авивском университете. В мемуарах С.И. Гитлин признается, что в Израиле он пришел к выводу, что углубление исследования истории евреев в Средней Азии значимо и нужно и на современном этапе, если учесть, сколь велики потери в освещении полной правды жизни и подлинной истории народов СССР. А что тогда говорить об истории евреев? Она на разных этапах развития советского общества искажалась, а затем и вовсе была предана забвению. Все это шло в русле официальной политики ассимиляции евреев. Профессор Гитлин с горечью повествует, что политика забвения «еврейского вопроса в СССР» привела к тому, что во многих странах, включая Израиль, мало или почти не знают об истории евреев в Средней Азии как составной части российской и всемирной еврейской истории. Не случайно, что когда речь заходит о евреях в Средней Азии, то многие имеют в виду только среднеазиатских (бухарских)

евреев, даже не предполагая, что там жили и европейские евреи, сыгравшие большую роль в развитии региона.

В мемуарах С.И. Гитлина отражена кропотливая работа в области исследования национальных отношений в СССР, в советском и постсоветском Узбекистане, особенно по истории евреев в Средней Азии, начиная со времени присоединения этой территории к России (с середины XIX в.) и до массового исхода евреев в конце XX в. Автором проделана скрупулезная работа по сбору материалов, касающихся различных групп еврейского населения, проживавших в мусульманском регионе в составе Российской империи, а затем СССР.

В Израиле С.И. Гитлин сумел в непростых условиях репатриации подготовить и опубликовать семь книг, шесть из которых посвящены исследованию истории среднеазиатских и европейских евреев, проживавших на территории Средней Азии. В их числе «Национальные отношения в Узбекистане: иллюзии и реальность» (1998. 456 с.); «Национальные меньшинства в Узбекистане: прошлое и настоящее / Евреи в Узбекистане» (в 2-х тт., 2004. 926 с.); «Исторические судьбы евреев Средней Азии / Появление в регионе. История. Исход» (2008. 857 с.); «Памяти павших евреев – воинов Узбекистана. 1941–1945» (2010. 304 с.); «Очерк истории евреев в Средней Азии. 1860–1940 годы» (2013. 180 с.) на иврите; «Воспоминания историка о жизни в СССР и Израиле» (2-е доп. и изм. изд. Тель-Авив, 2016. 692 с.). В России в эти годы вышли «Страницы еврейской истории в документах. 1860-е гг. – 1940 г.» (М., 2011. 719 с.) и «Воспоминания историка о жизни в СССР и Израиле» (М., 2016. 768 с.).

В книгах С.И. Гитлина использован огромный комплекс документов из архивов Узбекистана, Израиля, России, а также опубликованных материалов, справочных и энциклопедических изданий, монографические работы, научные статьи как советского периода, так и последних двух десятилетий. Насколько я знаю, на сегодняшний день последние работы С.И. Гитлина – единственные обобщающие исследования по истории евреев в Средней Азии, охватывающие период с середины XIX в. (хотя имеется содержательный экскурс и в более отдаленное прошлое) и до начала 90-х гг. XX в.

Гитлин, проживший в течение 60 лет в Узбекистане, является очевидцем и непосредственным участником многих событий и поэтому обладает решающим преимуществом по сравнению со многими исследователями данной проблемы. Это позволило ему как серьезному ученому глубоко и аргументированно осветить сложные политические, социально-экономические, демографические и культурные процессы, протекавшие в среднеазиатском регионе, и прийти к неординарным выводам по многим дискуссионным вопросам.

Читаешь книги этого автора и особенно «Воспоминания историка...» и не перестаешь удивляться тому, сколько фундаментальных трудов, получивших

высокую оценку специалистов и читателей в разных странах мира, включая Израиль, Россию, США, Германию и др., издал он за двадцать лет. Можно с уверенностью сказать, что каждое из названных трудов профессора С.И. Гитлина могло бы стать плодом труда целого научного коллектива, но он выполнил эту огромную работу в одиночку, и это не может не вызывать уважения. Таких результатов удастся достичь далеко не каждому ученому. Не может не imponировать и тот факт, что он сумел освободиться от советских стереотипов и критически пересмотреть целый ряд своих прежних позиций.

Подводя итог сказанному, отмечу, что автор мемуаров выступает как бы в трех лицах: как историк, политолог и как свидетель и участник многих событий 40–90-х гг. XX в. Однако, увлеченная содержанием книги, я как историк не только не чувствовала каких-либо противоречий в таком подходе автора, но, напротив, признательна ему за возможность взглянуть на описываемые исторические события с разных сторон. В любом случае в книге доминирует историк, и историческая часть составляет основную долю излагаемого материала. На мой взгляд, включенные в мемуары документы и материалы имеют неопределимую значимость для познания нашей истории. К сожалению, книга издана малым тиражом и в силу этого будет недоступна не только в России. Хотелось бы высказать пожеланием переиздать «Воспоминания историка о жизни в СССР и Израиле», если учесть, что все больше становится тех, кто не застал времена СССР и его распада. Для них это абстракции, о которых упоминают разве что учебники истории.

© Афанасьева Т.К., 2017

Для цитирования: *Афанасьева Т.К.* Рецензия на: С.И. Гитлин. Воспоминания историка о жизни в СССР и Израиле. М.: Собрание, 2016. 768 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Том 16. № 4. С. 686–691. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-686-691.

Информация об авторе: *Афанасьева Татьяна Константиновна* – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и культурологии Московского энергетического института Национального исследовательского университета (Москва, РФ).

BOOK REVIEW:

Gitlin S.I.

Historian's memoirs about his life in the USSR and in Israel.

Moscow: Collection Publ., 2016. 768 p.

Tatiana K. Afanas'eva

Moscow Energy Institute
National Research University
14 Krasnokazarmennaya, Moscow, 111250, Russia
9150867357@mail.ru

For citation: Tatiana K. Afanas'eva, Book review: S.I. Gitlin. Memoirs of a historian about life in the USSR and Israel. Moscow: Collection Publ., 2016. 768 p. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 686–691. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-686-691.

About the author: Tatiana K. Afanas'eva, PhD (Doctor of Historical Sciences), Professor, Professor of the Department of History and Culturology of Moscow Energy Institute at National Research University (Moscow, Russia).

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-692-699

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Котеленец Е.А.

Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии.

М.: АИРО – XXI, 2017. 256 с.

А.А. Кузнецов

Институт экономики и предпринимательства
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
603950, Россия, Нижний Новгород, пр. Ленина, 27, корп. 15
nalbuz@mail.ru

В год столетнего юбилея Российской революции вышла книга Е.А. Котеленец «Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии». Книга посвящена историописанию ленинианы за последнюю треть столетия. Автор пытается определить то место, которое занимает один из создателей революции и Советского государства в России после 1991 г. Необходимость решения такой задачи определяется характеристикой, данной историком Е.А. Котеленец: «Ленин является одной из самых масштабных и сложнейших фигур XX века» (с. 10).

Эта же фраза определяет и сложность поставленной исследовательской задачи. В.И. Ленин остается яркой и в определенном смысле не постигнутой фигурой политического деятеля, революционера, государственного устроителя, военного стратега, мыслителя, экономиста и пр. Научное освоение феномена В.И. Ленина можно и должно производить через текстологию его трудов, через изучение его революционно-подрывной и государственно-созидательной практик, через исследование коммуникационной сети деятелей революции и Советской власти, замкнутой на него, через мемуарную литературу о нем, через анализ советской восхваляющей его традиции и через отечественную антисоветскую разоблачающую его традицию, через выяснение причин интереса к Ленину в зарубежной историографии, путем взглядывания в образ от кадров кинохроник до художественных фильмов и пр.

Естественно, что все это невозможно было охватить 256-ю страницами монографии. Поэтому автор – Е.А. Котеленец – компактно и емко представила новейшие исследования и дискуссии, связанные с В.И. Лениным, эффективно структурируя материал книги, а также представив те значимые точки, которые

позволяют замерить «температуру накала» ленинианы в политике, обществе и науке.

Книга Е.А. Котеленец состоит из введения, двух больших разделов: 1. Ленин и его окружение в «Перестроечном» историознании; 2. Ленин и большевистская элита: пересмотр фактов и оценок; заключения, списка источников и литературы и именного указателя. Авторские размышления Е.А. Котеленец, приведенные во введении, убеждают в справедливости слов: «Обилие точек зрения, взглядов и концепций по ленинской теме давно требуют определенно подведения итогов» (с. 14). Совершенно логичным выглядит описание источниковой базы – «историографические работы... новый корпус документальных публикаций по проблеме, равно как и авторские материалы о состоянии и степени разработанности личных фондов вождей и окружения в центральных архивах РФ» (с. 15). Особый акцент в этой фразе на корпус документальных публикаций объясним не только тем, что зачастую документальные подборки делаются тенденциозно (в отношении ленинианы это имело и имеет место). Е.А. Котеленец на примере подготовки пятого издания полного собрания сочинений В.И. Ленина показала, что даже академический корпус достоверных текстов можно оснастить именными справками научно-справочного материала так, что будут исключены «любые поводы для разночтений» (с. 22). Этот методологический вывод лениноведения приобрел особую научную актуальность в годы перестройки, и эта актуальность сохраняется и поныне.

Как явствует из названия первого раздела монографии Е.А. Котеленец, он посвящен изучению В.И. Ленина и его наследия в позднесоветском обществе и науке – в эпоху перестройки. Этот раздел занимает около 35% (78 с.) из 229 страниц основного текста книги. Такая «жертва» была вынужденной. Для разговора о новейших исследованиях и дискуссиях о В.И. Ленине (в последние четверть века – времени после распада СССР и сознательного, декларативного изгнания социалистического, советского и, разумеется, ленинского наследия из постсоветской политической и социокультурной жизни) надо напомнить современному читателю об исходной позиции, истоках, корнях и трендах обсуждения ленинской проблематики. Они обнаруживаются в кризисе лениноведения в «перестроечном» историознании.

Именно в годы перестройки происходила смена парадно-официозной трактовки наследия В.И. Ленина вдумчивым его изучением. Последнее было вызвано: 1) противопоставлением ленинских революционных, партийных и советско-государственных сталинским злоупотреблениям, преступлениям и искажениям (как они тогда понимались) с целью разоблачения вторых; 2) гносеологической потребностью ученых-обществоведов (философов, социологов, историков, политэкономов, специалистов в области научного коммунизма) представить объективную оценку роли и значения наследия В.И. Ленина; 3) политическим заказом разных властных сил

и групп (включая и зарубежные) освятить/дискредитировать истоки советской государственности через варианты разной репрезентации В.И. Ленина; 4) стремительным превращением буржуазных фальсификаторов истории если в не авторитеты лениноведения, то в партнеры, и введением их исследований в лениноведение на правах «другого» знания. Эти – основные – и другие факторы интенсификации феномена Ленина вызвали кризис лениноведения.

Данный кризис определил и основные силовые векторы его преодоления: апологетика В.И. Ленина, негативизация его и его наследия и серьезное вдумчивое исследование. Последнее выразилось в противоречивой реализации проекта по объективному изучению всего доступного массива текстов В.И. Ленина, его наращиванию через возможный доступ к ранее неизвестным документам, связанным с деятельностью В.И. Ленина, и подготовкой их публикации, научной оценки деятельности В.И. Ленина, взятой в совокупности исторических перспективы и ретроспективы, событийного контекста и новой фактографии советской истории. Из всего этого, как явствует из первого раздела книги Е.А. Котеленец, кристаллизовались принципиальные научные инструменты «лениноведения». Они были осмыслены и предложены в ходе преодоления вульгарной «антиленинианы», набравшей обороты на рубеже 1980-х – 1990-х гг. и предлагавшей легкие решения сложных проблем. К ленинскому наследию ученые, наделенные профессиональной исследовательской культурой, стали подходить через изучение своеобразной точки бифуркации. Она выразилась в пристальном внимании к «политическому завещанию» В.И. Ленина, в рассуждениях в духе альтернативной истории об упущенных возможностях (этому посвящена третья глава первого раздела).

Логически связанной с этим проблемным блоком оказалась четвертая глава первого раздела, в которой рассматриваются процедуры сопоставления в перестройку ленинизма и сталинизма по идеологии (учению) и последствиям. При решении этих вопросов тоже было неизбежным приобщение к рассуждениям об альтернативности, об упущенных возможностях, об общности и различиях разных парадигм развития российского и советского общества.

На тогдашние споры времен перестройки влияла политическая конъюнктура. Политика гласности, актуализация опыта НЭПа, обсуждение роли КПСС в стране, подвижки в доктрине внешней политике СССР, выявление и избавление от исторических травм общественной памяти, критика советской бюрократии – это и многое другое, замкнутое на персоналии В.И. Ленина, определяло и видение перспектив, вариантов будущего для обновленного Советского Союза. Отсюда – и живой интерес властных групп к спорам о В.И. Ленине, участие их представителей в выстраивании особой версии ленинианы. К таковым, опираясь на данные Е.А. Котеленец, надо отнести В.А. Медведева, А.Н. Яковлева, Ю.Н. Афанасьева и Д.А. Волкогоно-

ва. Проявившийся в их трактовках В.И. Ленина субъективизм существенно повлиял на развитие научного дискурса ленинианы. Желание сделать свою интерпретацию наследия Ленина доминирующей толкало Д.А. Волкогонова и ему подобных на получение монополии «изучения» неизвестных ранее документов о Ленине, на неполемические приемы ведения дискуссии.

Подобные явления обусловили свертывание плодотворного, вдумчивого, обстоятельного и профессионального обсуждения поля проблем, связанных с Лениным и его наследием, зауживание этого интеллектуального потока до русла ручья. Представителями этого направления были Е.Г. Плимак, Г.Л. Смирнов, В.Т. Логинов, Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов. Особенно примечательны два последних историка. Во второй половине 1980-х гг. они были относительно молоды, амбициозны, не имели тех идеологических шор, что были у старшего поколения, обладали высокой исследовательской культурой. Они готовы были в спорах обнаруживать проблемы и обсуждать их для достижения истины в деле о месте и роли В.И. Ленина в истории и культуре России – Советского Союза. Оказавшись в положении не услышанных, не прочитанных и непонятых, историки переключились на исследования других проблем.

Такая развязка, представленная Е.А. Котеленец, дает пищу для историографических размышлений по ряду принципиальных, порой методологических, вопросов о смене поколений в исторических (гуманитарных) науках и (а)синхронности смены исследовательских моделей, о взаимовлиянии власти, общества и науки при поисках ответов на злободневные вопросы прошлого и упущенных достижениях при закрытии возможностей изучать тот или иной вопрос. В отношении ленинианы упущенным оказалось академическое шестое издание собрания сочинений В.И. Ленина, приостановленным оказалось изучение ранее неизвестных документов и текстов, связанных с ним, не извлечены уроки – положительные и отрицательные – из ленинского опыта организации революции, партийного и государственного строительства... И в этом тоже сказался субъективный фактор. Подробно эти явления постсоветского времени прописаны во втором разделе монографии.

Он как раз и посвящен «битве за Ленина» в новейшей истории России. Только название раздела – «Ленин и большевистская элита: пересмотр фактов и оценок» – диссонирует с заглавием первого раздела, которое помещает лениниану во временной контекст словосочетанием «в Перестроечном историознании». Такого контекста нет в названии второго раздела, содержание которого связано с постсоветской ленинианой и с основной темой монографии. Несмотря на некоторую парадоксальность такого авторского шага, он объясним. Явные дискуссии по В.И. Ленину после 1991 г. отсутствовали и отсутствуют, как явствует из глав второго раздела. Обсуждение проблем, свя-

занных с В.И. Лениным, носит опосредованный, переотложенный характер. И связано это оказалось с политическим фактором.

С целенаправленным развалом СССР и кардинальным демонстративным отказом от советских и социалистических традиций в России в 1990-е гг. изменилось и отношение к В.И. Ленину и его наследию. Они оказались в числе тех проблем, решение которых потеряли социально-политическую актуальность. Произошел манифестируемый властью отказ от преемственности с идеологией революции и советской государственностью. Молодая российская государственность, отведя прежних героев и былые идеалы в зону девиации, уже не нуждалась (и не нуждается) в В.И. Ленине. Поэтому-то предметный разговор о нем оказался ненужным. Его можно и нужно стало разоблачать с целью моральной дискредитации коммунистов, их негативных практик советского времени. И В.И. Ленин стал подаваться как основоположник антинародной сущности советско-коммунистического (большевистского) режима. При этом фигура основателя Советского государства перемещалась из центра общественного внимания на его периферию. Развивалась опосредованная критика В.И. Ленина, в которой он подразумевался априори.

Эта опосредованная критика шла через отдельные сюжеты, которые были сгруппированы Е.А. Котеленец во втором разделе книги. Например, «немецкое золото», генеалогия В.И. Ульянова (Ленина), дворянство вождя и его (не)/(со)участие в уничтожении царской семьи, его отношение к Русской православной церкви, антироссийское поведение В.И. Ленина ради идеи мировой революции, сталинизм как продолжение ленинизма и пр. Так или иначе, подобные сюжеты вбирают себя взаимоотношения В.И. Ленина и его соратников, а также преемников. Данное обстоятельство и привело к тому, что второй, и основной, раздел монографии посвящен В.И. Ленину и большевистской элите.

Чтение второго раздела книги Е.А. Котеленец позволяет согласиться с рядом авторских выводов. После 1991 г. В.И. Ленина «стало и становится меньше». Этому есть и косвенное подтверждение. В списке литературы в книге Е.А. Котеленец (с. 233–246) количество изданий после 1991 г., в названии которых фигурируют Ленин, вопросы изучения его биографии и теоретического наследия, предельно мало. Стремительная минимизация ленинского присутствия в фокусе общественно-государственного внимания ведет к отказу от изучения наследия и деятельности В.И. Ленина с учетом исторического контекста.

Агностицизм в отношении ленинских идей способствовал «методу» легких решений. Ленина и его соратников стало удобно обвинять во многих бедах России. Только Ленин с большевиками обусловили поражение России в Первой мировой войне (отсюда якобы и предательство интересов Родины, вы-

развившееся в истории с «немецким золотом»). Демократия, случившаяся в России после Февраля 1917 г., была задушена В.И. Лениным со товарищи. Их трудами якобы был создан потенциал разрушения Советского Союза, а потом и России. Ленин и иже с ним оказываются исключительными виновниками братоубийственной Гражданской войны.

При таких обстоятельствах Е.А. Котеленец отмечает и новые позитивные явления в изучении ленинианы. Это и появление новых источников (что, впрочем, не компенсирует в полной мере отказ от издания шестого Собрания сочинений В.И. Ленина). Отказ от парадно-идеологических шор позволил обратиться к ранее табуированным темам. К ним относятся антропологический и личностный аспекты изучения феномена В.И. Ленина, исследования проявления человеческого в вожде революции, проблема «В.И. Ленин и православная культура» и пр. Однако утрирование этих исследовательских мотивов ведет к появлению своеобразной спекулятивной «пены». Здесь и оккультистские трактовки деятельности В.И. Ленина (прежде всего с целью апологетики – с. 125 – 126), и выпячивание давней идеи о мести В.И. Ленина за старшего брата как главного движителя целеполагания первого, и приписывание В.И. Ленину вины за многие решения первых лет советской власти, и подмена обстоятельной биографии исторического деятеля В.И. Ленина нарративом, сложенного из интерпретации интимных моментов его жизни, и пр.

Развитие интимно-личностного аспекта биографии В.И. Ленина вскрывает одну большую историографическую проблему последнего времени. До какого морального предела исследователь может препарировать и представлять человеческое в своем герое? Применительно к В.И. Ленину надо ли подробно, а иногда со смакованием, исследовать его отношения с Инессой Арманд, а может быть ограничиться признанием этого факта, если он не оказал существенного влияния на историю России? Надо ли исследователю соотносить свое желание обнародовать свои открытия в интимной жизни героя с воображаемым желанием персонажа скрыть это? Вопросы остаются открытыми. Но «битва за Ленина» актуализирует обсуждение (не)допустимости моральных барьеров (фильтров) в работе историка.

Указанные выше новые негативные явления «ленинианы» после 1991 г. – контрреволюционная дискредитация В.И. Ленина, вытеснение его на периферию историографического потока, отказ от текстологии его трудов и пр. – привели к парадоксальному факту. В 2017 г. – год столетия революции в России – имя важнейшего ее создателя и деятеля вспоминается редко и в эмоциональном плане. Почти ничего нет для аналитики. И опыт биографии В.И. Ленина, на который замахнулся Лев Данилкин, – одно из главных событий ленинианы 2017 г. (с. 148) – оказался «романом о Ленине» (с. 151), а главный герой «романа» – «полностью сконструированным персонажем».

Из всего обзора ленинианы по второму разделу следует неутешительный для исторической науки вывод: кроме работ В.Т. Логинова, к 2017 г. нет полноценных штудий по феномену В.И. Ленина, отвечающих запросам поколения, родившегося после 1991 г. И это в две тысячи семнадцатый год! Данное обстоятельство рождает и оптимизм по поводу обязательного «возвращения» В.И. Ленина в российский политический дискурс.

К емкому, хорошо организованному монографическому тексту Е.А. Котеленец надо высказать и непринципиальные замечания. Добротное историографическое исследование только выиграло, если бы автор при оценке полемических сюжетов привлекал бы больше ленинских цитат. Такой прием позволил бы самому В.И. Ленину защитить себя от недобросовестных публицистов от истории. Не очень четко Е.А. Котеленец обозначает свою позицию по дискуссионным сюжетам. Зачастую автор ограничивается тем, что мнение, с которым она согласна, помещается в конце обзора по тому или иному вопросу ленинианы. В качестве перспектив на продолжение исследования развития ленинианы можно предложить анализ динамики художественного образа В.И. Ленина в литературных произведениях с середины 1980-х гг. по настоящее время. Ведь общеизвестно, что художественные тексты могут определять видение прошлого в обществе более сильно, нежели исторические исследования. Особенно это ярко проявляется, если автор пользуется популярностью. Например, в книге Фазиля Искандера «Человек и его окрестности» дана негативная оценка В.И. Ленину и его интеллектуальному наследию.

В целом же надо отметить, что монография Елены Анатольевны Котеленец – важное, нужное и своевременное исследование. Представление большого – за четверть века – историографического мегатекста ленинианы с его трендами, противоречиями служит возвращению В.И. Ленина в политическую и исследовательскую культуру России и будет способствовать оживлению заслуженного научного, общественного интереса к масштабной фигуре создателя партии, возглавившей революцию и управлявшей страной более 70 лет.

© Кузнецов А.А., 2017

Для цитирования: *Кузнецов А.А.* Рецензия: Котеленец Е.А. Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО – XXI, 2017. 256 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Том 16. № 4. С. 692–699. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-692-699.

Информация об авторе: *Кузнецов Андрей Александрович* – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, РФ)

BOOK REVIEW:

Kotelenets E.A.

Bitva za Lenina. Noveishie issledovaniya i diskussii
[Battle for Lenin. Recent researches and discussions].
Moscow: Airo – XXI Publ., 2017. 256 p.

Andrey A. Kuznetsov

The Institute of Economics and Entrepreneurship
Lobachevsky University
27, building 15, Lenin Av., Nizhny Novgorod 603950, Russia
nalbuz@mail.ru

For citation: Andrey A. Kuznetsov, Book review: Kotelenets E.A. Battle for Lenin. Recent researches and discussions. Moscow: Airo – XXI Publ., 2017. 256 p. *RUDN Journal of Russian History*. 2017; 16 (4): 692–699. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-4-692-699.

About the author: Andrey A. Kuznetsov, PhD in history (Doctor of Historical Sciences), Associate Professor, Professor of the Department of Culture and Entrepreneurship Psychology of the Institute of Economics and Entrepreneurship at Nizhny Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod, Russia).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10 000 знаков, статьи и историографические обзоры объемом 40 000 знаков, включая сноски и межсловные интервалы (пробелы), в форматах PDF и MS Word с типом файла DOC. В редакцию должны быть направлены три файла.

Первый файл должен содержать в себе статью с указанием автора и информацией о нем. Файл направляется по электронному адресу корпоративной почты журнала: rushistj@rudn.university.

Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы).

После основного текста статьи размещается раздел «Документы и материалы» и «Библиографический список». Последний должен включать в себя не менее 20 наименований публикаций. Из них, как минимум, 3 – ссылки на новейшие иностранные публикации и, как минимум, 3 – на статьи из российских журналов, включенных в БД Scopus и Web of Science.

Каждому наименованию присваивается порядковый номер, заключенный в квадратные скобки. Перечень источников располагается в алфавитном порядке, перечень публикаций в «Библиографическом списке» располагается в порядке следования в тексте.

Ссылки на литературу внутри текста статьи также оформляются в виде квадратных скобок. Внутри скобок указывается порядковый номер издания из «Библиографического списка» и через запятую – страница текста.

Дополнения автора, документы без авторства (архивные источники, официальные документы, инструкции, интернет-материалы) оформляются в виде постраничных автоматических сносков.

Вторым файлом по электронному адресу корпоративной почты журнала **направляются: информация об авторе на русском и английском языках, аннотация статьи на английском языке от 250 до 300 слов и русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации;**

Третий файл должен содержать текст статьи **без** указания ФИО автора и информации о нем. Данный анонимный файл автор прикрепляет на сайт журнала для проведения внешнего «слепого» рецензирования.

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:
<http://journals.rudn.ru/russian-history>.

Адрес электронной почты:
rushistj@rudn.university.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2018 г.

Том 17, № 1 (2018)	
Тема рубрики	Русские в мире
Прием статей до	1 декабря 2017 г.
Выход из печати	февраль/март 2018 г.
Том 17, № 2 (2018)	
Тема рубрики	История евреев в России
Прием статей до	1 марта 2018 г.
Выход из печати	май/июнь 2018 г.
Том 17, № 3 (2018)	
Тема рубрики	История тюркско-мусульманских народов России
Прием статей до	1 июня 2018 г.
Выход из печати	август/сентябрь 2018 г.
Том 17, № 4 (2018)	
Тема рубрики	Народы юга России: история, культура, традиции, менталитет
Прием статей до	1 августа 2018 г.
Выход из печати	ноябрь/декабрь 2018 г.

Редколлегия журнала

ДЛЯ ЗАМЕТОК
